This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

БИБЛІОТЕКА ЧЕМЕРЗИНЫХЪ.
ШКАПЪ
ПОЛКА
№

КЪ ПОРТЪ-АРТУРСКОМУ

СУДЕБНОМУ ПРОЦЕССУ.

Обвинительный актъ.

Съ картою.

(Безплатное приложеніе къ № 1-му „Военнаго Сборника“ 1908 года).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1908.

Printed in Soviet Union

Безплатное приложеніе къ № 1
„Военнаго Сборника“ 1908 года.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

по дѣлу о бывшемъ начальникѣ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона, нынѣ уволенномъ отъ службы генералъ-лейтенантѣ Анатоліи Михайловичѣ ***Стесселѣ,*** бывшемъ комендантѣ крѣпости Портъ-Артуръ генеральнаго штаба генералъ-лейтенантѣ Констатинѣ Николаевичѣ ***Смирновѣ,*** бывшемъ начальникѣ 4-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи генералъ-лейтенантѣ Александрѣ Викторовичѣ ***Фокѣ*** и бывшемъ начальникѣ штаба Квантунскаго укрѣпленнаго раіона генеральнаго штаба полковникѣ (нынѣ генералъ-маіоръ) ***Рейсѣ,*** преданныхъ Верховному Военно-Уголовному Суду по Высочайшему повелѣнію, на основаніи 1277^{1} и 1277^{10} ст. ст. Св. В. П. 1869 г., XXIV кн., изд. 3 (приказъ по воен. вѣд. 1906 г. № 285).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1908.

Для удобства чтенія прилагается планъ крѣпости Портъ-Артура изъ № 3 журнала „Военный Сборникъ“ за 1905 годъ.

I. Оборона Цзиньчжоуской позиціи.

22-го апрѣля 1904 года японскія войска, подъ прикрытіемъ своей эскадры, начали высаживаться на Квантунѣ у г. Бицзыво, сѣвернѣе бухты Кинчанъ. На отрядъ въ составѣ 4-ой Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи съ ея артилеріею и 5-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, подъ командою начальника 4-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи генералъ-лейтенанта Фока, возложена была задача задерживать непріятеля возможно дольше и далѣе отъ крѣпости Портъ-Артуръ. Для достиженія этой цѣли, въ виду высадки осадной японской арміи къ сѣверу отъ перешейка Цзиньчжоу, особо важное значеніе пріобрѣталъ послѣдній, представлявшій собою очень сильную отъ природы позицію, протяженіемъ по фронту всего около $1^1/_2$ верстъ, которая запирала единственный путь на Квантунъ съ сѣвера. Важность этой позиціи понималась еще и до войны; съ началомъ же военныхъ дѣйствій на Цзиньчжоу было обращено особое вниманіе, и она была усилена укрѣпленіями, вооруженными орудіями крупнаго калибра. Относительно характера обороны ея, комендантомъ крѣпости Портъ-Артуръ, впослѣдствіи начальникомъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона генералъ-лейтенантомъ Стесселемъ данъ былъ генералъ-лейтенанту Фоку рядъ указаній: такъ, 15-го февраля 1904 г. въ резолюціи своей на постановленіи комиссіи, осматривавшей позицію при Цзиньчжоу, генералъ Стессель писалъ: «Я считаю, оборона Киньчжоуской позиціи, какъ бы она ни была атакована, должна быть до послѣдней возможности, т. е. до штыковыхъ свалокъ, и только при натискѣ, который заставитъ ее очистить, гарнизонъ, испортя все, можетъ оставить и, отходя съ позиціи на позицію, отступить къ крѣпости. Полки 13-й и 14-й, составляя полевой резервъ, прежде всего должны отбивать высадки, затѣмъ помогать Киньчжоуской позиціи и только при полной невозможности справиться съ противникомъ вмѣстѣ съ гарнизономъ отходятъ къ крѣпости. Позиція имѣетъ чрезвычайную важность и удержаніе ея до подхода въ тылъ против-

*

нику, атакующему ее съ фронта, отрядовъ изъ Маньчжурской арміи, для этого высланныхъ, необходимо». Когда затѣмъ выяснилось уже, что японцы высадились сѣвернѣе Цзиньчжоу, генералъ Стессель, телеграммою на имя генерала Фока отъ 6-го Мая 1904 года за № 3920, указывалъ: «Такъ какъ въ тылу высадки нѣтъ и не видно приготовленій, то атаки Цзиньчжоуской позиціи можно ожидать только съ сѣвера, вѣрнѣе—съ востока, такъ какъ они уже близко подошли, въ этомъ случаѣ, если нѣтъ высадки въ тылу, то на самую упорную оборону позиціи должно быть обращено все вниманіе, резервы должны быть усилены, одного полка тамъ мало, пока Цзиньчжоу наше, Артуръ безопасенъ, баталіонъ изъ Ичензы возьмите, я буду охранять ее отсюда».

2-го Мая днемъ выяснилось движеніе японцевъ въ двухъ направленіяхъ: около 2-хъ баталіоновъ—на Саншилипу и 5—6 баталіоновъ по Бицзывоской дорогѣ на Игядянь. Генералъ-лейтенантъ Стессель предложилъ по телефону генералъ-лейтенанту Фоку произвести, если это признается имъ нужнымъ, усиленную рекогносцировку къ сѣверу отъ Цзиньчжоу. Къ вечеру этого дня части дивизіи заняли слѣдующее положеніе: 14-й полкъ—у д. Тунсализанъ; 2 баталіона 13-го полка съ 2-мя батареями, по диспозиціи, должны были дойти до ст. Цзиньчжоу, но, по приказанію генералъ-маіора Надѣина, остановились на ночлегъ на ст. Тафашинъ; 16-й полкъ остался въ г. Дальнемъ; 2 роты 5-го полка стояли у с. Чафантань, двѣ другія роты того же полка—близь д. Шисалитеза, составляя авангарды дивизіи; впереди авангардовъ находились конные охотники 5-го и 16-го полковъ.

Въ первомъ часу ночи на 3-е Мая генералъ-лейненантъ Фокъ приказалъ: 1-му баталіону 14-го полка съ 6-ю орудіями 3-ей батареи перейти съ разсвѣтомъ къ д. Шисалитеза. Около 7 часовъ 6-го Мая на ст. Цзиньчжоу прибыли изъ Артура 2 баталіона 15-го полка.

Диспозиціи на 3-е Мая отдано не было, а утромъ, въ развитіе диспозиціи отъ 2-го Мая, черезъ начальника штаба дивизіи, отданы были приказанія: двумъ баталіонамъ 13-го полка съ батареями перейти со ст. Тафашинъ къ ст. Цзиньчжоу, баталіонамъ 15-го полка со станціи Цзиньчжоу идти по Бицзывоской дорогѣ къ желѣзнодорожному мосту. Общая картина расположенія нашихъ силъ къ началу боя слѣдующая: у д. Шисалитезы—авангардъ (лѣвый) подъ начальствомъ генералъ-маіора Надѣина, въ составѣ 2-хъ ротъ и конно-охотничьей команды 5-го полка, 3-ей батареи и 4-хъ поршневыхъ орудій Квантунской крѣпостной артилеріи, запряженныхъ быками; резервъ отряда составлялъ 1 баталіонъ 16-го полка; у д. Чафантань—авангардъ (правый) подъ начальствомъ подполковника князя

Мачабели, въ составѣ 3-хъ ротъ и одной охотничьей команды 5-го полка; резервъ его составлялъ 1 баталіонъ. Промежутокъ между авангардами (около 4-хъ верстъ) былъ закрытъ 3-имъ баталіономъ 5-го полка. Остальныя части дивизіи съ двумя батареями стали за серединою расположенія, у отроговъ горы Самсонъ. Одинъ баталіонъ 5-го полка оставался на Цзиньчжоуской позиціи и выдвинулъ отъ себя заслонъ (1 рота, 2 пѣшихъ охотничьи команды, 2 орудія 57 м/м.) для воспрепятствованія обхода непріятелемъ нашего отряда между берегомъ и горою Самсонъ.

Японцы начали наступать съ утра въ значительныхъ силахъ и столкнулись съ нашими авангардами. Противъ лѣваго нашего авангарда (генералъ-маіоръ Надѣинъ) противникъ дѣйствовалъ пассивно, ограничившись сильнымъ артилерійскимъ огнемъ, которымъ 3-я батарея (подполковника Романовскаго) была уничтожена. Противъ праваго нашего авангарда (подполковникъ князь Мачабели) непріятель дѣйствовалъ активно, обрушившись 14-ю ротами на двѣ нашихъ роты и охотничью команду, бывшія въ боевой линіи.

Послѣ стойкаго сопротивленія, эти роты, не будучи поддержаны, стали отходить. Въ 2 часа дня генералъ-маіоръ Надѣинъ получилъ отъ генералъ-лейтенанта Фока приказаніе отступать на Цзиньчжоускую позицію. Роты отходили подъ сильнымъ натискомъ противника, поддерживаемыя артиллеріею. Отступленіемъ праваго фланга руководилъ лично генералъ-лейтенантъ Фокъ. Резервъ введенъ въ дѣло не былъ. Непріятель занялъ всѣ окружающія гор. Цзиньчжоу горы. Бухта Керръ была очищена нами наканунѣ. Наше сторожевое охраненіе пришлось поставить уже верстахъ въ 4—5 отъ позиціи.

4-го Мая утромъ, по приказанію генералъ-лейтенанта Фока, полки отошли за Цзиньчжоускую позицію, на которой остался одинъ только 5-й полкъ.

6-го и 7-го Мая обнаружены окопныя работы японцевъ на отрогахъ Самсона, 7-го же числа противникъ началъ атаки гор. Цзиньчжоу; ихъ было три, всѣ отбиты гарнизономъ. Къ 10-му Мая наша сторожевая цѣпь отошла на высоту города.

Рѣшительныя дѣйствія японцевъ противъ Цзиньчжоуской позиціи начались 12-го Мая. Въ этотъ день, въ 5 час. утра, непріятель открылъ внезапно сильный артиллерійскій огонь по гор. Цзиньчжоу и по позиціи, подъ прикрытіемъ котораго его пѣхота пыталась было штурмовать городъ съ сѣверной стороны, но была отбита съ значительными потерями. Около 11 часовъ утра огонь непріятеля прекратился. Повидимому, это была сильная артиллерійская рекогносцировка нашей позиціи. Съ 4-хъ часовъ дня въ Цзиньчжоускій заливъ стали входить японскія канонерки и миноносцы, а къ вечеру,

со стороны бухты Керръ, стали появляться колонны непріятеля, но останавливались внѣ нашихъ выстрѣловъ. Ночью атаки на городъ возобновились, и къ вечеру 13-го Мая онъ былъ взятъ японцами. Въ 5-мъ часу утра японцы со всѣхъ батарей открыли сильнѣйшій огонь по позиціи. Несмотря на энергичный отвѣтный огонь нашихъ батарей, сразу стало замѣтно превосходство противника въ числѣ орудій и скорострѣльности ихъ. Вслѣдствіе этого, уже въ 9 часовъ утра 13-го Мая наши батареи, дострѣлявъ свои послѣдніе снаряды, постепенно замолкали и отходили на ст. Тафашинъ. Послѣднею замолкла около 11 часовъ утра батарея № 5. Съ этого момента позиція стала защищаться только стрѣлковымъ огнемъ, имѣя слабую сравнительно поддержку съ батареи на Тафашинскихъ высотахъ до 3-хъ часовъ дня и съ батарей полевой артиллеріи, расположенныхъ въ 2—2½ верстахъ сзади позиціи.

Одновременно съ началомъ артиллерійскаго боя противникъ двинулъ свои пѣхотныя колонны на наши фланги. Около 3-хъ часовъ дня непріятельскій огонь внезапно сильно ослабѣлъ, только канонерки его продолжали стрѣлять, и эта относительная тишина, наступившая на полѣ сраженія, дала поводъ старшему изъ находившихся на немъ начальниковъ, генералъ-маіору Надѣину, донести, что атаки непріятеля отбиты, и орудія его принуждены огнемъ нашихъ батарей къ молчанію. Въ это время общее положеніе было такое: на лѣвомъ флангѣ противникъ находился отъ нашихъ окоповъ въ 400 шагахъ; въ центрѣ—на разстояніи 500—700 шаговъ, а противъ праваго фланга въ 800—1200 шаговъ. Бой скоро возобновился, и подъ прикрытіемъ своихъ цѣпей непріятель сталъ передвигать свои войска съ праваго фланга на лѣвый. Замѣтивъ это, генералъ-маіоръ Надѣинъ приказалъ двумъ батальонамъ выдвинуться изъ общаго резерва и занять пустые окопы лѣваго фланга. Но это не было исполнено, такъ какъ батальоны эти были встрѣчены направлявшимся на позицію генераломъ-лейтенантомъ Фокомъ и возвращены имъ обратно. Въ 4 часа дня противникъ возобновилъ артилерійскій огонь, сосредоточивъ его теперь только по окопамъ и укрѣпленіямъ, а изъ за горы Самсонъ появились новыя значительныя части пѣхоты. Вслѣдствіе просьбы командира 5-го полка, занимавшаго позицію, генералъ-лейтенантъ Фокъ, около 6 часовъ вечера, прислалъ на позицію двѣ роты 14-го полка, которыя введены были въ боевую линію, такъ какъ сосредоточенный огонь непріятеля по окопамъ лѣваго фланга настолько ихъ разрушилъ, что держаться въ нихъ было уже нельзя: люди отошли изъ нихъ.

Замѣтивъ отступленіе нашихъ частей на лѣвомъ флангѣ и появленіе у батареи № 12 и дальше въ тылу японцевъ, обходившихъ

нашъ лѣвый флангъ по водѣ, полковникъ Третьяковъ приказалъ ротамъ 14-го полка разсыпать цѣпь и двинуться навстрѣчу японцамъ; попытка же его, путемъ личнаго воздѣйствія на солдатъ, остановить отступающихъ не удалась. Отступленіе стало общимъ, такъ какъ получено было приказаніе генералъ-лейтенанта Фока отступать, переданное войскамъ помимо полковника Третьякова. Отступавшія роты были остановлены и устроены только на возвышенностяхъ сзади позиціи. Находившійся здѣсь батальонъ 14-го полка составилъ резервъ цѣпи. Увезти позиціонныя орудія не успѣли и, по возможности ихъ испортивъ, оставили на позиціи.

Непринимающіе участія въ бою полки 4-й дивизіи находились сзади позиціи, верстахъ въ 2½—3, на линіи ст. Тафашинъ—дер. Маедзы.

Одновременно съ очищеніемъ нами позиціи, японцы открыли сильный огонь по всему тылу позиціи и по ст. Тафашинъ, вслѣдствіе чего войска наши понесли наиболѣе сильныя потери именно при отступленіи.

Отступленіе прикрывалось батальонами 15-го полка, занявшими Тафашинскія высоты,—затѣмъ ихъ смѣнилъ 13-й полкъ, который держался на Тафашинскихъ высотахъ до 8 часовъ утра слѣдующаго дня и отступилъ съ нихъ безпрепятственно, такъ какъ японцы не преслѣдовали.

Утромъ 16-го Мая всѣ части дивизіи, переваливъ черезъ Шининцзинскій хребетъ, заняли Волчьи горы; 5-й полкъ прослѣдовалъ далѣе и сталъ подъ самою крѣпостью.

15-го Мая японцы заняли г. Дальній, оставленный нами въ ночь послѣ боя на 14-е число.

Спрошенный при слѣдствіи по поводу всѣхъ этихъ обстоятельствъ въ качествѣ обвиняемаго, бывшій начальникъ 4-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи, генералъ-лейтенантъ *Фокъ*, не признавая себя виновнымъ въ томъ, что въ то время, какъ бой подъ Цзиньчжоу начался 13-го Мая въ 5 час. утра, онъ, генералъ-лейтенантъ Фокъ, прибылъ на позицію лишь въ 2 часа дня, что, несмотря на заранѣе данныя генералъ-адъютантомъ Стесселемъ инструкціи упорно удерживать Цзиньчжоускую позицію, онъ не исполнилъ приказанія и не принялъ соотвѣтственныхъ мѣръ къ отстаиванію позиціи; не поддержалъ 5-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ, оборонявшій позицію, имѣвшимися у него подъ рукою тремя полками 4-й дивизіи и даже возвратилъ два баталіона, посланные для сего командиромъ бригады; что при полной возможности удерживать позицію, несмотря на огонь японскихъ канонерокъ, дѣйствовавшихъ противъ нашего лѣваго фланга, онъ депешею къ генералъ-лейтенанту Стесселю преуве-

личилъ опасность положенія отряда, чѣмъ и вызвалъ распоряженіе отступить; и, наконецъ, что, вопреки приказанія, отступленіе совершено было засвѣтло, что подвергло отрядъ потерямъ болѣе значительнымъ, чѣмъ даже во время самаго боя,—объяснилъ:

Относительно самаго боя:

Утромъ 13-го Мая, въ которомъ часу—онъ не помнитъ, обвиняемому доложили, что появились японскія суда; опасаясь высадки съ нихъ японцевъ, въ тылу Нангалина, онъ, обвиняемый, приказалъ командиру 15-го полка собрать офицеровъ и поѣхалъ съ ними, чтобы указать имъ, какъ слѣдуетъ занять позицію на случай высадки противника (15-й полкъ, съ 5-го мая находясь въ Портъ-Артурѣ, не былъ знакомъ съ мѣстностью у Нангалина, куда прибылъ только въ ночь на 13-е Мая). Во время осмотра позиціи, онъ, обвиняемый, получилъ извѣстіе, что японцы уже аттакуютъ Цзинь-чжоускую позицію, вслѣдствіе чего онъ тотчасъ же со всѣмъ своимъ штабомъ отправился на ст. Тафашинъ, куда и прибылъ часовъ въ 11-ть или около 12-ти. Пославъ отсюда командиру 5-го полка полковнику Третьякову приказаніе держаться во что бы то ни стало, онъ, обвиняемый, телеграфировалъ генералъ-лейтенанту Стесселю, что положеніе критическое, Затѣмъ, направляясь къ лѣвому флангу позиціи и дойдя до берега, обвиняемый увидѣлъ, что японцы идутъ на него по водѣ. Тогда онъ приказалъ конно-охотничьей командѣ 5-го полка двинуться впередъ и огнемъ остановить это наступленіе. Оно было дѣйствительно остановлено. Когда онъ, обвиняемый, проходилъ по позиціи, къ нему подошелъ командиръ 14-го полка полковникъ Савицкій и спросилъ:—«прикажите вести два баталіона»? Онъ, обвиняемый отвѣтилъ ему:—«Стойте». Теперь онъ знаетъ, что полковникъ Савицкій велъ эти баталіоны по приказанію генерала Надѣина и, вѣроятно, полагалъ, что это распоряженіе ему, обвиняемому, извѣстно. Тогда же онъ думалъ, что полковникъ Савицкій дѣлаетъ это по собственной иниціативѣ, желая порисоваться введеніемъ двухъ баталіоновъ въ такой огонь. Но если бы полковникъ Савицкій и доложилъ ему тогда о приказаніи генералъ-маіора Надѣина, онъ, обвиняемый, все-таки остановилъ бы эти баталіоны, такъ какъ считаетъ, что для обороны Цзиньчжоуской позиціи болѣе одного 3-хъ баталіоннаго полка не надо, на дѣлѣ же оказалось тамъ пять баталіоновъ, ибо къ 5-му полку присоединились рабочія роты (двѣ 14-го полка) и закладывавшія мины и державшія охрану охотничьи команды. Полковникъ Третьяковъ все время жаловался, что у него мало войска, онъ же, обвиняемый, находилъ, что слишкомъ много. Полковникъ Третьяковъ предлагалъ накопать ложементовъ хотя бы на цѣлую дивизію, обвиняемый же находилъ, что «если бы въ нихъ сидѣла цѣлая дивизія,

то оборона не выиграла бы, а проиграла, части не могли другъ друга поддерживать, а что всего хуже—1-я, 2-я и 3-я линіи и даже резервы всѣ поражались бы одинаково и одновременно. Противнику достаточно было бы прорваться гдѣ нибудь, чтобы все бѣжало и давило другъ друга. Попавъ въ это положеніе, дивизія не ушла бы». Потери были бы значительнѣе, но оборона не была бы упорнѣе.

Когда получена была записка отъ полковника Третьякова о критическомъ положеніи позиціи, о томъ, что всѣ патроны разстрѣляны и пороховой погребъ взорванъ, онъ, обвиняемый, приказалъ полковнику Савицкому направить двѣ роты его полка съ восемью двуколками на позицію. Прежде, чѣмъ принять какое либо рѣшеніе, онъ, обвиняемый, хотѣлъ лично удостовѣриться въ положеніи позиціи и возстановить бой и потому поднялся на гору; тутъ къ нему подошелъ полковникъ Савицкій и доложилъ, что Третьяковъ неправильно донесъ, будто пороховой погребъ взорванъ. Онъ, обвиняемый, пошелъ и убѣдился, что погребъ дѣйствительно цѣлъ.

Сколько времени пробылъ онъ, обвиняемый, на позиціи, онъ не помнитъ; находясь на ней, написалъ нѣсколько приказаній и телеграмму генералъ-лейтенанту Стесселю о томъ, что положеніе критическое—«гораздо хуже Шипки». Еще разъ приказавъ держаться во что бы то ни стало, онъ пошелъ налѣво, когда начался отливъ.

Возвратясь на ст. Тафашинъ, онъ, обвиняемый, рѣшилъ ночью перейти въ наступленіе ротами, расположенными у залива Хенуэза, и поддержать ихъ охотничьими командами 15-го полка. Но когда уже начало темнѣть, прибылъ къ нему адъютантъ 5-го полка, поручикъ Глѣбъ-Кошанскій и отъ имени командира полка доложилъ, что одна изъ ротъ, расположенныхъ на лѣвомъ флангѣ (капитана Фофанова), оставила позицію и что за нею началъ отступать весь полкъ; онъ, обвиняемый, приказалъ передать полковнику Третьякову, чтобы онъ, не останавливаясь, велъ полкъ прямо въ Портъ-Артуръ, такъ какъ опасался, что люди 5-го полка перемѣшаются съ полками дивизіи и тѣмъ произведутъ безпорядокъ. Отмѣнивъ предположенное наступленіе, онъ, обвиняемый, сдѣлалъ распоряженіе объ отступленіи; 15-й полкъ долженъ былъ остаться на Тафашинской позиціи до ухода послѣдняго солдата; 13-му полку приказано было немедленно идти на ст. Перелетный постъ и стоять тамъ всю ночь, 14-му полку слѣдовать за 13-мъ. Въ то же время чины штаба обвиняемаго уничтожили на ст. Тафашинъ все, что было, подготовили станцію къ взрыву и затѣмъ взорвали какъ ее, такъ и бывшіе тамъ склады.

внѣ нашего выстрѣла, поползла по направленію ст. Цзиньчжоу, свидѣтель, зная, что нашъ лѣвый флангъ разбитъ огнемъ непріятельскихъ канонерокъ и крупныхъ орудій праваго фланга японцевъ, послалъ на поддержку 7-й роты своего полка одну изъ ротъ 14-го полка и донесъ генералу Фоку, что у него совершенно нѣтъ резерва и ему нечѣмъ возобновить бой, если непріятель прорвется на позицію. Командиры двухъ прибывшихъ ротъ передали свидѣтелю записку отъ генерала Фока, въ которой послѣдній, обращая особое вниманіе свидѣтеля на лѣвый флангъ позиціи, писалъ, чтобы онъ ни въ какомъ случаѣ не сажалъ присланныя роты въ траншеи, а воспользовался бы ими для прикрытія отступленія. Между тѣмъ, объ отступленіи и не думали, такъ какъ отъ генерала Стесселя было получено по телеграфу приказаніе обороняться до послѣдняго человѣка. До 6 часовъ вечера полкъ стоялъ подъ убійственнымъ огнемъ артиллеріи; непріятель былъ остановленъ; японцы, обходившіе нашъ лѣвый флангъ по водѣ, были перебиты и лежали въ мелкой водѣ грудами.

Замѣтивъ черезъ нѣкоторое время, что съ нашего лѣваго фланга начинаютъ появляться у батареи № 12 и дальше въ тылу солдаты въ желтыхъ курткахъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, что нашъ лѣвый флангъ отступаетъ, и имѣя въ виду категорическое приказаніе стоять до послѣдняго человѣка, свидѣтель пытался остановить отступавшихъ. Но въ это время непріятель съ судовъ и съ сухопутныхъ батарей открылъ такой адскій шрапнельный огонь, что люди не выдержали и продолжали отступленіе. Выясняя впослѣдствіи причины отступленія, свидѣтель установилъ, что приказаніе о немъ было послано генералъ-лейтенантомъ Фокомъ съ офицеромъ, но послѣдній его не довезъ, а послалъ съ охотникомъ, который явился на лѣвый флангъ, передалъ его охотникамъ 13-го и 14-го полковъ; тѣ передали его командовавшему полуротою 10-й роты 5-го полка подпоручику Меркульеву, а этотъ послѣдній—командиру 7-й роты того же полка капитану Стемпневскому.

Фактъ этотъ подтверждается приложеннымъ къ показанію свидѣтеля письмомъ подпоручика Садыкова, въ которомъ сообщается, что передать приказъ полку объ отступленіи поручено было генералъ-лейтенантомъ Фокомъ подпоручику Музалевскому и что приказаніе это было отдано вечеромъ.

Свидѣтель, генералъ-маіоръ Третьяковъ, видѣлъ впослѣдствіи подпоручика Музалевскаго, и тотъ подтвердилъ ему фактъ отдачи приказанія объ отступленіи.

Для занятія и успѣшной обороны Цзиньчжоусской позиціи, по мнѣнію свидѣтеля, 11 ротъ 5-го полка было слишкомъ недостаточно.

Объ этомъ свидѣтель докладывалъ и генералу Фоку, и генералу Стесселю. Послѣдній съ этимъ соглашался и говорилъ генералу Фоку, чтобы онъ прибавилъ хоть одинъ баталіонъ.—«Ну, что вамъ стоитъ?»—убѣждалъ онъ его, но генералъ Фокъ рѣзко отказывалъ.—«Если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, говорилъ послѣдній свидѣтелю, я сказалъ бы начальству: «мнѣ не нужно полка, дайте мнѣ двѣ роты, и я буду съ ними защищать позицію». По мнѣнію свидѣтеля, если нужно было держать Цзиньчжоускую позицію, то нужно было дать ему три полка. Объ этомъ онъ докладывалъ и генералъ-адъютанту Алексѣеву, и адмиралу Макарову, когда тѣ осматривали позицію, и оба были съ этимъ согласны.

Для увеличенія своихъ силъ свидѣтель оставилъ у себя для боя, кромы ротъ своего полка, еще двѣ роты 14-го полка, находившіяся на работахъ, а также вышедшія ночью для сторожевой службы 2 пѣшихъ охотничьихъ команды 13-го и 14-го полковъ. Двѣ первыя были поставлены свидѣтелемъ въ резервъ, двѣ послѣднія заняли окопы, тянувшіеся отъ расположенія 7-й роты 5-го полка къ берегу моря. Какъ эти окопы, такъ и сплошная траншея вокругъ всей подошвы занятыхъ нами Цзиньчжоусскихъ высотъ, были сдѣланы по настоятельному и категорическому приказанію генерала Фока.

Придавая при выборѣ мѣста для стрѣлка доминирующее значеніе настильности выстрѣла и рѣдкому размѣщенію стрѣлковъ въ окопахъ (10—20 шаговъ другъ отъ друга), генералъ Фокъ, по мнѣнію свидѣтеля, пренебрегалъ остальными очень важными для успѣшности обороны элементами: нравственной поддержкой и трудною доступностью укрѣпленій. Люди, находившіеся въ 10 шагахъ другъ отъ друга и спущенные къ самой подошвѣ горы, чувствовали себя нехорошо.

Для объясненія скораго прекращенія огня нашей артиллеріи слѣдуетъ отмѣтить изъ показанія этого свидѣтеля заявленія, что ружейныхъ патроновъ было вполнѣ достаточно, но снарядовъ очень мало: по 60 для крупныхъ калибровъ и нѣсколько болѣе для полевыхъ орудій. Вслѣдствіе сего огонь нашихъ батарей, по сравненію съ японскимъ, по выраженію свидѣтеля, «былъ до поразительности жалокъ».

Бывшій командиръ 1-й бригады 4-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи генералъ-лейтенантъ *Надѣинъ* показалъ, что, находясь въ Нангалинѣ, 12-го мая, около 9 часовъ вечера, получилъ отъ генералъ-лейтенанта Фока приказаніе отправиться на ст. Тафашинъ «для защиты Цзиньчжоусской позиціи».

13-го мая, послѣ 2-хъ часовъ дня, для усиленія нашего лѣваго фланга, онъ послалъ приказаніе командующему 13-мъ полкомъ немедленно съ двумя баталіонами занять окопы на лѣвомъ флангѣ. Подполковникъ князь Мачабели, исполняя это приказаніе, около 3-хъ часовъ дня встрѣтилъ у Цзиньчжоусской позиціи генералъ-лейтенанта

Фока, который остановилъ дальнѣйшее движеніе полка, о чемъ князь Мачабели и донесъ свидѣтелю. Около 3½ часовъ дня генералъ Фокъ пріѣхалъ на ст. Тафашинъ, а около 4½ часовъ—на батареѣ № 10 поднялся японскій флагъ. Увидѣвъ это, генералъ-лейтенантъ Фокъ приказалъ немедленно отступать, а полку и батареямъ прикрывать отступленіе. Это было позже 5 часовъ вечера. Части отступали съ позиціи въ безпорядкѣ, такъ какъ нѣкоторымъ приходилось пробираться черезъ проволочныя загражденія, устроенныя на случай атаки японцевъ съ тыла, если бы высадка японцевъ послѣдовала южнѣе Бицзыво—Цзиньчжоу.

По показанію инженеръ-капитана *фонъ-Шварца*, къ 9 час. утра наши батареи уже дострѣливали послѣдніе снаряды и стали постепенно замолкать, а ихъ командиры съ прислугой отошли на ст. Тафашинъ. Послѣднею замолкла, около 11 часовъ утра, батарея № 5. Съ этого момента позиція стала защищаться только стрѣлковымъ огнемъ, имѣя слабую поддержку съ батареи на Тафашинскихъ высотахъ—до 3 часовъ и съ батарей полевой артиллеріи, расположившихся въ 2—2½ верстахъ сзади позиціи. Одновременно съ началомъ артиллерійскаго боя противникъ двинулъ свои колонны на наши фланги.

Около часу или двухъ свидѣтель былъ посланъ полковникомъ Третьяковымъ на ст. Тафашинъ къ генералу Фоку съ просьбой о присылкѣ резерва. Такъ какъ скоро идти онъ не могъ, то послалъ впередъ кондуктора Янова. Когда вслѣдъ за Яновымъ свидѣтель подошелъ къ станціи, то увидѣлъ генерала Надѣина, которому и передалъ просьбу полковника Третьякова. Генералъ Надѣинъ отвѣтилъ на это, что онъ посылалъ (или хотѣлъ послать—точно словъ не помнитъ) подкрѣпленіе, но генералъ Фокъ его вернулъ. На вопросъ свидѣтеля почему?—генералъ Надѣинъ отвѣтилъ: «вѣроятно, генералъ Фокъ бережетъ свои резервы для штыкового удара».

Кондукторъ же Яновъ, придя на ст. Тафашинъ, доложилъ генералу Фоку просьбу полковника Третьякова, но генералъ Фокъ сталъ бранить Третьякова и сказалъ, что резерва не дастъ.

Когда послѣ этого подошелъ самъ свидѣтель, капитанъ фонъ-Шварцъ, къ генералу Фоку съ тѣмъ же докладомъ, то послѣдній сталъ на него, свидѣтеля, кричать и совершенно не далъ возможности доложить. Въ это время генералъ уже уходилъ со станціи.

Въ 2½ часа дня огонь непріятеля внезапно сильно ослабѣлъ; его полевая и горная артиллерія почти совсѣмъ замолчала, и только канонерки продолжали стрѣлять. Свидѣтель полагаетъ, что японцы растрѣляли свои снаряды, ибо было видно, что большіе фургоны быстро удалялись за гору Самсонъ, а потомъ возвращались обратно. Въ это время общее положеніе дѣлъ было таково: на лѣвомъ флангѣ против-

никъ находился отъ насъ въ 400 шагахъ, въ центрѣ отъ 500 до 700 шаговъ, и здѣсь двѣ непріятельскія роты, собравшіяся въ дер. Хуань, попытались было штурмовать люнетъ № 4, но наткнулись неожиданно на проволочную сѣть, остановились—и 5-ю залпами были всѣ уничтожены. Послѣ этого непріятельская цѣпь залегла противъ центра въ разстояніи 800—1200 шаговъ и не поднималась до вечера. Подъ прикрытіемъ своихъ цѣпей непріятель сталъ передвигать свои войска съ праваго фланга на лѣвый. Замѣтивъ это, генералъ Надѣинъ приказалъ 2-мъ батальонамъ 13-го полка изъ общаго резерва занять пустые окопы лѣваго фланга, но это не было сдѣлано, такъ какъ, по словамъ генерала Надѣина, генералъ Фокъ встрѣтилъ ихъ возлѣ позиціи и вернулъ обратно. Такимъ образомъ, лѣвый флангъ нашъ въ этотъ важный моментъ остался безъ поддержки.

Въ 4 часа дня возобновилась артиллерійская стрѣльба, сосредоточенная теперь уже только по окопамъ и укрѣпленіямъ, а изъ-за Самсона появились новыя силы противника (насчитано было 22 роты). Замѣтивъ это, полковникъ Третьяковъ вновь отправилъ просьбу о резервѣ. Его просьба была уважена, и около 6 часовъ были присланы 2 роты 14-го полка, но съ категорическимъ приказаніемъ не употреблять ихъ въ бой, а назначить въ прикрытіе отступленія.

Однако, къ моменту ихъ прихода выяснилась необходимость поддержать 8-ю роту; поэтому, одна полурота была направлена туда, остальныя 1½ роты полковникъ Третьяковъ держалъ для исполненія приказанія. Около 5 часовъ сосредоточенный огонь непріятеля по окопамъ лѣваго фланга настолько разрушилъ окопы нижняго яруса, что держаться въ нихъ было нельзя, люди отошли изъ нихъ. Поколебавшійся лѣвый флангъ полковникъ Третьяковъ уже ничѣмъ поддержать не могъ, такъ какъ въ его распоряженіи не было ни одного солдата. Тогда полковникъ Третьяковъ рѣшился ввести въ бой тѣ 1½ роты, что назначались для прикрытія отступленія, но въ этотъ моментъ началось отступленіе войскъ нашего лѣваго фланга, приказаніе о которомъ (исходившее, по словамъ Третьякова, отъ генерала Фока) было передано помимо полковника Третьякова черезъ коннаго охотника капитану Стемпневскому II, командиру 7-й роты. Свидѣтель слышалъ это отъ самого капитана Стемпневскаго и полковника Третьякова. Полковникъ Третьяковъ для возстановленія боя, кромѣ своего личнаго вліянія, ничего употребить не могъ, но остановить отступающихъ ему не удалось, и они были остановлены и устроены только на возвышенностяхъ сзади позиціи. Находившійся здѣсь батальонъ 14-го полка составилъ резервъ цѣпи.

Отступленіе началось около 8 час. вечера. Такъ какъ позиція была укрѣплена нами и съ юга, то взять ее обратно было уже невозможно.

Кондукторъ *Яновъ*, подтверждая показаніе инженеръ-капитана фонъ-Шварца въ части, касающейся порученія полковника Третьякова доложить генералу Фоку о необходимости выслать подкрѣпленіе, показалъ, что въ началѣ 2-го часа дня, вмѣстѣ съ инженеръ-капитаномъ фонъ-Шварцемъ, онъ получилъ приказаніе отъ полковника Третьякова отправиться въ штабъ 4-й дивизіи къ генералу Фоку и доложить, что «люди слабѣютъ, снарядовъ и патроновъ нѣтъ, артиллерія бездѣйствуетъ, прошу подкрѣпленія». Съ этимъ приказаніемъ свидѣтель отправился впередъ, а капитанъ Шварцъ слѣдовалъ за нимъ. Около 2 часовъ дня свидѣтель прибылъ на ст. Тафашинъ и увидѣлъ генерала Фока, стоявшаго съ генераломъ Надѣинымъ, двумя адъютантами, врачемъ и двумя ординарцами—нижними чинами. Подойдя къ генералу Фоку, свидѣтель доложилъ ему буквально вышеприведенную просьбу полковника Третьякова о подкрѣпленіи. На это генералъ Фокъ нервно раздраженнымъ голосомъ, довольно громко сказалъ: «Передайте коменданту позиціи, командиру 5-го полка полковнику Третьякову, что онъ не комендантъ позиціи, не командиръ полка, а... (тутъ генералъ Фокъ употребилъ бранныя выраженія), сидитъ въ окопахъ и требуетъ подкрѣпленій; ни одного человѣка я ему не дамъ, а патроны вышлю». Послѣ этого генералъ Фокъ сейчасъ же распорядился послать три двуколки съ патронами. Идти передавать полковнику Третьякову слова генерала Фока свидѣтель не счелъ возможнымъ и только доложилъ объ этомъ капитану фонъ-Шварцу, когда же капитанъ Шварцъ началъ докладывать генералу Фоку, то послѣдній тотчасъ же прервалъ его и сталъ распекать за то, что фугасы не рвутся.

Бывшій оберъ-офицеръ для порученій при штабѣ 3-го Сибирскаго армейскаго корпуса, генеральнаго штаба капитанъ *Одинцовъ* показалъ, что утромъ 13-го Мая генералъ Фокъ приказалъ командиру 15-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, батальоннымъ и ротнымъ командирамъ сопровожать его для выбора полку позиціи на случай высадки японцевъ въ бухтѣ Хенуэза. Свидѣтель доложилъ генералу, что мѣстность эта ему хорошо извѣстна, что отрядъ невеликъ и быть можетъ, это несложное дѣло онъ поручитъ ему, свидѣтелю, совмѣстно съ полковникомъ Грязновымъ. Но генералъ Фокъ сказалъ, что ѣдетъ самъ. Поѣздка заняла много времени. Въ морѣ были видны 2 миноносца. Тогда генералъ Фокъ направился обратно. По прибытіи на ст. Нангалинъ свидѣтель испросилъ у генерала Фока разрѣшеніе не ставить 15-й полкъ на выбранныя позиціи, въ виду отсутствія въ морѣ транспортныхъ судовъ и невѣроятности ни высадки, ни демонстраціи, а отвести его въ общій резервъ у разъѣзда «Перелетный». Вернувшись

на ст. Тафашинъ, свидѣтель нашелъ генерала Фока на высотѣ у мѣста расположенія охотничьей команды и полуроты 5-го полка со знаменемъ и взвода саперъ. Все происходившее на правомъ флангѣ позиціи было ясно видно невооруженнымъ глазомъ. Наблюдалось приближеніе резервовъ; готовилась новая атака со стороны противника. Съ нашей стороны не были введены 13-й и 14-й полки. Полагая, что 5-й полкъ къ вечеру будетъ смѣненъ однимъ изъ полковъ, стоявшихъ сзади позиціи, свидѣтель предложилъ генералу Фоку усилить лѣвый флангъ позиціи саперами и полуротой 5-го полка, отвести знамя къ 15-му полку, а послѣдній подтянуть къ ст. Тафашинъ въ виду возможности болѣе сильнаго штурма. Получивъ согласіе генерала Фока, свидѣтель отвелъ знамя и привелъ 2½ батальона 15-го полка, посовѣтовавъ расположить ихъ въ 2-хъ неглубокихъ промоинахъ къ югу и западнѣе станціи. Полкъ тамъ и расположился. Свидѣтель прибылъ на ст. Тафашинъ, гдѣ нашелъ генерала Фока со штабомъ. Генералъ Фокъ сказалъ свидѣтелю, что послалъ генералу Стесселю телеграмму, характеризующую положеніе дѣла, и ждетъ отвѣта. Свидѣтель понялъ, что генералъ Фокъ находитъ нужнымъ очистить позицію. Противникъ въ это время велъ артиллерійскій огонь «по площадямъ». Скоро получена была телеграмма отъ генерала Стесселя, прочитавъ которую, генералъ Фокъ сказалъ окружавшимъ: «приказано отступать», и почти немедленно уѣхалъ.

Бывшій начальникъ штаба крѣпости Портъ-Артуръ генеральнаго штаба полковникъ *Хвостовъ* объясняетъ недостатокъ артиллерійскихъ снарядовъ, обнаруженный во время Цзиньчжоускаго боя, нераспорядительностью начальниковъ. Снаряды были доставлены изъ Артура и находились въ вагонѣ на ст. Нангалинъ, но своевременно не были поданы на позицію.

Бывшій начальникъ артиллеріи 3-го Сибирскаго армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ *Никитинъ* подтвердилъ, что для питанія полевой артиллеріи снарядами еще до боя былъ устроенъ на ст. Нангалинъ артиллерійскій складъ. Объ этомъ знали и батареи, и штабъ 4-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи.

Спрошенный въ качествѣ свидѣтеля, бывшій начальникъ укрѣпленнаго Квантунскаго раіона генералъ-адъютантъ *Стессель* показалъ, что планъ обороны Цзиньчжоуской позиціи основанъ былъ на совмѣстномъ дѣйствіи сухопутныхъ войскъ, ее занимавшихъ, съ флотомъ, такъ какъ узкій перешеекъ оборонять продолжительно не представлялось возможнымъ, если въ тылу и на флангѣ появится противникъ, въ видѣ 10-дюймовыхъ судовыхъ орудій. Предполагалось, на основаніи имѣвшихся промѣровъ, что близко къ берегу никто не подойдетъ, а въ морѣ будетъ наша эскадра. Но она 13-го Мая не вышла, несмотря

на настоятельныя представленія свидѣтеля, что поддержка флота необходима, что огонь японскихъ канонерокъ все смететъ. Выслана была одна только канонерская лодка «Бобръ», которая, войдя въ заливъ Хенуэза, очень помогла намъ, но дѣйствовала недолго. По величинѣ позиціи, для обороны ея назначался полкъ трехбатальоннаго состава. Вводить въ бой другіе полки и не слѣдовало. При полномъ разгромѣ позиціи, безъ поддержки флота, имѣя противъ себя болѣе 200 орудій и 3—4 дивизіи арміи Оку, генералъ Фокъ, еслибы не отошелъ, а остался бы на позиціи и на другой день, ничего другого не достигъ бы кромѣ уничтоженія и другого полка. Приказаніе объ отступленіи съ темнотой отдалъ генералу Фоку свидѣтель, когда получилъ отъ него донесеніе о невозможности держаться въ виду огромныхъ потерь. Это было согласно съ телеграммой Командующаго Маньчжурской арміей.

Въ этой своей части показаніе генералъ-адъютанта Стесселя подтверждается слѣдующими документами:

1) Телеграммою генералъ-адъютанта Куропаткина на имя генералъ-лейтенанта Стесселя изъ Ляояна, отъ 4 Мая 1904 г. за № 667, въ которой, между прочимъ, значится: «По моему мнѣнію, самое главноо—это своевременно отвести войска генерала Фока въ составъ гарнизона Портъ-Артуръ. Мнѣ представляется весьма желательнымъ во время снять и увезти съ Цзиньчжоусской позиціи орудія»...

2) Телеграммами генералъ-лейтенанта Стесселя на имя генералъ-лейтенанта Фока изъ Портъ-Артура, поданными 13-го Мая:

а) въ 5 часовъ 40 минутъ пополудни: «Сообщите свое рѣшеніе возможно-ли удержаніе позиціи; если невозможно, то надо организовать обстоятельно обходъ (отходъ?), для чего всѣ орудія и снаряды, возможные для перевозки, надо, пользуясь прекращеніемъ боя и ночью, спустить и погрузить на поѣзда, которые невозможно,—надо испортить и посбрасывать. Пятнадцатый полкъ долженъ занять тыльную позицію у Нангалина, а 16-й подвести или къ нему, или двинуть по Приморской дорогѣ но Сяобиндао и Меланхэ, бухты не обнажать пока. Отводить начать съ резервовъ. Съ уходомъ 16-го полка, жители Дальняго также могутъ выѣхать или пѣшкомъ прибыть въ Артуръ»;

б) въ 6 часовъ 15 минутъ пополудни: «Разъ у васъ всѣ орудія на позиціи подбиты, надо оставить позицію и, пользуясь ночью, отходить. Я вамъ послалъ часъ назадъ подробную объ этомъ»;

в) въ 7 часовъ 5 минутъ пополудни: «Такъ какъ наша артиллерія на позиціи дѣйствовать уже не можетъ, то и держаться на этой позиціи нечего. Надо хорошенько организовать отступленіе и съ темнотой начать отходить. Для взрыва фугасовъ надо оставить маленькія части, охотничьи команды. Пулеметы и тѣ орудія, которыя мож-

но,—взять, остальныя испортить, но не взрывами, такъ какъ они догадаются объ отходѣ нашихъ войскъ. Отступать на Шининдзы и Волчьи горы, а послѣ исправимъ расположеніе. Если возможно, скотъ гнать»;

и 3) телеграммою, поданною 15-го Мая, въ 4 часа 10 мин. пополудни — объ отступленіи къ Волчьимъ горамъ, не задерживаясь безъ надобности на остальныхъ позиціяхъ.

Такимъ образомъ, имѣя вполнѣ опредѣленную задачу—оборонять позицію при Цзиньчжоу наиболѣе упорнымъ образомъ, не стѣсняясь расходованіемъ резервовъ и не заботясь о своемъ тылѣ, и отойти къ Артуру лишь при полной невозможности сдержать противника,—генералъ-лейтенантъ Фокъ, не обращая вниманія на эти указанія генерала Стесселя, а также и на то, что японцы 12-го мая уже начали атаки Цзиньчжоу, вмѣсто руководства боемъ, отправился утромъ 13-го Мая къ бухтѣ Инчензы выбирать тамъ позицію для 15-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка на случай высадки японцевъ; затѣмъ, вернувшись къ Цзиньчжоу и принявъ руководство войсками, онъ, генералъ-лейтенантъ Фокъ, изъ четырехъ полковъ (5-го, 13-го, 14-го и 15-го), сосредоточенныхъ къ позиціи, ввелъ въ бой только 5-й полкъ, когда же генералъ-маіоръ Надѣинъ, по своей иниціативѣ, двинулъ два баталіона на выручку лѣваго фланга 5-го полка, то генералъ Фокъ остановилъ эти два баталіона и не позволилъ имъ принять участіе въ дѣлѣ.

Назначивъ, такимъ образомъ, въ боевую часть всего одну четверть своего отрада, не израсходовавъ совершенно своего резерва и не доведя дѣло до штыковъ и вообще не истощивъ всѣхъ средствъ обороны, какъ то приказано было генераломъ Стесселемъ, генералъ-лейтенантъ Фокъ отправилъ послѣднему въ Портъ-Артуръ телеграмму, въ которой, съ цѣлью получить приказаніе объ отступленіи, указывалъ на «критическое положеніе» и на полное отсутствіе снарядовъ, чѣмъ, дѣйствительно, и вызвалъ приказаніе генерала Стесселя, хотя и условное, отступить съ наступленіемъ темноты. Между тѣмъ, отступленіе началось засвѣтло, вслѣдствіе чего отрядъ понесъ во время его большія потери; снаряды же въ большомъ количествѣ имѣлись на станціи Нангалинъ.

II. О дѣятельности генералъ-лейтенанта Фока въ крѣп. Портъ-Артуръ.

17-го Іюля войска наши, оборонявшія передовыя горныя позиціи между Цзиньчжоу и Портъ-Артуромъ, подъ общимъ начальствомъ

генералъ-лейтенанта Фока, отошли въ крѣпость. Генералъ-лейтенантъ Фокъ былъ назначенъ начальникомъ общаго резерва.

Заставивъ насъ очистить въ ночь на 27-е Іюля позиціи на горахъ Дагушань и Сяогушань, занявъ 1-го Августа предгорья Угловой горы, японцы 6-го и 7-го числа открыли сильнѣйшій огонь по укрѣпленіямъ восточнаго фронта отъ Куропаткинскаго люнета до форта № III. Одновременно непріятелемъ поведены были атаки на Кумирнскій и Водопроводный редуты, но всѣ онѣ были отбиты. 8-го Августа начался рядъ отчаянныхъ штурмовъ противъ сѣверо-восточнаго фронта крѣпости на участкѣ отъ укрѣпленія № 2 до форта № III, причемъ главный ударъ былъ направленъ противъ редутовъ №№ 1 и 2.

Въ этотъ именно день, руководившій непосредственно обороной атакованнаго фронта комендантъ крѣпости, генералъ-лейтенантъ Смирновъ, отдалъ генералъ-лейтенанту Фоку, какъ начальнику общаго резерва, приказаніе вывести 14-й полкъ изъ казармъ 16-го полка и подвести его къ сѣверо-восточному фронту, расположивъ эшелонами въ укрытыхъ мѣстахъ (въ лощинѣ за Большимъ Орлинымъ Гнѣздомъ и у Питательнаго погреба); генералъ-лейтенантъ Фокъ, по показанію спрошеннаго въ качествѣ свидѣтеля генералъ-лейтенанта *Смирнова*, отвѣтилъ послѣднему запиской, въ которой подробно изложилъ свои соображенія объ опасности, въ смыслѣ потерь, отъ такого расположенія резерва, въ особенности у Питательнаго погреба Между тѣмъ, свидѣтель отдавалъ свое распоряженіе съ Опасной горы, у подножія которой расположенъ этотъ питательный погребъ, прекрасно укрытый мѣстностью и въ то время вовсе не обстрѣливавшійся непріятелемъ. Не отвѣчая генералъ-лейтенанту Фоку по существу высказанныхъ имъ соображеній, генералъ-лейтенантъ Смирновъ вторично запиской, въ категорической формѣ, приказалъ ему немедленно двинуть 14-й полкъ, куда было раньше приказано, и черезъ полчаса уѣхалъ съ позиціи въ городъ, чтобы провѣрить, будетъ-ли на этотъ разъ исполнено генералъ-лейтенантомъ Фокомъ его приказаніе. Въ городѣ онъ нашелъ 14-й полкъ выстраивающимся на плацу, но генералъ-лейтенанта Фока при немъ не было. Въ послѣдующемъ, при непрерывныхъ штурмахъ сѣверо-восточнаго фронта, свидѣтель никакъ не могъ доискаться одного батальона 14-го полка. Оказалось, что этотъ батальонъ съ охотничьими командами оставался, какъ полагаетъ свидѣтель, — съ вѣдома генералъ-лейтенанта Фока — въ казармахъ. «Къ счастью, добавляетъ свидѣтель, моментъ не былъ упущенъ, и батальонъ этотъ также отосланъ былъ имъ на позицію. Самъ генералъ-лейтенантъ Фокъ остался на своей квартирѣ и съ этимъ послѣднимъ полкомъ резерва на позицію не вышелъ.

Не признавая себя виновнымъ въ томъ, что, назначенный начальникомъ резерва въ крѣпости и получивъ въ дни августовскихъ штурмовъ приказаніе коменданта крѣпости двинуть къ передовымъ фортамъ сѣверо-восточнаго фронта оставшійся въ резервѣ 14-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ, онъ вошелъ въ неумѣстное пререканіе съ комендантомъ о направленіи имъ полка въ обстрѣливаемые непріятелемъ пункты и не только не повелъ самъ послѣднюю часть командуемаго имъ резерва къ назначеннымъ мѣстамъ, но даже и не наблюлъ за исполненіемъ приказанія коменданта, вслѣдствіе чего одинъ батальонъ 14-го полка остался въ казармахъ и къ назначенному пункту не пошелъ,—генералъ-лейтенантъ *Фокъ*, при слѣдствіи, объяснилъ: 8-го Августа, въ 12 часовъ дня, комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ, съ горы Опасной, прислалъ ему, обвиняемому, записку за своею подписью, слѣдующаго содержанія: «Предписываю двинуть два батальона 14-го полка немедленно къ Питательному погребу за лит. А, что лежитъ между Большою горою и укрѣпленіемъ № 2». Черезъ 15 минутъ генералъ Смирновъ съ той же горы прислалъ вторую записку:—«Вторично предписываю двинуть немедленно два баталіона 14-го полка въ лощину у Питательнаго погреба, что за лит. А.» Эти записки были получены имъ, обвиняемымъ, въ расположеніи штаба дивизіи, находившемся въ одной или болѣе верстѣ отъ горы Опасной. Приказаніе было исполнено немедленно, и въ 12 час. 25 мин. онъ, обвиняемый, послалъ коменданту крѣпости донесеніе слѣдующаго содержанія: «Распоряженіе объ отправленіи двухъ баталіоновъ резерва было отдано мною тотчасъ же по полученіи приказанія, но въ то же время я считалъ своимъ долгомъ донести, что мѣсто, которое назначено для расположенія резерва, обстрѣливалось всю ночь шрапнельнымъ огнемъ, а также я ожидаю, что японцы и ночью поведутъ атаку, а потому желалъ имѣть свѣжій, неутомленный резервъ. Въ настоящее время японцы дѣйствуютъ строго по рецепту Зауэра — на удочку имъ достаточно и резерва генерала Горбатовскаго». Ни въ какія объясненія по этому предмету ни устно, ни письменно, онъ, обвиняемый, не входилъ, да и самъ генералъ Смирновъ ничего не говорилъ ему, обвиняемому, по поводу отправки резерва. Идти вмѣстѣ съ резервомъ онъ, обвиняемый, не считалъ себя обязаннымъ, такъ какъ резервъ шелъ не въ бой, а лишь мѣнялъ мѣсто своего расположенія, при чемъ, составляя тамъ резервъ генерала Горбатовскаго (начальника обороны восточнаго фронта), выходилъ изъ подъ его, обвиняемаго, командованія. Изъ имѣющейся въ приложеніяхъ къ дѣлу записки генерала Смирнова къ генералу Фоку видно, что генералъ Смирновъ

просилъ выслать къ Питательному погребу за лит. А два баталіона 14-го полка.

Пятидневный штурмъ (съ 6-го по 10-е Августа включительно) японцами укрѣпленій восточнаго фронта потребовалъ такого напряженія силъ гарнизона, что весь общій резервъ введенъ былъ въ боевую линію,—и генералъ-лейтенантъ Фокъ остался лишь номинально его начальникомъ. Образованный впослѣдствіи резервъ назывался «резервомъ коменданта» и находился въ непосредственномъ подчиненіи у послѣдняго. Оставаясь фактически не у дѣлъ, въ смыслѣ боевой роли, съ 8-го Августа до назначенія своего 3-го Декабря 1904 года, за смертью генералъ-лейтенанта Кондратенко, начальникомъ сухопутной обороны крѣпости, генералъ-лейтенантъ Фокъ постоянно посѣщалъ форты и укрѣпленія атакованныхъ фронтовъ крѣпости. Результаты своихъ наблюденій онъ излагалъ въ особаго рода «Замѣткахъ». Ознакомленіе съ ними приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) писались онѣ собственноручно генераломъ Фокомъ и затѣмъ отпечатывались на пишущей машинѣ или литографскимъ способомъ; 2) предназначались онѣ для разсылки начальствующимъ лицамъ, имена которыхъ обозначались на оригиналѣ «замѣтки», а именно: генераламъ Стесселю, Кондратенко, Горбатовскому, Бѣлому, Никитину, полковникамъ Ирману, Григоренко, подполковникамъ Науменко, Гандурину, а также въ штабы: укрѣпленнаго раіона и крѣпости; 3) содержаніе «замѣтокъ» касается, главнымъ образомъ, разнаго рода усмотрѣнныхъ авторомъ ихъ недочетовъ обороны и желательныхъ, съ его точки зрѣнія, для устраненія ихъ мѣропріятій.

Проходя, такимъ образомъ, черезъ значительное число рукъ «замѣтки» эти, какъ видно изъ данныхъ предварительнаго слѣдствія, читались не только начальствующими лицами, для которыхъ предназначались, но и другими офицерами, и даже нижними чинами. Между тѣмъ, содержаніе замѣтокъ генералъ-лейтенанта Фока, писавшихся въ насмѣшливомъ и рѣзкомъ тонѣ, кромѣ указаній на недочеты въ оборонѣ, очень часто заключало въ себѣ несправедливую критику дѣйствій лицъ, руководившихъ обороною крѣпости, выставляло ихъ бездарными и набрасывало иногда даже тѣнь на ихъ доброе имя. Вслѣдствіе сего, нѣкоторые изъ оскорбленныхъ генераломъ Фокомъ лицъ вошли даже по командѣ съ ходатайствомъ объ огражденіи ихъ личныхъ интересовъ и интересовъ обороны, ибо «замѣтки» эти подрывали авторитетъ начальниковъ и дисциплину. Такъ, командиръ 2-й бригады 7-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи генералъ-маіоръ Церпицкій (умеръ въ Портъ-Артурѣ отъ раны, полученной въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1904 года, въ дни штурма японцами Высокой горы), ознакомившись съ замѣткою генералъ-лейтенанта

Фока отъ 16-го Августа и принявъ содержащееся въ ней выраженіе: «Вновь я посѣтилъ Ляотешань. Воздухъ нѣсколько очистился, падаль поубрана»...—на свой счетъ, обратился, надо полагать, къ генералу Кондратенко съ письмомъ, въ которомъ, объясняя, между прочимъ, что «никакого стремленія уходить съ Ляотешаня» у него не было, а было желаніе отстоять его до крайности, почему всѣ окопы, указанные сдѣлать Зедгенидзе, дѣлались и дѣлаются только для этой цѣли, «заявляетъ, что считаетъ личнымъ для себя оскорбленіемъ допущенную генераломъ Фокомъ фразу въ началѣ замѣтки, нисколько имъ не заслуженную».

Равнымъ образомъ, и командиръ 1-й бригады той же дивизіи, генералъ-маіоръ Горбатовскій, бывшій въ дни августовскихъ штурмовъ начальникомъ обороны восточнаго фронта, ознакомившись случайно съ замѣткою генералъ-лейтенанта Фока отъ 10-го Августа, почелъ себя обиженнымъ содержащеюся въ ней критикою дѣйствій его, какъ начальника оборонительнаго отдѣла, и вошелъ къ командующему 7-ю дивизіею, генералъ-маіору Кондратенко, съ рапортомъ отъ 30-го Августа за № 43, въ которомъ, возражая по пунктамъ на касающіяся его замѣчанія генералъ-лейтенанта Фока, между прочимъ, писалъ: «.... нельзя же въ самомъ дѣлѣ писать неосновательныя, неправдивыя замѣтки офиціальнаго характера, которыя создаются лишь для того, чтобы другого обдать грязью, а самому прослыть за человѣка, страдающаго за родное дѣло»...

Спрошенный при слѣдствіи въ качествѣ свидѣтеля, по поводу этого рапорта, генералъ-маіоръ *Горбатовскій*, ссылаясь на вышеуказанную замѣтку генералъ-лейтенанта Фока и на свою переписку съ нимъ, показалъ, что считаетъ его виновникомъ отозванія своего съ восточнаго фронта и злымъ геніемъ Артура, который своими замѣтками всѣхъ между собою ссорилъ.

Въ томъ же духѣ отозвались о замѣткахъ генералъ-лейтенанта Фока спрошенные въ качествѣ свидѣтелей: бывшій комендантъ крѣпости Портъ-Артуръ, генералъ-лейтенантъ *Смирновъ*; бывшій командиръ 4-й Восточно-Сибирской артиллерійской бригады и начальникъ обороны сѣвернаго фронта, генералъ-маіоръ *Ирманъ*; бывшій командиръ 26-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка и начальникъ обороны западнаго фронта, Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ *Семеновъ*; бывшій начальникъ штаба крѣпости Портъ-Артуръ, генеральнаго штаба полковникъ *Хвостовъ*; бывшій командиръ порта «Артуръ», контръ-адмиралъ *Григоровичъ* и инженеръ-капитаны *Фонъ-Шварцъ* и *Родіоновъ*.

Спрошенные при слѣдствіи въ качествѣ обвиняемыхъ, бывшій начальникъ 4-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи генералъ-

лейтенантъ *Фокъ*, и бывшій начальникъ укрѣпленнаго Квантунскаго раіона генералъ-адъютантъ, нынѣ уволенный отъ службы генералъ-лейтенантъ *Стессель*. не признавая себя виновными въ предъявленныхъ къ нимъ обвиненіяхъ: первому—въ томъ, что разсылавшимися въ періодъ осады различнымъ начальствующимъ лицамъ своими замѣтками, содержащими во многихъ случаяхъ критику дѣйствій начальствующихъ лицъ, онъ подрывалъ къ нимъ довѣріе и колебалъ въ войскахъ вѣру въ возможность и необходимость держаться въ укрѣпленіяхъ до послѣдней крайности, т. е. умирать въ нихъ, но не уступать врагу, а, напротивъ того, указывалъ на необходимость очищать укрѣпленія и форты, какъ только защита ихъ требовала большихъ жертвъ; а второму—въ томъ, что, получая замѣтки генералъ-лейтенанта Фока относительно дѣйствій различныхъ начальствующихъ лицъ и зная, что такія замѣтки, посылаемыя многимъ лицамъ, могли доходить и до войскъ гарнизона и что въ этихъ замѣткахъ помѣщаются совершенно несправедливыя и весьма оскорбительныя выраженія для лицъ, ведущихъ оборону крѣпости, онъ, генералъ-адъютантъ Стессель, не принялъ мѣръ къ прекращенію этихъ замѣтокъ, вызывавшихъ справедливое негодованіе затронутыхъ начальниковъ и сѣявшихъ вражду между ними и генералъ-лейтенантомъ Фокомъ и тѣмъ самымъ подрывавшихъ дружную и согласную работу по оборонѣ крѣпости,—объяснили:

Генералъ-лейтенантъ *Фокъ*, — что «замѣтки» его вызваны были необходимостью помочь генералу-маіору Кондратенко въ исполненіи имъ его служебныхъ обязанностей обнаруженіемъ различныхъ недостатковъ на позиціяхъ и указаніемъ мѣръ для ихъ устраненія. Гералъ Кондратенко самъ иногда просилъ его, обвиняемаго, поѣхать посмотрѣть, результатомъ чего и являлись замѣтки Изъ начальствующихъ лицъ онъ, обвиняемый, посылалъ свои замѣтки: генералу Кондратенко—всѣ, генералу Стесселю—всѣ важныя, генералу Никитину—всѣ, посылавшіяся генералу Стесселю,—нѣкоторыя замѣтки, касавшіяся отдѣльныхъ частей и участковъ—генералу Горбатовскому, коменданту крѣпости и другимъ. Замѣтки эти принимались генералами Стесселемъ и Кондратенко и по нимъ дѣлались распоряженія. Если-бы онѣ приносили вредъ, то начальство или сдѣлало бы ему, обвиняемому, замѣчаніе за нихъ, или запретило бы ихъ вовсе писать. Между тѣмъ ими пользовались до конца осады, и генералы Стессель и Кондратенко его за нихъ благодарили. Что касается замѣтокъ, можетъ быть, рѣзкихъ, напримѣръ, той, гдѣ онъ, обвиняемый, называетъ начальника инженеровъ крѣпости какъ бы исполняющимъ обязанности вахтера, то рѣзкость была имъ допущена по необходимости, чтобы обратить вниманіе генералъ-лейтенанта Стесселя на незначи-

тельное съ виду, но очень важное по существу — обстоятельство. Вопросъ о томъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ защищать укрѣпленія и позиціи, по глубокому его, обвиняемаго, убѣжденію, разрѣшается въ томъ смыслѣ, что удерживать ихъ надлежитъ до послѣдней крайности, но не дожидаться, пока люди сами побѣгутъ отъ невозможности держаться, какъ это было на Дагушанѣ и при защитѣ Угловыхъ горъ. Подробно эти взгляды изложены имъ, обвиняемымъ, въ замѣткѣ 24-го Сентября, но они изложены только для начальствующихъ лицъ, подчиненнымъ же всегда внушалось, что въ какомъ бы отчаянномъ положеніи они ни находились, они должны держаться и умирать, пока не получатъ приказанія оставить позицію;

Генералъ-адъютантъ *Стессель*—что генералъ Фокъ—старый боевой офицеръ, человѣкъ отлично храбрый, преданный военной службѣ и зорко слѣдящій за внутреннимъ состояніемъ человѣка. Всѣ его замѣтки клонились къ пользѣ. Замѣтки эти препровождались ему, обвиняему, генераламъ Кондратенко и Смирнову и, можетъ быть, Никитину и Рейсу. Попасть къ младшимъ чинамъ онѣ не могли. По поводу нѣкоторыхъ замѣтокъ онъ, обвиняемый, говорилъ генералу Фоку, что есть рѣзкія выраженія, но никакихъ дисциплинарныхъ мѣръ противъ этого не принималъ, такъ какъ съ нѣкоторыми взглядами генералъ-лейтенанта Фока онъ, обвиняемый, былъ согласенъ, а относительно другихъ, съ которыми не соглашался, говорилъ съ генераломъ Фокомъ только въ разговорѣ.

III. Отозваніе генералъ-лейтенанта Стесселя изъ крѣпости Портъ-Артуръ.

Приказомъ Намѣстника ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнемъ Востокѣ отъ 12-го Марта 1904 года за № 239, на командира 3-го Сибирскаго армейскаго корпуса генералъ-лейтенанта Стесселя временно возложено было по Высочайшему повелѣнію руководство сухопутной обороной раіона Портъ-Артуръ—Цзиньчжоу съ подчиненіемъ ему коменданта крѣпости Портъ-Артуръ и всѣхъ войскъ, въ этомъ раіонѣ расположенныхъ, и предоставленіемъ ему, по званію начальника обороны Квантунскаго укрѣпленнаго раіона, правъ и обязанностей командира отдѣльнаго корпуса въ военное время, но съ непосредственнымъ подчиненіемъ его Командующему Маньчжурской арміей. Такое временное подчиненіе крѣпости начальнику полевыхъ войскъ, несомнѣнно, имѣло цѣлью придать большее единство дѣйствіямъ при оборонѣ всего Квантунскаго полу-

острова и должно было прекратиться съ отступленіемъ полевыхъ войскъ въ раіонъ крѣпости, такъ какъ, законъ, возлагая на коменданта крѣпости чрезвычайную отвѣтственность за оборону ея, даетъ ему полную самостоятельность и обширныя права, безусловно необходимыя для успѣшнаго исполненія возлагающейся на него задачи. (Положеніе объ управленіи крѣпостями. Прик. по воен. вѣд. 1901 г. № 358). О таковомъ возстановленіи правъ коменданта съ момента фактическаго упраздненія Квантунскаго укрѣпленнаго раіона не было оговорено въ приказѣ Намѣстника ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнемъ Востокѣ отъ 12-го Марта 1904 года № 239, вслѣдствіе чего генералъ-лейтенантъ Стессель и по отступленіи полевыхъ войскъ въ раіонъ крѣпости остался высшимъ ея начальникомъ. Однако доклады, по порученію коменданта крѣпости, генералъ-лейтенанта Смирнова, генеральнаго штаба подполковника Гурко и капитана Одинцова вызвали у Командовавшаго Маньчжурской арміей, генералъ-адъютанта Куропаткина, сомнѣніе въ соотвѣтствіи генерала Стесселя своему положенію, почему и по соглашенію съ Намѣстникомъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, сначала телеграммой отъ 5-го Іюня 1904 года, повторенной 17-го того-же Іюня, а затѣмъ письмомъ отъ 19-го Іюня предложилъ генералу Стесселю сдать командованіе въ крѣпости Портъ-Артуръ коменданту ея, а самому прибыть избраннымъ путемъ въ Маньчжурскую армію. Копіи указанныхъ телеграммъ отправлены были, для свѣдѣнія, коменданту крѣпости, но таковымъ получены не были; телеграммы отправлялись черезъ Чифу и Инкоу, но черезъ кого именно—неизвѣстно.

Генералъ-лейтенантъ Стессель приказанія командующаго арміей—сдать командованіе генералъ-лейтенанту Смирнову и выѣхать изъ Портъ-Артура—не исполнилъ, а 21-го Іюня отправилъ генералъ-адъютанту Куропаткину письмо, въ которомъ, прося его оставить въ крѣпости въ прежнемъ положеніи, выставлялъ себя душою обороны ея и доказывалъ, что ему невозможно сдать командованіе. По полученіи этого письма со стороны генералъ-адъютанта Куропаткина дальнѣйшихъ попытокъ къ отозванію генерала Стесселя не было сдѣлано, и послѣдній оставался главнымъ руководителемъ обороны крѣпости до сдачи ея японцамъ.

Спрошенный при слѣдствіи въ качествѣ обвиняемаго и не признавая себя виновнымъ въ удержаніи за собою командованія крѣпостью Портъ-Артуръ, вопреки распоряженія начальства, генералъ-адъютантъ *Стессель* объяснилъ, что телеграммъ генералъ-адъютанта Куропаткина отъ 5-го и 17-го Іюня онъ не получалъ, а письмо его отъ 19-го Іюня получилъ; на это письмо онъ 21-го того же Іюня

отвѣтилъ, что выѣхать ему изъ Портъ-Артура въ то время трудно было, что выѣздъ его дурно повліяетъ на войска и ближайшихъ его сотрудниковъ, генераловъ Фока, Кондратенко и Никитина. Не получивъ на свое письмо отвѣта, а неоднократно получивъ затѣмъ въ въ Августѣ и Сентябрѣ мѣсяцахъ телеграммы генерала Куропаткина съ выраженіемъ лично ему и войскамъ благодарности за многочисленные бои, онъ, генералъ Стессель, утвердился въ томъ мнѣніи, что отозваніе его отмѣнено.

Въ приложенномъ къ дѣлу письмѣ генерала Стесселя отъ 21-го Іюня, между прочимъ, выражено, что генералъ Стессель лично неоднократно просилъ Намѣстника разрѣшить ему выѣхать къ корпусу, когда это еще возможно было, но Намѣстникъ ему постоянно отказывалъ, и что если генералъ Куропаткинъ все же признаетъ отъѣздъ его изъ крѣпости необходимымъ, то онъ, генералъ Стессель, сочтетъ долгомъ принять всѣ мѣры къ выполненію этого требованія.

Показаніями допрошенныхъ свидѣтелей установлено слѣдующее:

Подполковникъ *Гурко* и капитанъ *Одинцовъ* подтвердили, что комендантъ крѣпости, генералъ Смирновъ, поручилъ имъ доложить Командовавшему арміею, а первому изъ нихъ—и Намѣстнику, о треніяхъ, существовавшихъ между генераломъ Смирновымъ и генераломъ Стесселемъ, о томъ, что генералъ Стессель вмѣшивается въ распоряженія коменданта, а также высказать мнѣніе о генералѣ, какъ о человѣкѣ трусливомъ и неспособномъ вести дѣло обороны; порученіе это они, подполковникъ Гурко и капитанъ Одинцовъ, исполнили: первый—17-го Мая, а второй—4-го Іюня.

Генералъ-адъютантъ *Куропаткинъ* показалъ, что первая телеграмма о передачѣ командованія въ крѣпости коменданту была отправлена генералу Стесселю 5-го Іюня, когда портъ Инкоу былъ еще въ нашихъ рукахъ, и наши миноносцы ходили изъ Портъ-Артура въ Инкоу и обратно; съ 12-го Іюля, съ отступленіемъ отъ Дашичао, Маньчжурская армія была отрѣзана отъ Портъ-Артура, и потому сообщеніе являлось чисто случайнымъ. Къ отвѣтному письму генерала Стесселя онъ, генералъ Куропаткинъ, отнесся съ довѣріемъ, доложилъ содержаніе его Намѣстнику и уже болѣе не настаивалъ на отозваніи генерала Стесселя, который, какъ показали послѣдующія событія, оправдалъ оставленіе его въ крѣпости, дѣйствуя дружно съ генералами Кондратенко и Фокомъ, что подтверждало обладаніе имъ необходимымъ авторитетомъ. Оставленіе генерала Стесселя въ Портъ-Артурѣ вполнѣ одобрилъ и Намѣстникъ, признававшій прибытіе генерала Стесселя къ арміи послѣ потери Инкоу невозможнымъ.

Генералъ-адъютантъ *Алексѣевъ* удостовѣрилъ, что, получивъ 3-го Іюня 1904 г., вслѣдствіе своего запроса, телеграмму отъ адмирала

Витгефта съ неблагопріятнымъ отзывомъ о генералѣ Стесселѣ, онъ немедленно сообщилъ о томъ генералу Куропаткину, выразивъ вмѣстѣ съ тѣмъ согласіе на отозваніе генерала Стесселя изъ Портъ-Артура. О дѣйствительномъ отозваніи генерала Стесселя ему генералъ Куропаткинъ не доносилъ, но онъ не предполагалъ, чтобы въ такомъ важномъ дѣлѣ могло послѣдовать измѣненіе; онъ, генералъ-адъютантъ Алексѣевъ, признаетъ себя виновнымъ въ недосмотрѣ въ этомъ случаѣ.

Бывшій начальникъ штаба укрѣпленнаго раіона генералъ-маіоръ *Рейсъ* удостовѣрилъ, что телеграмму генерала Куропаткина отъ 5-го Іюня дешифрировалъ онъ, и эта телеграмма потомъ передана была генералу Стесселю.

Наконецъ, по словамъ генералъ-лейтенанта *Смирнова*, онъ никакихъ телеграммъ отъ генерала Куропаткина о передачѣ ему командованія въ крѣпости—не получалъ.

IV. О дѣятельности въ Портъ-Артурѣ ген.-ад. Стесселя.

Приказомъ Намѣстника ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнемъ Востокѣ, отъ 12-го Марта 1904 года № 239, кореннымъ образомъ измѣнены были устанавливаемыя положеніемъ объ управленіи крѣпостями командныя отношенія между начальникомъ укрѣпленнаго Квантунскаго раіона, генералъ-лейтенантомъ Стесселемъ, и комендантомъ крѣпости Портъ-Артуръ, генералъ-лейтенантомъ Смирновымъ, и объемъ правъ послѣдняго. Такое измѣненіе ихъ не могло не отразиться и на обязанностяхъ означенныхъ лицъ, и на характерѣ ихъ. Посему, «въ видахъ объединенія и урегулированія власти въ Портъ-Артурѣ и въ предѣлахъ ея эспланады», Намѣстникомъ 14-го Апрѣля 1904 года отданъ былъ приказъ № 339, которымъ подтверждалось къ неуклонному исполненію слѣдующее:

«1) Такъ какъ внутренній порядокъ въ крѣпости и ея раіонѣ (отъ Сяо-Биндао до бухты 10 кораблей) устанавливается и поддерживается властью коменданта крѣпости и находится на его отвѣтственности, то мѣстная администрація, городская полиція и чины надзора пограничной стражи, на основаніи ст. 77 положенія объ управленіи крѣпостями, поступаютъ въ полное его подчиненіе и исполняютъ всѣ его распоряженія.

2) Въ видахъ устраненія изъ крѣпости неблагонадежныхъ жителей и прекращенія сношеній съ внѣшнимъ міромъ, на основаніи статей 79 и 80, коменданту принадлежитъ исключительное право разрѣ-

шенія проживанія въ городѣ, а равно и удаленія изъ него тѣхъ, кои признаются нежелательными для пребыванія въ предѣлахъ крѣпостного раіона, равно и задержанія лицъ, неблагонадежность коихъ будетъ признана.

3) Ему же принадлежитъ и право разрѣшенія въѣзда въ городъ лицамъ не военнаго званія, а также запрещеніе покидать городъ лицамъ, проживаніе которыхъ въ крѣпости признается необходимымъ или полезнымъ (ремесленники, мастеровые и т. п.).

4) Вывозъ изъ города и крѣпостного раіона тѣхъ или другихъ продуктовъ, фабрикатовъ и вообще предметовъ потребленія можетъ быть дѣлаемъ только съ разрѣшенія коменданта крѣпости.

5) Общій санитарный надзоръ въ предѣлахъ города и верковъ крѣпости ввѣряется коменданту крѣпости; и

6) Установленіе цѣнъ на съѣстные припасы и вообще на предметы первой необходимости (фуражъ, дрова, уголь и пр.) предоставляется ему же».

Изъ показанія бывшаго коменданта крѣпости Портъ-Артуръ, генералъ-лейтенанта Смирнова, видно, что приказъ этотъ отданъ былъ вслѣдствіе доклада генералъ-адъютанту Алексѣеву лицъ гражданскаго управленія о вмѣшательствѣ генералъ-лейтенанта Стесселя въ сферу ихъ дѣятельности, порождающемъ недоразумѣнія и вредящемъ жизни и дѣламъ города.

Однако, съ изданіемъ приказа № 339 и отъѣздомъ Намѣстника изъ Портъ-Артура, взаимныя отношенія трехъ наболѣе крупныхъ представителей власти въ Портъ-Артурѣ—начальника укрѣпленнаго раіона генералъ-лейтенанта Стесселя, коменданта крѣпости генералъ-лейтенанта Смирнова и и. д. гражданскаго комиссара Квантунской области и предсѣдателя городского совѣта подполковника Вершинина не только не стали нормальными, но постепенно ухудшались.

По показанію бывшаго начальника штаба крѣпости Портъ-Артуръ, полковника *Хвостова*, генералъ-лейтенантъ Стессель истолковалъ вышеприведенный приказъ № 339 въ томъ смыслѣ, что приказъ этотъ отданъ съ цѣлью подтвердить коменданту крѣпости его обязанности и что «власть, принадлежащая младшему, — принадлежитъ всецѣло и старшему начальнику, почему всѣ права, предоставленныя приказомъ коменданту крѣпости, принадлежатъ и ему, генералу Стесселю, какъ старшему начальнику». Этотъ свой взглядъ генералъ лейтенантъ Стессель высказалъ вполнѣ опредѣленно въ письмѣ генералу Смирнову по поводу одного случая, когда онъ, свидѣтель, полковникъ Хвостовъ, ссылаясь на приказъ № 339, не выдалъ разрѣшенія одному офицеру на вывозъ изъ Портъ-Артура продовольственныхъ продуктовъ. Руководствуясь такимъ взглядомъ, гене-

ралъ Стессель не стѣснялся впослѣдствіи публично заявлять, что онъ «упразднилъ коменданта».

Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей, генералъ-лейтенантъ *Смирновъ* и подполковникъ *Вершининъ* указываютъ, каждый отдѣльно, на цѣлый рядъ случаевъ вмѣшательства генералъ-лейтенанта Стесселя въ предѣлы ихъ правъ и обязанностей, отмѣны ихъ распоряженій и игнорированія таковыхъ. Обобщая этотъ разнообразный фактическій матеріалъ, можно установить двѣ главныя категоріи фактовъ въ дѣятельности генералъ-лейтенанта Стесселя: вмѣшательство его въ дѣла гражданскаго управленія Портъ-Артура и пренебреженіе интересами послѣдняго и подвѣдомственнаго ему населенія.

Первая изъ указанныхъ категорій въ свою очередь распадается на слѣдующіе отдѣлы:

1) По части интендантской:—вмѣшательство генералъ-лейтенанта Стесселя въ дѣятельность генералъ-лейтенанта Смирнова выражалось въ объявленіи имъ приказами по раіону размѣровъ суточной дачи и способа довольствія, что дѣлалось и комендантомъ крѣпости; въ самовольномъ пользованіи всѣми средствами и запасами крѣпости, нарушавшемъ соображенія и расчеты коменданта ея, и въ отдачѣ своихъ распоряженій непосредственно крѣпостному интенданту, подполковнику Достовалову. Примѣрами подобнаго рода случаевъ указывается на то, что генералъ-лейтенантъ Стессель приказалъ увеличить дачу крупы съ 24 золотниковъ до 32-хъ и отмѣнилъ отданное генералъ-лейтенантомъ Смирновымъ подполковнику Достовалову приказаніе выдѣлывать крупу изъ овса.

Подполковникъ *Достоваловъ,* подтверждая эти факты, между прочимъ, показалъ, что, согласно штата, утвержденнаго Намѣстникомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнемъ Востокѣ, объявленнаго въ приказѣ по крѣпости № 476, онъ именовался интендантомъ крѣпости Портъ-Артуръ и укрѣпленнаго раіона, почему считалъ себя подчиненнымъ и генералъ-лейтенанту Стесселю, и генералъ-лейтенанту Смирнову.

2) По части инженерной: — подчинилъ инженерныя войска генералъ-маіору Кондратенко, указывалъ мѣста жительства инженерныхъ офицеровъ, отдавалъ начальнику инженеровъ крѣпости, полковнику Григоренко, помимо генералъ-лейтенанта Смирнова, приказанія относительно отпуска строительныхъ матеріаловъ и шанцеваго инструмента.

3) По части артилерійской: — назначилъ бывшаго начальника артилеріи 3-го Сибирскаго армейскаго корпуса генералъ-лейтенанта Никитина начальникомъ всей полевой артилеріи, безъ подчиненія его коменданту крѣпости, отдавалъ непосредственно начальнику артилеріи

крѣпости, генералъ-маіору Бѣлому, распоряженія относительно распредѣленія орудій и снарядовъ. Такъ, генералъ-лейтенантъ Стессель отмѣнилъ распоряженіе генералъ-лейтенанта Смирнова передвинуть 120-дюймовую пушку на колесномъ лафетѣ для обстрѣливанія непріятельскихъ блиндажей на Куинсанѣ. Въ половинѣ октября (числа 13-го или 14-го) генералъ-лейтенантъ Стессель приказалъ генералъ-маіору Бѣлому (помимо генерала Смирнова) съ заходомъ солнца открыть огонь съ сѣверо-восточнаго фронта, предполагая, что японцы поведутъ штурмъ. Но штурма не было, и вслѣдствіе такого необдуманнаго распоряженія было безполезно истрачено нѣсколько тысячъ снарядовъ.

4) По части санитарной: — отмѣнилъ распоряженіе генералъ-лейтенанта Смирнова о переводѣ, такъ называемой, Дальнинской больницы въ казармы 28-го полка и его распоряженіе о занятіи околодками нѣкоторыхъ частей казармъ 10-го полка; назначилъ бывшаго корпуснаго врача 3-го Сибирскаго армейскаго корпуса статскаго совѣтника Рябинина завѣдывающимъ медицинскою частью, а потомъ и инспекторомъ госпиталей безъ подчиненія его коменданту и отдавалъ ему непосредственно распоряженія.

5) По части внутренняго распорядка:—удалилъ крѣпостную жандармскую команду изъ крѣпости на Ляотешань; пріостановилъ изданіе газеты «Новый Край», воспретилъ корреспонденту названной газеты, г. Ножину, выѣздъ изъ крѣпости и лишилъ его званія корреспондента; исключилъ изъ службы брантмейстера Портъ-Артурской команды Вейканена; разрѣшалъ самостоятельно выѣздъ изъ крѣпости и вывозъ изъ нея продуктовъ; отдавалъ приказанія непосредственно полиціймейстеру и гражданскому комиссару и воспрещалъ отправку телеграммъ безъ вѣдома штаба укрѣпленнаго раіона.

и 6) По части руководства дѣлами обороны: — предписалъ прекратить работы по оборудованію 2-й и 3-й линій обороны; удалилъ генералъ-маіора Церпицкаго отъ командованія лѣвымъ флангомъ обороны, безъ сношенія съ комендантомъ; назначилъ генералъ-лейтенанта Фока начальникомъ сухопутной обороны крѣпости и, вопреки распоряженію коменданта же, безъ вѣдома и согласія послѣдняго, приказалъ генералу Фоку очистить фортъ № II и батарею Б и, наконецъ, приказалъ представлять себѣ на утвержденіе журналы совѣта обороны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-лейтенантъ *Смирновъ* свидѣтельствуетъ, что генералъ-лейтенантъ Стессель не стѣснялся формою, въ которой отдавалъ ему, свидѣтелю, свои распоряженія и отмѣнялъ его, свидѣтеля, распоряженія. Такъ, приказомъ по крѣпости отъ 14-го Апрѣля 1904 г. № 317 онъ, генералъ-лейтенантъ Смирновъ, установилъ обя-

зательство закрывать во всѣхъ домахъ огни въ окнахъ и на балконахъ, обращенныхъ къ морскому фронту, дабы по этимъ огнямъ непріятельскіе миноносцы и брандеры не могли оріентироваться. Все населеніе крѣпости строго соблюдало это требованіе; огни не закрывались только въ домѣ генерала Стесселя. Когда же черезъ жандармовъ сдѣлано было домашнимъ генерала Стесселя напоминаніе о томъ, генералъ Стессель пригрозилъ начальнику жандармской команды, ротмистру князю Микеладзе, посадить его подъ арестъ и продолжалъ держать огни въ своемъ домѣ открытыми.

Такое отношеніе генерала Стесселя къ распоряженіямъ коменданта крѣпости породило то, что всѣ недовольные ими обращались къ генералу Стесселю, расчитывая на его поддержку. Такъ, подполковникъ Невядомскій, будучи назначенъ приказомъ свидѣтеля отъ 13-го Мая 1904 г. № 373 предсѣдателемъ комиссіи по освидѣтельствованію опротестованныхъ нижнихъ чиновъ и не желая нести этотъ трудъ, обратился, непосредственно или черезъ другихъ лицъ, къ генералу Стесселю съ просьбой отмѣнить распоряженіе свидѣтеля, что и было имъ сдѣлано.

Вообще генералъ-лейтенантъ Стессель не стѣснялся безъ спроса и вѣдома свидѣтеля, какъ коменданта крѣпости, выкомандировывать подчиненныхъ послѣднему лицу. Такъ, полиціймейстеръ города Портъ-Артуръ, Тауцъ, просилъ его, свидѣтеля, снять съ него временно обязанности полиціймейстера и позволить ему составить партизанскій отрядъ, съ которымъ и отправиться на передовыя позиціи. Въ этой просьбѣ Тауцу было отказано. Тогда, недѣли черезъ двѣ, онъ обратился съ тою же просьбою непосредственно къ генералу Стесселю, который ее и удовлетворилъ, не увѣдомивъ даже объ этомъ его, свидѣтеля.

Объ избраніи командира 27-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка полковника Рейса на должность начальника штаба укрѣпленнаго раіона генералъ-лейтенантъ Стессель также не счелъ нужнымъ увѣдомить свидѣтеля.

Наилучшею, по мнѣнію генералъ-лейтенанта Смирнова, иллюстраціею отношеній генералъ-лейтенанта Стесселя къ нему лично и къ дѣлу подготовки крѣпости къ оборонѣ вообще служитъ слѣдующее обстоятельство. Когда сообщеніе Портъ-Артура съ Маньчжурскою арміею было прервано, то большинство жителей поспѣшило взять изъ Русско-Китайскаго банка свои вклады, вслѣдствіе чего фактически не представлялось возможнымъ использовать кредитъ обороны, находившійся тогда въ банкѣ въ размѣрѣ 200.000 рублей. Между тѣмъ, въ корпусномъ казначействѣ 3-го Сибирскаго армейскаго корпуса находилось тогда наличными деньгами болѣе 1.200.000 рублей. Наличныя деньги нужны были для ежедневной расплаты съ рабочими китайцами, составъ которыхъ ежесуточно мѣнялся. Вслѣдствіе этого свидѣтель поручилъ

начальнику инженеровъ крѣпости, полковнику Григоренко, отправиться къ генералу Стесселю и просить его о ссудѣ 50.000 рублей изъ суммъ корпуснаго казначейства. Генералъ Стессель полковнику Григоренко въ этомъ отказалъ. Тогда свидѣтель лично отправился къ генералу Стесселю и изложилъ ему крайнюю необходимость для крѣпости въ этой суммѣ. Генералъ Стессель вторично отказалъ безъ всякихъ мотивовъ отказа и лишь прибавилъ, что деньги эти принадлежатъ 3-му Сибирскому корпусу и должны при немъ остаться. На заявленіе свидѣтеля, что онъ вынужденъ будетъ пріостановить работы на укрѣпленіяхъ, генералъ-лейтенантъ Стессель отвѣтилъ, что это не его дѣло. Только чрезъ посредничество генералъ-маіора Кондратенко удалось свидѣтелю получить нѣсколько десятковъ тысячъ рублей въ ссуду изъ корпуснаго казначейства, а затѣмъ явилась возможность черпать понемногу средства изъ банка. Въ общемъ, хотя денежный кризисъ и миновалъ, и работы не прекращались, но все таки приходилось сдерживаться въ размѣрѣ веденія ихъ.

Особаго вниманія заслуживаетъ отмѣна генералъ-лейтенантомъ Стесселемъ работъ по укрѣпленію 2-й и 3-й оборонительныхъ линій.

По показанію бывшаго начальника штаба крѣпости Портъ-Артуръ, полковника *Хвостова*, комендантъ крѣпости, генералъ-лейтенантъ Смирновъ придавалъ особо важное значеніе своевременной подготовкѣ 2-й и 3-й линій обороны. Работы на нихъ начаты были въ Сентябрѣ, но по недостатку рабочихъ велись довольно медленно. Однако, и при такомъ успѣхѣ ихъ онѣ могли быть закончены къ половинѣ Декабря, Но генерала Стесселя убѣдили въ томъ, что комендантъ напрасно лишь утомляетъ людей этой работой, почему въ Ноябрѣ мѣсяцѣ имъ и было дано предписаніе генералъ-лейтенанту Смирнову прекратить работы по устройству 2-й и 3-й линій. Однако, нѣкоторое время работы еще продолжались тайкомъ, по ночамъ, при чемъ онъ, свидѣтель, давалъ рабочихъ на эти линіи на свой страхъ.

Завѣдывающій работами по укрѣпленію 2-й оборонительной линіи инженеръ-капитанъ *Родіоновъ* показалъ, что слышалъ отъ генерала Смирнова, чаще другихъ посѣщавшаго эту позицію, что она его «дѣтище», что на ней онъ будетъ обороняться съ моряками, какъ народомъ болѣе сильнымъ; при этомъ генералъ Смирновъ комбинировалъ оборону позиціи на всякіе случаи при наличіи и взятіи у насъ нѣкоторыхъ пунктовъ главной оборонительной линіи. Генералъ-лейтенантъ Стессель былъ на позиціи всего раза два—три.

Наконецъ, генералъ-лейтенантъ *Смирновъ* показалъ, что производство работъ по оборонѣ онъ распредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: возстановленіе верковъ и блиндажей 1-й линіи должно было вестись войсками этой линіи съ помощью войскъ частнаго резерва; работы на

2-й линіи—войсками частнаго резерва при помощи войскъ общаго резерва и, наконецъ, возведеніе укрѣпленій 3-й линіи—войсками общаго резерва. Между тѣмъ, генералъ-лейтенантъ Стессель, помимо его, свидѣтеля, отдалъ приказаніе контръ-адмиралу Вирену отправить изъ морского резерва на Западный фронтъ 300 моряковъ для работъ на Высокой и Плоской горахъ. Такое вмѣшательство генерала Стесселя нарушило весь порядокъ работъ и ослабило, какъ самыя работы на 3-й линіи, такъ и временно—силы общаго резерва, который предназначался генераломъ Смирновымъ для отбитія штурмовъ на Восточномъ фронтѣ. Впослѣдствіи, при содѣйствіи генералъ-маіора Кондратенко, 200 моряковъ удалось вернуть съ Западнаго фронта на Восточный.

Въ началѣ Ноября свидѣтель получилъ отъ генералъ-лейтенанта Стесселя предписаніе, которымъ запрещалось производить работы на 2-й и 3-й линіяхъ и вмѣсто того предлагалось посылать людей общаго резерва для работъ на 1-ю линію. Оборона крѣпости съ переходомъ на 2-ю, а затѣмъ и на 3-ю линію была для генерала Стесселя крайне несимпатична, такъ какъ съ перенесеніемъ обороны на эти линіи всѣ зданія Стараго города подвергались обстрѣлу, и негдѣ было скрыться отъ опасности Хотя онъ, свидѣтель, и исполнилъ предписаніе генералъ-адъютанта Стесселя относительно посылки рабочихъ на 1-ю линію, но работъ на 3-й линіи не прерывалъ и къ началу Декабря почти вполнѣ ихъ закончилъ. Особое вниманіе онъ, свидѣтель, удѣлялъ 3-й линіи, гдѣ были поставлены орудія, принадлежащія флоту, и гдѣ отлично разбитые редуты и глубокія траншеи онъ имѣлъ въ виду поручить защитѣ исключительно моряковъ, назначивъ начальникомъ обороны 3-й линіи контръ-адмирала Вирена, о чемъ послѣдній и былъ предупрежденъ имъ еще въ Сентябрѣ мѣсяцѣ.

Вмѣшательство генералъ-лейтенанта Стесселя въ дѣла гражданскаго управленія, по показанію бывшаго гражданскаго комисара Квантунской области и предсѣдателя городского совѣта въ Портъ-Артурѣ подполковника *Вершинина*, выразилось, между прочимъ, въ слѣдующихъ фактахъ: будучи еще комендантомъ крѣпости Портъ-Артуръ, генералъ-лейтенантъ Стессель, приказомъ отъ 20-го Февраля 1904 г. № 152, освободилъ жителей города на время осаднаго положенія отъ разныхъ городскихъ платежей, а также и отъ арендной платы за городскія фанзы (распоряженіемъ Намѣстника платежи эти были возстановлены); приказомъ отъ 29-го Февраля 1904 года № 190 объявлена повышенная такса на кушанья и напитки въ ресторанахъ города; также измѣнена такса для извозчиковъ; приказомъ отъ 31-го Января 1904 г. № 47 предписано домовладѣльцамъ, впредь до организаціи ассенизаціоннаго обоза, рыть ямы для свалки нечистотъ. Бу-

дучи начальникомъ укрѣпленнаго Квантунскаго раіона, генералъ-лейтенантъ Стессель взялъ въ свое вѣдѣніе городскую паровую прачешную, учредилъ въ ней свой надзоръ, вслѣдствіе чего пользованіе ею стало затруднительно, а въ Октябрѣ мѣсяцѣ приказалъ зданіе прачешной взорвать; во время бомбардировокъ города воспретилъ закрывать магазины; выселялъ владѣльцевъ и жильцовъ изъ частныхъ домовъ безъ всякаго вниманія къ ихъ нуждамъ; приказалъ свидѣтелю принять въ командованіе одну изъ передовыхъ батарей и назначилъ всѣхъ начальниковъ участковъ области на должности въ войскахъ безъ предварительнаго сношенія съ свидѣтелемъ, вслѣдствіе чего начальники участковъ оставили свои должности, не сдавъ дѣлъ и не представивъ отчетовъ. Затѣмъ, свидѣтель приводитъ нѣсколько фактовъ грубаго обращенія генералъ-адъютанта Стесселя, какъ съ нимъ лично, такъ и съ обывателями города Портъ-Артуръ. Заявляя, что такое отношеніе высшаго военнаго начальника къ гражданской администраціи не могло не отразиться на отношеніи войскъ къ гражданскому населенію и на отношеніи самого населенія къ дѣлу обороны, подполковникъ Вершининъ свидѣтельствуетъ, что таковое отношеніе не вызывалось обстоятельствами, ибо городское населеніе, считая себя обезпеченнымъ въ своихъ нуждахъ, всѣ свои силы, всѣ средства и всю энергію беззавѣтно предоставляло въ теченіе всей осады общему дѣлу—защитѣ крѣпости.

Спрошенные по содержанію изложенныхъ фактовъ, при слѣдствіи въ качествѣ обвиняемыхъ бывшій начальникъ укрѣпленнаго Квантунскаго раіона генералъ-адъютантъ *Стессель* и бывшій начальникъ штаба укрѣпленнаго Квантунскаго раіона генералъ-маіоръ *Рейсъ*, не признавая себя виновными въ предъявленныхъ къ нимъ обвиненіяхъ:

первому—въ томъ, что, оставшись самовольно въ Портъ-Артурѣ, онъ, генералъ-адъютантъ Стессель, въ нарушеніе приказа Намѣстника ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнемъ Востокѣ, отъ 14-го апрѣля 1904 г. № 339, разъяснявшаго права коменданта по гражданской части въ явный ущербъ населенія, вызывая своимъ несправедливымъ къ нему отношеніемъ и грубостью недовольство, которое не могло способствовать, особенно въ средѣ съ образованіемъ, къ подъему патріотизма до самопожертвованія, а возбуждало, напротивъ, ропотъ;—въ томъ, что совершенно произвольно, безъ законнаго основанія, измѣнялъ и отмѣнялъ распоряженія младшихъ начальниковъ и, такимъ образомъ, вносилъ полную неопредѣленность въ отношенія адмонистративныхъ лицъ и учрежденій, что не могло не отразиться вредно на дѣлѣ обороны;

и второму—въ томъ, что, исполняя приказанія начальника укрѣпленнаго раіона, явно нарушавшія существующія узаконенія и пре-

вышавшія власть его, онъ, обвиняемый, не докладывалъ своему начальнику соотвѣтствующія статьи законовъ и положенія о крѣпостяхъ, какъ того требуетъ смыслъ узаконеній, опредѣляющихъ обязанности начальниковъ штабовъ,—объяснили:

Генералъ-адъютантъ *Стессель*—что, будучи, въ силу приказа Намѣстника, оставленъ по Высочайшему повелѣнію въ Портъ-Артурѣ старшимъ начальникомъ съ подчиненіемъ ему коменданта, онъ, обвиняемый, считалъ, что все, предоставленное младшему, предоставлено и старшему. Въ виду этого онъ и отдавалъ распоряженія непосредственно. Онъ, обвиняемый, часто говорилъ генералу Смирнову, что обязанности ихъ сходятся; онъ даже хотѣлъ, чтобы генералъ Смирновъ былъ его помощникомъ, но, по совѣту генерала Кондратенко, отъ этого отказался. Поступалъ же какъ комендантъ потому, что былъ таковымъ по существу. Вмѣшательство свое, иногда въ кажущіяся мелочи, онъ, обвиняемый, объясняетъ тѣмъ, что въ то время мелочи эти были важны, къ тому же всѣ къ нему обращались, и часто самъ генералъ Смирновъ посылалъ къ нему за разрѣшеніемъ. Что касается ущерба населенію и грубости съ нимъ, то онъ, обвиняемый, признаетъ, что, можетъ быть, кого-нибудь и выругалъ, и взыскалъ, но дѣлалъ это по необходимости, въ ущебъ же населенію никогда не дѣйствовалъ. Въ частности, обвиняемый объяснилъ, что распоряженіе коменданта о Дальнинской больницѣ отмѣнилъ потому, что для нея было отведено лучшее помѣщеніе, чѣмъ казармы 28-го полка,—Пушкинская школа; въ казармы 10-го полка, занятыя околодками, перевелъ 9-й госпиталь только въ Ноябрѣ, послѣ паденія горы Высокой, когда зданіе госпиталя въ Новомъ городѣ было все разбито; на 2-й линіи обороны работы были пріостановлены потому, что необходимо было немедленно укрѣпить 1-ю линію, такъ какъ японцы, атакуя Китайскую стѣнку, прорвались и были остановлены только 14-мъ полкомъ; таково было мнѣніе и генерала Кондратенко; жандармскую команду отправилъ на Ляотешань потому, что признавалъ присутствіе жандармовъ на фортахъ безполезнымъ, а весьма полезнымъ въ мѣстности Ляотешаня, у д. Белинцзы, гдѣ постоянно прибрежные китайцы выходили въ море.

Генералъ-маіоръ *Рейсъ*—что случаи вторженія генералъ-адъютанта Стесселя въ сферу правъ коменданта дѣйствительно были, но они объясняются отсутствіемъ регламентаціи отношеній между начальникомъ укрѣпленнаго раіона и комендантомъ крѣпости, и такъ какъ приказъ Намѣстника отъ 14-го апрѣля 1904 года за № 339 былъ извѣстенъ генералу Стесселю, то онъ напоминать о немъ считалъ излишнимъ.

Ограничивъ, а по нѣкоторымъ вопросамъ совершенно отстранивъ коменданта и принявъ на себя обязанности его, генералъ-адъютантъ Стессель показывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ бездѣйствіе власти въ вопросахъ существенно важныхъ для обороны относительно увеличенія и улучшенія средствъ питанія гарнизона, а именно: 1) не использовалъ своевременно, въ возможной мѣрѣ, мѣстныхъ средствъ Квантунскаго полуострова, разрѣшивъ производство реквизаціи лишь съ 15-го Мая 1904 года, когда сѣверная часть полуострова была уже въ рукахъ непріятеля и когда послѣ пораженія нашего подъ Цзиньчжоу содѣйствіе намъ китайцевъ не могло не уменьшиться; 2) во время осады въ недостаточной степени заботился объ улучшеніи питанія гарнизона, несмотря на заявленіе о семъ коменданта, а именно: а) не пополнилъ запаса овощей, несмотря на то, что имѣлъ къ тому возможность; б) не принялъ мѣръ къ правильному производству реквизиціи лошадей, предусмотрѣнной мобилизаціоннымъ расписаніемъ, и къ увеличенію въ крѣпости числа головъ скота, и в) не утверждалъ представленій коменданта объ увеличеніи дачи конины въ концѣ осады крѣпости, когда это увеличеніе обусловливалось необходимостью поддержать физическія силы истомленнаго гарнизона и бороться противъ цынги.

По даннымъ предварительнаго слѣдствія обстоятельства эти представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Крѣпостной контролеръ, надворный совѣтникъ *Успенскій* показалъ, что ко дню прекращенія сообщеній крѣпости съ Маньчжурскою арміею въ крѣпостномъ интендантствѣ было запасовъ (для гарнизона въ 40 тысячъ человѣкъ): муки и сухарей примѣрно на 10 мѣсяцевъ, крупы—на 4 мѣсяца, солонины до 20 тысячъ пудовъ и нѣсколько сотъ головъ скота. Квантунскій полуостровъ далеко не былъ использованъ для пріобрѣтенія у населенія всего, что могло послужить довольствію войскъ, въ особенности не были использованы сѣверные участки полуострова, въ которыхъ, по заявленію начальника участка, капитана Павловскаго, было много скота. Противъ покупки у населенія полуострова скота возражалъ комисаръ по гражданской части, подполковникъ Вершининъ, который, ссылаясь на указанія, данныя ему Намѣстникомъ, говорилъ, что этимъ можно разорить населеніе, такъ какъ оно будетъ лишено возможности обрабатывать свои поля. Реквизиція были назначена съ 15-го Мая и по ней было взято мало скота—до 700 головъ крупнаго и до 1000—мелкаго скота; покупкою же его до 15-го Мая было пріобрѣтено болѣе. До обложенія крѣпости можно было бы, по мнѣнію свидѣтеля, сдѣлать запасъ овощей, достаточный для продолжительной обороны, но объ этомъ своевременно не позаботились.

Бывшій гражданскій комиссаръ Квантунской области, подполковникъ *Вершининъ* показалъ, что спросъ на скотъ предъявленъ былъ войсками немедленно послѣ начала военныхъ дѣйствій, и онъ быстро выбирался около центровъ расположенія войсковыхъ частей. 6-го Февраля штабъ крѣпости сдѣлалъ распоряженіе о сгонѣ до 500 головъ скота въ распоряженіе крѣпостного интенданта. Такъ какъ приходилось для исполненія этого распоряженія забирать лишь оставшійся къ этому времени скотъ, а, не возбуждая крайняго неудовольствія въ населеніи, этого сдѣлать было нельзя, то свидѣтель просилъ ограничиться въ Портъ-Артурскомъ участкѣ закупкою только мелкаго скота, оставивъ крупный до окончанія полевыхъ работъ. Просьба эта была, насколько помнитъ свидѣтель, уважена. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагаетъ, что заготовка скота войсками въ этотъ періодъ не была бы особенно успѣшной, такъ какъ 24-го апрѣля 1904 года начальникъ 4-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи генералъ-лейтенантъ Фокъ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы со всѣхъ участковъ полуострова скотъ сгонялся на сѣверо-востокъ отъ Цзиньчжоуской позиціи. Въ подтвержденіе этого распоряженія послѣдовалъ приказъ по укрѣпленному раіону отъ 25-го Апрѣля 1904 года за № 171.

При обсужденіи этого вопроса со старшинами выяснилось, что продажей рабочаго скота населеніе будетъ обездолено, чрезъ двѣ же недѣли, когда закончатся посѣвы, оно охотно пойдетъ навстрѣчу нуждамъ русскихъ войскъ. Докладомъ отъ 28-го Апрѣля за № 2396 все вышеизложенное свидѣтелемъ было представлено на благоусмотрѣніе начальника укрѣпленнаго раіона, который приказомъ по раіону отъ 30-го Апрѣля за № 195, разрѣшилъ населенію продавать лишь такое количество скота, которое оно признаетъ нужнымъ. 2-го Мая 1904 года послѣдовалъ приказъ по укрѣпленному раіону, № 201, которымъ реквизиція скота назначалась съ 15-го Мая, однако, послѣдняя имѣла мѣсто только въ одномъ Портъ-Артурскомъ участкѣ, такъ какъ за два дня до наступленія назначеннаго для реквизиціи срока вся остальная часть области была уже въ рукахъ непріятеля. Свидѣтель полагаетъ, что реквизиція въ Цзиньчжоускомъ участкѣ, будь она произведена 15-го Мая, все равно не дала бы никакихъ результатовъ, такъ какъ еще 11-го Мая начальникъ Цзиньчжоускаго участка доносилъ, что всѣ розыски скота скупщиками его отъ войскъ и города остаются тщетными и что сѣвернѣе Нангалина все уже начисто взято, даже мелкій скотъ. Начальникамъ участковъ было приказано: при приближеніи непріятеля скотъ угонять, запасы продовольствія увозить или уничтожать. Начальникъ Цзиньчжоускаго участка вполнѣ это выполнилъ и очистилъ отъ скота и запасовъ всю полосу между

нашими войсками и передовыми силами непріятеля. Грузы и скотъ при хозяевахъ, снабженныхъ особыми квитанціями, онъ отправилъ въ дер. Судятынь, въ тылу Цзиньчжоуской позиціи, гдѣ и производилась пріемка, расцѣнка и расплата.

Въ отношеніи собственно реквизиціи лошадей, свидѣтель показалъ: 27-го Января 1904 года, приказомъ Намѣстника ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнемъ Востокѣ № 40, было указано, что при комплектованіи войскъ лошадьми надлежитъ пользоваться мобилизаціоннымъ расписаніемъ № 2; 29-го числа того же Января Командующій войсками сообщилъ, что изъ этого расписанія гражданскому управленію надлежитъ руководствоваться п.п. 26 и 27, но копіи или выписки изъ нихъ ни ранѣе, ни въ этотъ разъ прислано не было. Частною справкою было установлено, что мобилизаціонное расписаніе № 2 устанавливаетъ комплектованіе войскъ лошадьми не на принципѣ военно-конской повинности, а путемъ реквизиціи. Не имѣя этихъ свѣдѣній, гражданское управленіе не могло сдѣлать предварительныхъ распоряженій и не подготовило населеніе и служащихъ. Вслѣдствіе этого, къ конскому набору путемъ реквизиціи приступили съ опозданіемъ, безъ предварительной подготовки и безъ заранѣе выработаннаго плана. Доставка лошадей на сдаточные пункты производилась безъ маршрутовъ, довольствіе ихъ зависѣло отъ случайностей; населеніе, не ознакомленное съ сущностью этого набора, не только не способствовало ему, а наоборотъ: потребовались особыя мѣры надзора и административнаго воздѣйствія; туземная сельская администрація, пользуясь незнакомствомъ населенія съ этой повинностью, не замедлила сдѣлать изъ нея источникъ личныхъ доходовъ. Первоначально населеніе скрывало лошадей изъ опасенія, что ихъ отберутъ безвозмездно, но когда убѣдилось, что за каждую лошадь, независимо отъ ея качествъ, выдается опредѣленная сумма, то стало скрывать хорошихъ лошадей и муловъ и старалось сбыть плохихъ. Бороться съ этимъ явленіемъ можно было лишь при достаточномъ количествѣ административныхъ агентовъ. По мобилизаціонному расписанію, въ помощь гражданской администраціи надлежало назначить нижнихъ чиновъ отъ войскъ. Но войска эту часть мобилизаціоннаго плана выполнили съ большими отступленіями, а именно: начальникъ Бицзывоскаго участка получилъ трехъ н. ч. вмѣсто 16-ти; Годзялинскаго участка также 3-хъ вмѣсто 22-хъ, а начальнику Портъ-Артурскаго участка не было дано ни одного, хотя полагалось 18. При такихъ условіяхъ изъ реквизиціи лошадей китайцы извлекли значительныя выгоды въ ущербъ качественному составу поставленныхъ въ войска лошадей. Реквизиція лошадей по мобилизаціонному расписанію должна была окончиться 31-го Января, а закончилась въ Цзиньчжоу—5-го Февраля, а въ Портъ-Артурѣ—6-го Февраля.

Въ Цзинь-чжоу было сдано войскамъ: лошадей 138 и муловъ—37 въ Портъ-Артурѣ: лошадей—394 и муловъ—55. Другими данными онъ, свидѣтель, не располагаетъ, однако полагаетъ, что число всѣхъ взятыхъ по реквизиціи лошадей и муловъ превышаетъ число ихъ, установленное п. 27-мъ мобилизаціоннаго расписанія.

Кромѣ того, въ Бицзывоскомъ участкѣ 11-го Мая было пріобрѣтено, по добровольному соглашенію, еще 70 лошадей, и въ Портъ-Артурѣ реквизировано еще 15 лошадей для артиллеріи.

Не взирая на происходившій конскій наборъ, войска продолжали забирать подводы для работъ и тѣмъ способствовали туземцамъ уклоняться отъ него. Были случаи, когда отъ поставки лошадей въ войска освобождалъ самъ генералъ-лейтенантъ Стессель; такъ, напримѣръ, это было допущено въ отношеніи пары лошадей купца Верещагина.

Бывшій крѣпостной интендантъ, подполковникъ *Достоваловъ*, подтверждая въ общемъ изложенные выше факты, дополняетъ ихъ слѣдующими цифрами: въ періодъ времени отъ начала войны до тѣснаго обложенія крѣпости было заготовлено: чрезъ посредство подрядчиковъ выписано изъ Инкоу и Маньчжуріи до 2.000 головъ скота, и изъ нихъ заготовлено 18.554 пуда солонины; по соглашенію съ владѣльцами и реквизиціоннымъ путемъ было пріобрѣтено: быковъ и коровъ—2.288, козловъ и барановъ—2.046, свиней—237; прислано изъ Ляояна и Цзиньчжоу мяса—3.859 пудовъ; всего было выдано войскамъ 49.532 пудовъ мяса, считая въ этомъ числѣ вѣсъ конины отъ убоя 1.331 лошади. Мясныхъ консервовъ было получено 442.422 порціи. Къ 27-му Января 1904 года было: муки 127.287 пудовъ, зерна пшеницы 553.850 пуд., крупы и рису 60.644 пуда, сухарей 64.529 пудовъ; за время осады пріобрѣтено покупкой рису и изготовлено на мельницѣ: крупы пшеничной, овсяной и ячменной 46.939 пудовъ. Фуража было заготовлено: овса—193.937 пудовъ, ячменя—159.388 пудовъ и перевезено изъ Дальняго—113.617 пудовъ бобовъ. Сѣно заготовлялось попеченіемъ самихъ войскъ, бывшее же въ Цзиньчжоу, Дальнемъ и Таліенванѣ было перевезено въ Портъ-Артуръ до 13-го Мая. Для закупки продуктовъ съ шаландъ, заходившихъ въ бухты, по распоряженію генералъ-лейтенанта Стесселя, было выдано капитану Павловскому 5 тысячъ рублей въ серединѣ Сентября мѣсяца. Отъ капитана Павловскаго свидѣтель получилъ въ концѣ Ноября 420 пудовъ капусты, 20 пудовъ луку и 2 пуда чесноку. Болѣе продуктовъ не поступало, такъ какъ шаланды окончательно перестали заходить въ бухты.

Въ засѣданіи совѣта обороны 25-го Ноября 1904 года инженеръ-полковникомъ Григоренко возбужденъ былъ вопросъ объ увеличеніи дачи войскамъ конины, которая выдавалась по ¼ фунта на человѣка два раза въ недѣлю. Предлагая выдавать ¼ фунта на человѣка еже-

дневно, а больнымъ въ госпиталяхъ по $^1/_2$ фунта ежедневно, полковникъ Григоренко мотивировалъ это увеличеніе быстрымъ развитіемъ цынги въ войскахъ и даже въ госпиталяхъ.

Совѣтъ обороны единогласно рѣшилъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ и опредѣлилъ: въ виду увеличивающейся заболѣваемости среди нижнихъ чиновъ и наступавшихъ холодовъ выдавать на человѣка ежедневно по $^1/_2$ чарки водки, ¼ фунта конины и ½ фунта сухарей (изъ полковыхъ запасовъ), сверхъ положенной дачи хлѣба.

По поводу этого постановленія, генералъ-адъютантъ Стессель въ резолюціи своей на журналѣ совѣта обороны 25 Ноября изложилъ: «относительно увеличенія довольствія, все возможное будетъ сдѣлано, но я предлагаю коменданту и начальникамъ дивизій строго провѣрить и требовать, чтобы не было получаемо довольствіе на большее число людей, особенно это вредно отзывается на мясѣ — убой лошадей болѣе требуемаго изведетъ конскій составъ, а на чемъ же работать, на людяхъ, что-ли?»

Неосуществленіемъ на дѣлѣ со стороны генералъ-лейтенанта Стесселя вышеприведеннаго постановленія совѣта обороны 25-го Ноября генералъ-лейтенантъ Смирновъ объясняетъ быстрое развитіе въ войскахъ цынги.

Спрошенный при слѣдствіи въ качествѣ обвиняемаго, генералъ-адъютантъ *Стессель*, не признавая себя виновнымъ въ бездѣйствіи власти относительно увеличенія и улучшенія средствъ питанія гарнизона, объяснилъ, что реквизиціи приказано было производить задолго до Цзиньчжоускаго боя, и часть ихъ была уже выполнена, но гражданскій комиссаръ подполковникъ Вершининъ сдѣлалъ ему, обвиняемому, представленіе произвести реквизицію не ранѣе 15-го Мая, дабы не обездоливать китайцевъ и дать имъ возможность окончить полевыя работы, на что онъ и согласился. Но событія шли, и 13-го Мая была взята Цзиньчжоуская позиція; сѣвернѣе ея дѣлать реквизиціи было уже нельзя, а южнѣе—дѣлались и позже. Лошади принимались комиссіей; никакихъ лошадей купцу Верещагину онъ, генералъ-лейтенантъ Стессель, не освобождалъ. Всѣ запасы зелени—капуста, лукъ, чеснокъ, картофель — были взяты. Подвозъ припасовъ китайцами моремъ былъ то больше, то меньше, но это не было слѣдствіемъ злоупотребленій. Китайцамъ аккуратно платили. Но иногда, подъ предлогомъ подвоза припасовъ, они являлись шпіонами; для присмотра за ними жандармская команда была переведена въ дер. Белинцзы. Крѣпость сдалась не по недостатку хлѣба, а вслѣдствіе невозможности держаться послѣ взятія Большого Орлинаго гнѣзда.

Понимая, что дешевая уступка японцамъ позиціи при Цзиньчжоу, а равно и отдача имъ безъ боя всѣхъ остальныхъ позицій, вплоть

до Зеленыхъ горъ, могутъ произвести неблагопріятное впечатлѣніе въ арміи и повлечь за собою отозваніе его изъ Портъ-Артура, генералъ-лейтенантъ Стессель, въ донесеніяхъ своихъ о боѣ при Цзиньчжоу, старался убѣдить Командующаго арміей и Намѣстника ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, что болѣе упорное сопротивленіе у Цзиньчжоу было невозможнымъ, что отступленіе отъ Цзиньчжоу къ Нангалину было произведено въ отличномъ порядкѣ и что отрядъ генералъ-лейтенанта Фока «постепенно» отходитъ къ Волчьимъ горамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-лейтенантъ Стессель, остававшійся во время боя при Цзиньчжоу въ Портъ-Артурѣ, т. е. приблизительно въ 60 верстахъ въ тылу, — придалъ всѣмъ своимъ донесеніямъ объ этомъ боѣ такую редакцію, которая не оставляла сомнѣнія, что онъ лично и притомъ съ большою энергіею руководилъ дѣйствіями войскъ. Такъ, въ телеграммѣ Командующему Маньчжурскою арміею о Цзиньчжоускомъ боѣ изложено: «бой шелъ до 8 часовъ вечера, затѣмъ я приказалъ отходить съ позиціи на Нангалинъ, забравъ легкія орудія и пулеметы, а тяжелыя, бывшія китайскія, приказалъ уничтожить. Теперь отходимъ постепенно въ Артуръ». Въ другой телеграммѣ говорится: «бой длился съ 4 часовъ утра до 8½ часовъ вечера, когда я отдалъ приказаніе оставить позицію, уничтоживъ и испортивъ всѣ тяжелыя невывозимыя орудіи.....»; «..... въ этомъ жаркомъ дѣлѣ мы выпустили всѣ снаряды.....»; «..... отступили въ отличномъ порядкѣ до Нангалина, а здѣсь частныя лица, уходящія со станціи, произвели безпорядокъ, нѣкоторымъ показалась японская кавалерія, они начали стрѣлять, нѣкоторыя дробью, начали стрѣлять и наши тринадцатаго и четырнадцатаго.....»; «..... прошу генераламъ Фоку и Надѣину Георгія 3-го класса, остальныхъ представлю». 15-го Мая генералъ-лейтенантъ Стессель донесъ Командующему Маньчжурскою арміею: «отрядъ генерала Фока постепенно отходитъ къ Волчьимъ горамъ.....»; «твердо убѣжденный, что войска Квантуна покроютъ себя славою героевъ, но предѣлъ есть во всемъ, будемъ драться до послѣдняго». Въ письмѣ своемъ генералъ-адъютанту Куропаткину отъ 1-го Іюня 1904 года, генералъ-адъютантъ Стессель совершенно не согласно съ дѣйствительностью писалъ, что, начиная съ 26-го Января, онъ лично не пропустилъ ни единой бомбардировки и всегда бываетъ при всѣхъ возможныхъ столкновеніяхъ, тогда какъ въ мѣстахъ боя его никогда не видали.

Обстоятельства обороны нашими войсками Цзиньчжоуской позиціи, очищенія ея и отступленія къ Волчьимъ горамъ изложены уже выше. Въ частности, характеръ отступленія и обстоятельства возникшей во время отступленія паники у Нангалина, по даннымъ предварительнаго слѣдствія, основаннымъ на показаніяхъ участни-

ковъ-очевидцевъ Цзиньчжоускаго боя, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Бывшій командиръ оборонявшаго Цзиньчжоускую позицію 5-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка генералъ-маіоръ *Третьяковъ*, излагая обстоятельства, при которыхъ полкъ его началъ очищать позицію, свидѣтельствуетъ, что это было «общее отступленіе, но никакъ не бѣгство». Двигаясь съ остатками полка къ Нангалину, свидѣтель этотъ услыхалъ вдругъ позади себя страшную ружейную пальбу; мимо него промчались какія-то повозки, а за ними какая-то артиллерія; за артиллеріей повалили обозы; все неслось и что-то кричало; въ хвостѣ колонны послышались крики «кавалерія», и затрещали винтовки; пронесся мимо поѣздъ, его обстрѣливали какіе-то стрѣлки, но затѣмъ все успокоилось, и полкъ съ музыкой вошелъ на ст. Нангалинъ. Дальнѣйшее движеніе полка къ Портъ-Артуру затруднено было тѣмъ, что дорога была буквально запружена бѣглецами изъ г. Дальняго; въ деревнѣ Палиджуань, около Артура, полкъ встрѣтилъ генералъ-лейтенантъ Стессель и похвалилъ за молодецкое дѣло; раненые и оставшіеся въ строю (болѣе 50 человѣкъ) были награждены имъ георгіевскими крестами.

Генеральнаго штаба капитанъ *Романовскій* показалъ, что мимо него прошли остатки 5-го полка сравнительно въ порядкѣ. Около 11-ти часовъ у желѣзнодорожнаго разъѣзда близь д. Нангалинъ началась паника, во время которой телеграфистъ разъѣзда, снявъ аппаратъ, убѣжалъ, а поѣздъ съ ранеными, къ которому прицѣпленъ былъ и вагонъ штаба дивизіи, несмотря на крики «стой, стой», полнымъ ходомъ умчался къ Нангалину. Какъ только началась паника, генералъ Фокъ вышелъ изъ вагона и приказалъ играть сигналъ «стой» и «отбой»; около разъѣзда находился 1-й батальонъ 13-го полка, который скоро собрался въ порядкѣ. Въ тылу же, гдѣ находились 15-й и 14-й полки, стрѣльба продолжалась еще 10—15 минутъ. Генералъ Фокъ верхомъ поѣхалъ къ Нангалину. Причиной паники, какъ потомъ говорили свидѣтелю, было появленіе нѣсколькихъ нашихъ конныхъ охотниковъ, которыхъ кто-то принялъ за японцевъ и крикнулъ «кавалерія». Поздно ночью у Нангалина сосредоточились всѣ части и на разсвѣтѣ продолжали отступленіе.

Генералъ-лейтенантъ *Фокъ*—что паника была слѣдствіемъ боевого возбужденія людей и скоро была остановлена его распоряженіемъ играть сигналъ «сборъ».

По показанію бывшаго командира 4-й Восточно-Сибирской стрѣлковой артилерійской бригады, генералъ-маіора *Ирмана* отступленіе началось засвѣтло, и такъ какъ штабомъ дивизіи не былъ своевременно опредѣленъ порядокъ отступленія, то произошелъ безпорядокъ,

и какъ слѣдствіе его—паника въ обозѣ и въ нѣкоторыхъ ротахъ, стрѣлявшихъ въ темнотѣ другъ въ друга. Дивизія ночевала на ст. Нангалинъ. Аріергардъ ея—у дер. Наньгуалинъ. На разсвѣтѣ 14-го Мая онъ началъ отступать въ полномъ порядкѣ и, дойдя, не преслѣдуемый противникомъ, до ст. Нангалинъ, занялъ здѣсь позицію; дивизія же въ порядкѣ потянулась по Средней Артурской дорогѣ. По пути къ ней присоединился Дальнинскій отрядъ—16-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ и 4-я батарея ввѣренной свидѣтелю бригады подъ командой подполковника Раздольскаго. Этотъ отрядъ занялъ позицію и, пропустивъ дивизію съ аріергардомъ, сталъ отходить въ качествѣ послѣдняго. Въ горахъ, у дер. Топингоу, дивизія остановилась для ночлега на 15-е Мая, 5-й же и 15-й полки и двѣ батареи 7-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго артилерійскаго дивизіона прослѣдовали прямо въ Портъ-Артуръ. Отъ дер. Топингоу, по Средней дорогѣ, черезъ Шининзинскій перевалъ дивизія съ ея артилеріей отошла на 11-ю версту отъ Портъ-Артура по желѣзной дорогѣ и расположилась бивакомъ впереди Волчьихъ горъ.

По показанію бывшаго командира 1-й бригады 4-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи, генералъ-маіора *Надѣина* части отступали отъ Цзиньчжоу въ безпорядкѣ, и нѣкоторымъ изъ нихъ приходилось пробиваться черезъ бывшія въ тылу позиціи, для обороны ея съ юга, проволочныя загражденія.

Наконецъ, бывшій начальникъ артилеріи 3-го Сибирскаго армейскаго корпуса, генералъ-лейтенантъ *Никитинъ* показалъ, что генералъ-лейтенантъ Стессель приказалъ генералу Фоку отступить со всѣми войсками въ Портъ-Артуръ и ждалъ ихъ здѣсь, нервничая и спрашивая окружающихъ: «Чего они не идутъ? Скоро-ли они придутъ?»

Спрошенный при слѣдствіи въ качествѣ обвиняемаго, генералъ-лейтенантъ *Стессель,* не признавая себя виновнымъ въ предъявленномъ къ нему обвиненіи въ неправильныхъ донесеніяхъ высшимъ начальствующимъ лицамъ о Цзиньчжоускомъ боѣ, не оставляющихъ сомнѣнія въ прямомъ и непосредственномъ участіи его какъ въ этомъ бою, такъ и въ другихъ бояхъ—до 1-го Іюня, когда имъ отправлено было вышеуказанное письмо генералъ-адъютанту Куропаткину,—объяснилъ:

Въ телеграммахъ своихъ онъ, обвиняемый, ничего не говорилъ, что былъ на позиціи, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ руководилъ обороною Цзиньчжоуской позиціи; такъ, онъ, обвиняемый, по телеграфу приказалъ сотнѣ казаковъ двинуться для захвата будто-бы брошенныхъ японцами орудій, но донесеніе о семъ генерала Надѣина оказалось преждевременнымъ. Такъ какъ распоряженіе это отдалъ онъ,

обвиняемый, то и написалъ въ телеграммѣ: «я приказалъ казакамъ...» Доказательствомъ, что войска отступили въ отличномъ порядкѣ служитъ то, что 13-й, 14-й, 15-й и 16-й полки шли разстояніе около 25—30 верстъ до позиціи между Нангалиномъ и Волчьими горами отъ вечера 13-го числа по 17-е включительно, т. е. четыре дня. Тотъ фактъ, что 5-й полкъ потерялъ почти половину своего состава и болѣе половины офицеровъ доказываетъ, какъ стойко дрался этотъ полкъ, отступившій только тогда, когда не было возможности болѣе держаться безъ поддержки своей артилеріи; нервности у него, обвиняемаго, никакой не было, а только жаль было 5-го полка, которымъ онъ когда-то командовалъ. Кажется, 14-го или 15-го Мая, онъ, обвиняемый, выѣзжалъ навстрѣчу этому полку къ Кумирнскому редуту. Что войска отходятъ въ порядкѣ и 16-го Мая будутъ на Средней Артурской дорогѣ въ Талингоу, онъ имѣлъ свѣдѣнія и говорилъ, что очень ужъ медленно Фокъ отходитъ. Безпорядокъ въ тылу произошелъ потому, что нѣсколько служащихъ на ст. Тафашинъ и на полустанкѣ Перелетномъ, ошалѣвши, выбѣжали къ отступавшимъ войскамъ, стрѣляли изъ дробовиковъ и кричали: «кавалерія». Порядокъ былъ скоро возстановленъ командирами, офицерами и самимъ Фокомъ, а поручикъ 13-го полка Ясевичъ успѣлъ даже захватить на ст. Тафашинъ депеши и уничтожить самую станцію. Начиная съ 27-го января, т. е. со дня первой бомбардировки крѣпости съ моря, онъ, обвиняемый, былъ во всѣхъ дѣлахъ; такъ, 27-го Января онъ во все время бомбардировки крѣпости съ судовъ 12-ти дюймовыми бомбами находился аа Электрическомъ утесѣ; тамъ же былъ во время бомбардировокъ съ моря 11-го и 26-го февраля, 9-го или 11-го и 31-го Марта. Это могутъ подтвердить бывшій командиръ батареи Электрическаго утеса капитанъ (нынѣ подполковникъ) Жуковскій и офицеры сосѣднихъ батарей Золотой горы и Лагерной. Затѣмъ, онъ, обвиняемый, всегда былъ на передовыхъ позиціяхъ, гдѣ расположились войска по отступленіи отъ Цзиньчжоу; такъ, онъ былъ на позиціяхъ генерала Никитина, охотниковъ 13-го полка (поручиковъ Афанасьева и Филиппова), полковника Савицкаго, подполковника Гусакова, генерала Надѣина. Онъ, обвиняемый, не былъ только въ стычкѣ сѣвернѣе Цзиньчжоу въ первыхъ числахъ Мая и въ бою на Цзиньчжоуской позиціи 12-го и 13-го Мая. Въ этотъ послѣдній день онъ, обвиняемый, не могъ быть у Цзиньчжоу потому, что назначенный для него паровозъ взятъ былъ генеральнаго штаба подполковникомъ Іолшинымъ, другого же совсѣмъ не было. Послѣ этого боя до 10-го Іюня боевъ не было, а были только стычки и поиски охотничьихъ командъ, въ которыхъ ему также быть не случалось, кромѣ поисковъ

охотниковъ 13-го полка поручика (нынѣ штабсъ-капитана) Афанасьева у горы Юпилаза.

Стремясь еще болѣе увѣрить своихъ начальниковъ, что въ бою подъ Цзиньчжоу было сдѣлано все возможное для упорнаго удержанія этой позиціи, генералъ-лейтенантъ Стессель въ тѣхъ же донесеніяхъ ходатайствовалъ о награжденіи орденомъ Св. Георгія 3-й степени генералъ-лейтенанта Фока, который проявилъ въ означенномъ бою полную нераспорядительность и растерянность, и генералъ-маіора Надѣина, который не имѣлъ возможности оказать въ этомъ бою выдающагося подвига, такъ какъ бой велся, главнымъ образомъ, командиромъ 5-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка полковникомъ (нынѣ генералъ-маіоромъ) Третьяковымъ.

Предварительнымъ слѣдствіемъ обнаружено и въ другихъ случаяхъ неправильное, а иногда даже и ложное представленіе генералъ-лейтенантомъ Стесселемъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ къ наградамъ. Такъ, напримѣръ, начальникъ штаба укрѣпленнаго раіона полковникъ (нынѣ генералъ маіоръ) Рейсъ получилъ четыре боевыхъ награды, и въ томъ числѣ орденъ Св. Георгія 4-й степени.

Спрошенные при слѣдствіи по сему поводу въ качествѣ свидѣтелей показали:

Генералъ-маіоръ *Рейсъ*—что представленія къ ордену Св. Георгія, въ виду затруднительности представлять наградные листы, дѣлались телеграммами, въ которыхъ описанія подвиговъ не было; телеграммы эти составлялись лично генераломъ Стесселемъ и чѣмъ именно онъ руководствовался при каждомъ данномъ представленіи, ему, свидѣтелю, неизвѣстно. Онъ, свидѣтель, былъ въ бояхъ 20-го и 21-го Іюня и 13—17-го Іюля; участіе его выражалось въ объѣздѣ съ генераломъ Стесселемъ позицій, въ передачѣ его распоряженій и въ докладѣ ему полученныхъ свѣдѣній о ходѣ боя. Къ ордену Св. Георгія 4-й степени онъ, свидѣтель, былъ представленъ генераломъ Стесселемъ за участіе въ бояхъ по отбитію августовскихъ штурмовъ включительно; особыхъ подвиговъ, дающихъ право на полученіе такой высокой награды, онъ не совершалъ и не считаетъ себя заслужившимъ ее.

Генералъ-лейтенантъ *Надѣинъ*—что орденъ Св. Георгія 3-й степени получилъ за отступленіе съ передовыхъ позицій 12-го Іюня и съ Волчьихъ горъ—15 іюля, гдѣ взялъ обратно у японцевъ захваченную ими батарею штабсъ-капитана Швиндта и удержалъ натискъ противника на нашъ лѣвый флангъ съ самыми незначительными потерями.

Бывшій комендантъ крѣпости Портъ-Артуръ, генералъ-лейтенантъ *Смирновъ*—что генералъ-лейтенантъ Фокъ во время дѣйствій въ предѣлахъ раіона не совершилъ никакого подвига, который подлежалъ

бы награжденію орденомъ Св. Георгія 3 степени; что полковникъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Рейсъ ни въ какомъ дѣлѣ не былъ, и что генералъ Надѣинъ—Георгіевскій крестъ заслужилъ, будучи безспорно храбрымъ, хотя въ предѣлахъ крѣпости подвиговъ и не совершилъ; никакого подвига, заслуживающаго награжденія орденомъ Св. Георгія 4 степени, по мнѣнію свидѣтеля, не совершили также награжденные имъ бывшій командиръ 15-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка полковникъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Грязновъ, командиръ 4-й сотни 1-го Верхнеудинскаго полка Забайкальскаго казачьяго войска есаулъ Канцевичъ, капитанъ (нынѣ подполковникъ) 16-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка Музеусъ и личный адъютантъ генерала Стесселя, поручикъ князь Гантимуровъ.

Генералъ-маіоры *Горбатовскій* и *Ирманъ* и полковникъ *Хвостовъ* отозвались невѣдѣніемъ, за что награждены орденами Св. Георгія генералы Фокъ и Надѣинъ и полковникъ Рейсъ. По мнѣнію свидѣтеля, генерала Горбатовскаго, пристрастіе и несправедливость при награжденіи орденомъ Св. Георгія были. То же полагаетъ свидѣтель, генералъ-маіоръ Ирманъ.

Бывшій командиръ порта «Артуръ», контръ-адмиралъ *Григоровичъ* и бывшій помощникъ коменданта по морской части и завѣдывающій морскою и минною обороною крѣпости контръ-адмиралъ *Лащинскій* свидѣтельствуютъ о пристрастіи генералъ-адъютанта Стесселя въ наградахъ къ чинамъ арміи въ ущербъ чинамъ флота.

Командовавшій въ Портъ-Артурѣ отдѣльнымъ отрядомъ броненосцевъ и крейсеровъ контръ-адмиралъ *Виренъ* показалъ, что обостренныя отношенія между высшими начальниками военно-сухопутнаго и морского вѣдомства отражались въ томъ, что многіе морскіе офицеры и нижніе чины не получали вполнѣ заслуженныхъ наградъ; со стороны генералъ-лейтенанта Стесселя, по мнѣнію свидѣтеля, въ этомъ дѣлѣ было мало справедливости, «былъ хаосъ». Особено много было обиженныхъ среди матросовъ.

Изъ приложенныхъ къ слѣдственному производству донесеній генералъ-адъютанта Стесселя видно, что о награжденіи генераловъ Фока и Надѣина и полковника (нынѣ генералъ-маіоръ) Рейса сдѣланы имъ были слѣдующія представленія:

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ: 15-го Іюля 1904 г.— о генералѣ Фокѣ («...священною обязанностью почитаю свидѣтельствовать объ особыхъ отличіяхъ генераловъ Фока и Кондратенко...»), 10-го Августа 1904 года—о генералѣ Фокѣ и полковникѣ Рейсѣ («...и среди достойныхъ есть достойнѣйшіе...»), 13-го Августа — о генералѣ Фокѣ («...генералы Кондратенко и Фокъ заслуживаютъ всякой награды...»).

Намѣстнику ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнемъ Востокѣ: въ донесеніи о Цзиньчжоускомъ боѣ — о генералахъ Фокѣ и Надѣинѣ («...прошу Георгія 3-го класса...»), 22-го Іюля—о генералѣ Фокѣ («...долгомъ считаю ходатайствовать объ особомъ награжденіи моихъ ближайшихъ помощниковъ, генераловъ Фока и Кондратенко...»), 13-го Іюля—о генералѣ Фокѣ («...священною обязанностью почитаю свидѣтельствовать объ особыхъ отличіяхъ... генерала Фока...»), 2-го Августа — о полковникѣ Рейсѣ; просится объ утвержденіи его въ должности начальника штаба корпуса съ производствомъ въ генералы; 17-го Августа—о генералѣ Фокѣ («...особенно прошу о награжденіи Кондратенко и Фока...»), 10-го Октября—о генералѣ Надѣинѣ, который названъ въ числѣ «особенно отличившихся своею дѣятельностью».

Командующему Маньчжурскою арміею: 13-го Мая, 12-го Іюня, 13-го Іюля и 18-го Августа—о генералѣ Фокѣ и 10-го Октября 1904 года—о генералѣ Надѣинѣ, все въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и Намѣстнику.

Изъ имѣющагося въ дѣлѣ и составленнаго въ Главномъ Штабѣ списка лицъ бывшаго Портъ-Артурскаго гарнизона, награжденныхъ орденомъ Св. Георгія и золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость», видно, что генералъ-лейтенантъ Фокъ и полковникъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Рейсъ награждены: первый орденомъ Св. Георгія 3-й степени, а второй—орденемъ Св. Георгія 4-й степени—«за мужество и храбрость, оказанныя въ дѣлахъ противъ японцевъ въ періодъ бомбардировокъ и блокады Портъ-Артура»; что генералъ-лейтенантъ Фокъ награжденъ золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость» съ бриллiантовыми украшеніями—«за мужество и храбрость, оказанныя при отбитіи штурмовъ Портъ-Артура въ Августѣ, Сентябрѣ и Октябрѣ мѣсяцахъ 1904 года», и генералъ-маіоръ (нынѣ генералъ-лейтенантъ) Надѣинъ—орденомъ Св. Георгія 3-й степени—«за отличія въ дѣлахъ противъ японцевъ при отбитіи штурмовъ Портъ-Артура въ Октябрѣ мѣсяцѣ и съ 7-го по 19-е Ноября 1904 года», всѣ трое, во всѣхъ случаяхъ, по непосредственному ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволенію, согласно ходатайства генералъ-адъютанта Стесселя (Высочайшіе приказы 24-го Октября 1904 г. и 27 Января 1905 года).

Спрошенный при слѣдствіи въ качествѣ обвиняемаго, генералъ-адъютантъ *Стессель*, не признавая себя виновнымъ въ неправильномъ и даже ложномъ представленіи подвѣдомственныхъ ему чиновъ къ наградамъ, объяснилъ, что генераловъ Фока и Надѣина представилъ къ ордену Св. Георгія 3-й степени за то, что они распоряжались боемъ на Цзиньчжоуской позиціи, который хотя и былъ для насъ неудаченъ, но оста-

новилъ немедленное движеніе трехъ японскихъ дивизій впередъ; полковникъ Рейсъ представленъ былъ имъ, обвиняемымъ, къ ордену Св. Георгія 4-й степени за рекогносцировку путей, которыми японцы могли продвинуться къ Зеленымъ горамъ, и за то, что очень часто бывалъ на передовыхъ позиціяхъ. Поручикъ князь Гантимуровъ былъ представленъ не имъ, обвиняемымъ, а собранною подъ его предсѣдательствомъ Кавалерскою думою ордена, за то, что былъ два раза посылаемъ охотникомъ въ армію, а 20-го Іюня на Зеленыхъ горахъ оказалъ подвигъ мужества, выведя подъ огнемъ пулеметы и установивъ ихъ удачно на позицію, причемъ былъ тяжко раненъ.

V. Сдача.

Вслѣдъ за паденіемъ Высокой горы, кровопролитная оборона которой сильна ослабила гарнизонъ Портъ-Артура, и гибелью эскадры, разстрѣлянной японцами съ этой горы,—по иниціативѣ генералъ-адъютанта Стесселя былъ собранъ 25-го Ноября 1904 года совѣтъ обороны.

На обсужденіе совѣта полковникомъ Рейсомъ, отъ имени начальника укрѣпленнаго раіона, предложенъ былъ вопросъ о предѣлѣ, до котораго слѣдуетъ оборонять крѣпость, чтобы предотвратить рѣзню внутри города и безполезное кровопролитіе войскъ и жителей. Однако, обсужденіе этого вопроса совѣтомъ было единодушно отвергнуто.

2-го Декабря 1904 года, вечеромъ, на форту № II, разорвавшейся въ казематѣ форта 11-ти дюймовой бомбой убитъ былъ начальникъ сухопутной обороны генералъ-маіоръ Кондратенко; на мѣсто его генералъ-адъютантъ Стессель назначилъ генералъ-лейтенанта Фока.

5-го Декабря, вечеромъ, послѣ сильной бомардировки японцами форта № II и взрыва его бруствера изъ непріятельской минной галлереи, по приказанію новаго начальника сухопутной обороны и съ согласія генералъ-адъютанта Стесселя, фортъ былъ очищенъ нашими войсками.

Въ ночь на 16-е Декабря, послѣ продолжительной бомбардировки непріятелемъ форта № III и взрыва имъ двухъ усиленныхъ горновъ подъ брустверомъ его, фортъ былъ также нами очищенъ, при чемъ была очищена и прилегающая къ нему часть Китайской стѣнки. Отступивъ съ форта № III, мы заняли позицію на расположенномъ позади форта Скалистомъ гребнѣ.

16-го Декабря, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Стесселя, состоялся военный совѣтъ, послѣ котораго имъ отправлена была ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ телеграмма съ донесеніемъ, что крѣпость продержится еще лишь нѣсколько дней.

17-го Декабря, по приказанію генералъ-адъютанта Стесселя, были приготовлены къ отправкѣ въ Чифу на миноносцѣ полковыя знамена, судовые флаги и серебряные сигнальные рожки.

18-го Декабря, послѣ усиленной бомбардировки и взрыва горна подъ брустверомъ, пало укрѣпленіе № 3. Вечеромъ наши части отошли отъ Китайской стѣнки и заняли позиціи на высотахъ, расположенныхъ позади линіи фортовъ, отъ Большого Орлинаго Гнѣзда до Курганной батареи включительно.

19-го Декабря, послѣ ряда атакъ, японцы заняли къ вечеру Большое Орлиное Гнѣздо. Почти одновременно съ этимъ генералъ-адъютантъ Стессель послалъ Командующему японскимъ осаднымъ корпусомъ генералу Ноги письмо съ предложеніемъ вступить въ переговоры о сдачѣ крѣпости. Вечеромъ въ этотъ же день, по приказанію начальника сухопутной обороны, генералъ-лейтенанта Фока, были очищены нами безъ боя Малое Орлиное Гнѣздо, Куропаткинскій люнетъ и батарея лит. Б. Въ ночь на 20-е Декабря, по предложенію начальника укрѣпленнаго раіона, наши суда были окончательно взорваны и затоплены.

Событія эти, по даннымъ предварительнаго слѣдствія, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Совѣтъ обороны 25 Ноября.

Засѣданіе совѣта обороны было собрано по предложенію начальника Квантунскаго укрѣпленнаго раіона для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ относительно дальнѣйшей обороны крѣпости въ зависимости отъ измѣнившейся обстановки, вслѣдствіе очищенія нами въ ночь съ 22-го на 23-е Ноября передовыхъ опорныхъ пунктовъ: горъ Высокой, Плоской, Дивизіонной и Панлуньшаня и перехода войскъ на оборону полигона крѣпости. Вслѣдствіе этого комендантомъ крѣпости предложены были совѣту для обсужденія вопросы: а) о способѣ обороны оставшихся еще за нами передовыхъ пунктовъ, главнымъ образомъ—Ляотешаня и позиціи на Голубиной бухтѣ, и б) о необходимости образованія общаго резерва, полностью израсходованнаго въ дни штурма на Высокую гору, но крайне необходимаго, какъ единственное средство парировать случайности. Въ концѣ засѣданія, и. д. начальника штаба укрѣпленнаго раіона, полковникомъ Рейсомъ, по порученію начальника раіона, предложенъ былъ на обсужденіе совѣта вопросъ о предѣлѣ, до котораго слѣдуетъ оборонять крѣпость, т. е. когда надлежитъ сдать крѣпость, чтобы предотвратить рѣзню внутри города и безполезное истребленіе войскъ и жителей.

По этому поводу комендантъ крѣпости высказалъ мнѣніе, что, въ случаѣ истощеніи снарядовъ, у насъ останутся патроны, а послѣ

истощенія запасовъ патроновъ—остаются штыки... Единственно, что можетъ служить въ данное время мѣриломъ продолжительности обороны крѣпости,—это запасы продовольствія, съ истребленіемъ которыхъ становится невозможной дальнѣйшая борьба. По даннымъ же крѣпостного интендантства, запасовъ продовольствія можетъ хватить до 1-го Января 1905 года, каковой срокъ и слѣдуетъ считать предѣльнымъ срокомъ обороны, если не произойдетъ какихъ-либо чрезвычайныхъ событій, существенно измѣняющихъ положеніе осажденной крѣпости.

Большинство членовъ совѣта согласилось съ мнѣніемъ коменданта крѣпости и нашло, что обсужденіе вопроса о времени сдачи крѣпости преждевременно.

Подлинный журналъ засѣданія совѣта обороны подписанъ всѣми участвовавшими въ этомъ засѣданіи—генералами Смирновымъ, Фокомъ, Кондратенко, Никитинымъ, Бѣлымъ и Горбатовскимъ, полковникомъ Григоренко и подполковникомъ Хвостовымъ,—за исключеніемъ полковника Рейса. Послѣдній, въ виду неточнаго изложенія въ послѣднемъ пунктѣ, какъ сущности внесеннаго имъ на обсужденіе, по порученію начальника укрѣпленнаго раіона, вопроса, такъ и высказанныхъ по этому поводу мнѣній, подписать журналъ призналъ невозможнымъ и приложилъ особую записку—мнѣніе. Въ этой запискѣ полковникъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Рейсъ излагалъ, что въ концѣ засѣданія, по порученію начальника укрѣпленнаго раіона, имъ былъ предложенъ на обсужденіе вопросъ о возможномъ предѣлѣ обороны, т. е. объ опредѣленіи, съ потерей какихъ частей крѣпости дальнѣйшее сопротивленіе должно считаться безнадежнымъ въ смыслѣ возможности отстоять крѣпость,—что вопросъ этотъ по существу въ засѣданіи совершенно не обсуждался, такъ какъ нѣкоторыми изъ членовъ совѣта было высказано мнѣніе, что всякое обсужденіе вопроса о сдачѣ крѣпости можетъ вредно отозваться на духѣ защитниковъ,—что условія, въ которыхъ находится Артуръ и которыя имѣли мѣсто въ Севастополѣ, совершенно различны и не даютъ основанія опредѣлять продолжительность обороны Артура продолжительностью сопротивленія Севастополя, какъ это дѣлаетъ комендантъ крѣпости,—что опасность заключается не въ потерѣ передовыхъ пунктовъ, а въ томъ, что защита ихъ стоила намъ очень дорого, и въ настоящее время численность гарнизона, 11—12 тысячъ, не соотвѣтствуетъ протяженію фронта, и, наконецъ, что запасы продовольствія имѣютъ рѣшающее вліяніе только при блокадѣ крѣпости, при активныхъ же дѣйствіяхъ значеніе припасовъ второстепенное, такъ какъ сами по себѣ они орудіемъ обороны служить не могутъ.

Разсмотрѣвъ журналъ совѣта обороны отъ 25-го Ноября, генералъ-адъютантъ Стессель, въ резолюціи своей по этому вопросу, изложилъ, между прочимъ, что совершенно невѣрно вписано то, что онъ приказалъ внести на обсужденіе,—что онъ приказалъ указать на то, что на восточномъ фронтѣ, на полигонѣ крѣпости, мы и японцы находимся въ 20—7 шагахъ другъ отъ друга, т. е. обѣ стороны занимаютъ полигонъ,—что на западномъ фронтѣ, при неимѣніи резерва, растянутости и неимѣніи даже ограды, при сильномъ натискѣ противника большими силами можетъ быть прорывъ въ Новый городъ,—что все это онъ приказалъ имѣть въ виду, дабы не было это неожиданностью, и въ заключеніе предписывалъ такъ же твердо оборонять крѣпость, какъ и обороняли на линіи своихъ фортовъ и батарей, о срокѣ никакомъ не думать, вопросъ же о томъ, слѣдуетъ ли бой перенести на улицы города, будетъ рѣшенъ имъ, генералъ-адъютантомъ Стесселемъ.

Спрошенные, въ качествѣ свидѣтелей, бывшіе участники засѣданія совѣта обороны 25-го Ноября 1904 года, подтверждая изложенное въ журналѣ совѣта, показали:

Генералъ-лейтенантъ *Смирновъ*—что полковникъ Рейсъ, по приказанію начальника укрѣпленнаго раіона, просилъ совѣтъ обсудить и рѣшить, когда должна быть закончена оборона крѣпости въ виду недостатка боевыхъ припасовъ, скудости продовольствія, утомленія и болѣзненности людей и опасенія рѣзни на улицахъ въ случаѣ затяжки обороны, и что со временемъ свидѣтелю стало извѣстно, что генералъ Стессель и полковникъ Рейсъ, наканунѣ или въ день совѣта, заходили къ нѣкоторымъ его членамъ и старались настроить ихъ въ смыслѣ необходимости сдачи.

Инженеръ-полковникъ *Григоренко*—что вопросъ полковника Рейса, въ которомъ онъ выразилъ желаніе начальника укрѣпленнаго раіона знать мнѣніе совѣта о предѣлѣ сопротивленія крѣпости, его удивилъ;—что, какъ припоминаетъ свидѣтель, генералъ Фокъ, послѣ нѣкотораго общаго молчанія, сказалъ: «позвольте, это еще рано»,—а предсѣдатель совѣта, генералъ Смирновъ, вынувъ изъ ящика стола интендантскую вѣдомость о количествѣ продовольствія, сказалъ: «вотъ предѣлъ сопротивленія» и прочелъ, на сколько дней было каждаго вида продовольствія.

Генеральнаго штаба полковникъ *Хвостовъ*—что предложенный полковникомъ Рейсомъ, по порученію генерала Стесселя, вопросъ о «предѣлахъ обороны» былъ понятъ всѣми, какъ вопросъ о времени сдачи крѣпости, и обсужденіе его было единогласно признано несвоевременнымъ, невызываемымъ обстановкою и могущимъ деморализировать войска, если до нихъ дойдетъ объ этомъ слухъ; особенно

вспылилъ генералъ Кондратенко и очень энергично возражалъ полковнику Рейсу.

Генералъ-адъютантъ *Стессель*—что совѣтъ обороны 25-го Ноября былъ собранъ для вырѣшенія вопроса о предѣлѣ обороны на мѣстности, т. е. гдѣ установить войска и линію, на которой слѣдуетъ держаться; совѣтъ или тотъ, кто потомъ вписалъ все въ журналъ, не понялъ словъ «предѣлъ»; полковникъ Рейсъ ничѣмъ не проявилъ отсутствія мужества въ своихъ сужденіяхъ.

По показанію генералъ-лейтенанта *Смирнова*, онъ, спустя два часа послѣ смерти генерала Кондратенко, вмѣстѣ съ начальникомъ своего штаба, подполковникомъ Хвостовымъ, отправился къ генералу Стесселю, дабы доложить ему, что, онъ, свидѣтель, беретъ на себя руководство сухопутной обороной крѣпости на восточномъ ея фронтѣ, на западномъ же, гдѣ непріятель находился еще въ разстояніи одной версты отъ линіи фортовъ, онъ готовъ предоставить руководство обороной генералу Фоку, находившемуся не у дѣлъ и тяготившемуся этимъ положеніемъ. Было около 11½ часовъ вечера, когда свидѣтель прибылъ къ генералу Стесселю, но послѣдній уже спалъ. Тогда свидѣтель отправился въ штабъ раіона, къ полковнику Рейсу, и, изложивъ ему свои предположенія, просилъ его на другой день доложить обо всемъ пораньше генералу Стесселю. Однако, когда свидѣтель на другой день, 3-го Декабря, утромъ, вновь отправился съ подполковникомъ Хвостовымъ къ генералу Стесселю, то послѣдній заявилъ, что онъ уже отдалъ приказъ о назначеніи генерала Фока начальникомъ сухопутной обороны и что своихъ приказовъ онъ никогда не отмѣняетъ.

Полковникъ *Хвостовъ*, подтверждая изложенное выше, показалъ, что назначеніе генерала Смирнова начальникомъ сухопутной обороны не входило въ расчеты генерала Стесселя, который стремился «упразднить» коменданта. Генералъ Фокъ былъ креатурой генерала Стесселя, который вѣрилъ въ военный талантъ Фока, и они взаимно другъ друга хвалили.

Генералъ-маіоръ *Рейсъ*, отрицая фактъ извѣстности ему, что генералъ Смирновъ просилъ генерала Стесселя о назначеніи его начальникомъ сухопутной обороны, показалъ, что генералъ Фокъ былъ назначенъ на это мѣсто, какъ старшій изъ пѣхотныхъ начальниковъ.

Генералъ-маіоры *Третьяковъ* и *Мехмандаровъ*, контръ-адмиралы *Григоровичъ* и *Лащинскій*, полковникъ *Тыртовъ* и подполковникъ *Вершининъ* свидѣтельствуютъ, что назначеніе генералъ-лейтенанта Фока начальникомъ сухопутной обороны было принято большинствомъ, какъ дурное предзнаменованіе, съ затаеннымъ опасеніемъ за благополучный исходъ обороны крѣпости. Послѣ боевъ на Цзиньчжоуской по-

зиціи, на Зеленыхъ и Волчьихъ горахъ, генералъ этотъ не пользовался довѣріемъ, какъ военачальникъ.

Около 11 часовъ вечера 5-го Декабря 1904 года фортъ № II, по приказанію начальника сухопутной обороны крѣпости Портъ-Артуръ, генералъ-лейтенанта Фока, былъ оставленъ занимавшимъ его гарнизономъ и взорванъ.

Обстоятельства, сопровождавшія очищеніе форта № II, а равно и предшествовавшія ему, по даннымъ предварительнаго слѣдствія, представляются въ слѣдующемъ видѣ: со времени тѣсной осады крѣпости и послѣ гибели части нашей эскадры, разстрѣлянной съ Высокой горы, всѣ штурмы японцевъ на восточномъ фронтѣ убѣждали въ томъ, что ихъ усилія, главнымъ образомъ, направлены были къ тому, чтобы завладѣть фортами №№ II и III, укрѣпленіемъ № 3 и Китайской стѣнкой; эти усилія, по словамъ бывшаго командира 7-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго артилерійскаго дивизіона, генералъ-маіора *Мехмандарова*, привели къ тому, что къ концу Октября 1904 г. японцы не только прочно утвердились на гласисахъ фортовъ №№ II и III, но фактически владѣли напольными рвами и вели минную войну. Вслѣдствіе такой близости непріятеля, линія огня на этихъ фортахъ постоянно забрасывалась ручными бомбами и минами, день и ночь обстрѣливалась ружейнымъ огнемъ—съ гласисовъ и артилерійскимъ—съ среднихъ и дальнихъ дистанцій; все это дѣлало положеніе стрѣлковъ на линіи огня до-нельзя тяжелымъ, и стрѣлки находили укрытіе за ретраншаментомъ, оставляя на линіи огня однихъ часовыхъ; вотъ почему еще съ конца Октября эти форты лишены были самообороны, а оборона ихъ лежала на обязанности артиллеріи; такъ, оборона форта № II возложена была на батареи Малаго Орлинаго Гнѣзда, лит. Б, Заредутную и Волчью Мортирную, а также на скорострѣльныя пушки, стоявшія между Малымъ Орлинымъ Гнѣздомъ и лит. Б. Положеніе этого форта становилось съ каждымъ днемъ все болѣе критическимъ, матеріальнаго значенія онъ для насъ уже не имѣлъ, и отстаиваніе его при генералѣ Кондратенко вытекало изъ чисто моральнаго принципа. Съ утра 5-го Декабря японцы стали сильно бомбардировать фортъ № II, а около 11 часовъ утра произвели на брустверѣ его три взрыва, послѣ чего приступили къ обстрѣливанію форта и прилегающей мѣстности перекрестнымъ артилерійскимъ и ружейнымъ огнемъ; незначительный гарнизонъ форта не въ состояніи былъ долѣе его удерживать за собою, вслѣдствіе чего, по приказанію генерала Фока, около 11 часовъ вечера указаннаго 5-го Декабря фортъ № II былъ нашими войсками очищенъ и взорванъ.

Спрошенный, при слѣдствіи, въ качествѣ свидѣтеля, по обстоятельствамъ очищенія форта № II, генералъ-лейтенантъ *Стессель* удостовѣрилъ, что фортъ этотъ былъ нами очищенъ и взорванъ по его приказанію, которое было передано имъ генералу Фоку послѣ того, какъ ему, генералу Стесселю, стало извѣстно о безнадежномъ положеніи форта. Приказаніе отдано было лично генералу Фоку, а не коменданту потому, что генералъ Фокъ былъ ближе къ позиціи, и такъ какъ онъ, генералъ Стессель, не придавалъ особаго значенія порядку подчиненности, къ тому же полагалъ, что о предполагаемомъ очищеніи и взрывѣ форта коменданту будетъ доложено, если не генераломъ Фокомъ, то начальникомъ обороны фронта, генераломъ Горбатовскимъ, который былъ соединенъ съ комендантомъ телефономъ. Къ изложенному генералъ Стессель добавилъ, что генералъ Фокъ, какъ начальникъ сухопутной обороны, подчиненъ былъ коменданту, хотя письменнаго приказа о томъ не было.

Генералъ-лейтенантъ *Смирновъ* показалъ, что 5-го Декабря, въ 11 час. утра, непріятель произвелъ на брустверѣ форта № II три взрыва. Отъ взрыва въ правомъ углу развороченъ былъ нѣсколько брустверъ, но воронка не образовалась; отъ средняго взрыва на брустверѣ образовалась лишь небольшая воронка, крайній же лѣвый взрывъ былъ неудаченъ, такъ какъ имъ выбита была назадъ, въ ровъ, забивка, не повредивъ бруствера. Наши батареи съ Малаго Орлинаго Гнѣзда и Заредутная открыли по воронкѣ огонь, и послѣдняя не была увѣнчана японцами до захода солнца. Но и гарнизонъ форта за это время также не рѣшился ее занять. Передъ заходомъ солнца японцы начали въ воронкѣ укладывать мѣшки. Въ 11 час. вечера онъ, свидѣтель, узналъ, что фортъ № II уже нами очищенъ, и казематы его взорваны. Это было сдѣлано назначеннымъ предъ тѣмъ комендантомъ форта штабсъ-капитаномъ Кватцемъ, по распоряженію начальника участка подполковника Глаголева, который дѣйствовалъ на основаніи приказанія генерала Фока, не выждавъ даже прибытія на мѣсто и окончательнаго рѣшенія по сему дѣлу начальника фронта, генералъ-маіора Горбатовскаго. Всѣ орудія и даже пулеметы были оставлены на форту. Когда на слѣдующее утро 6-го Декабря генералъ Фокъ явился къ свидѣтелю, то на вопросъ послѣдняго, кто ему разрѣшилъ сдать фортъ № II, генералъ Фокъ отвѣтилъ, что получилъ на это приказаніе генералъ-лейтенанта Стесселя. Когда же онъ, свидѣтель, замѣтилъ генералу Фоку, что пока еще Царскимъ велѣніемъ комендантъ крѣпости—онъ, генералъ-лейтенантъ Смирновъ, а онъ, генералъ-лейтенантъ Фокъ, ему подчиненъ и безъ доклада ему ничего не долженъ былъ дѣлать, то генералъ-лейтенантъ Фокъ привелъ въ свое оправданіе, что наканунѣ вечеромъ онъ искалъ его,

генералъ-лейтенанта Смирнова, на дачныхъ мѣстахъ, полагая, что онъ туда выбрался изъ своей квартиры по причинѣ ея обстрѣла 11-дюйм. бомбами, но не нашелъ. Свидѣтель полагаетъ, что этотъ разговоръ былъ переданъ генераломъ Фокомъ генералу Стесселю, который, чтобы придать всему дѣлу другой оборотъ, отдалъ 14-го Декабря приказъ № 961, въ которомъ изобразилъ очищеніе форта № II, какъ подвигъ. Между тѣмъ, отдача этого форта имѣла для гарнизона крѣпости громадное моральное значеніе, такъ какъ расшатала въ корнѣ тотъ принципъ, что фортъ умираетъ, а не сдается, каковой принципъ, съ постоянствомъ, до тѣхъ поръ былъ внушаемъ имъ, свидѣтелемъ, и другими начальствующими лицами. Защитники фортовъ на примѣрѣ форта № II увидали, что фортъ не есть святыня, которою непріятель можетъ завладѣть только послѣ смерти всѣхъ его защитниковъ, а тоже самое, что и обыкновенное укрѣпленіе или траншея, которыя свободно уступались непріятелю, когда на нихъ становилось трудно держаться. Спустя 10 дней, это и подтвердилъ своей сдачей фортъ № III.

Послѣ сдачи форта № II стали циркулировать слухи, что снарядовъ нѣтъ и не стоитъ больше держаться.

Бывшій начальникъ штаба крѣпости, генеральнаго штаба полковникъ *Хвостовъ* показалъ, что генералъ-лейтенантъ Фокъ приказалъ очистить и взорвать фортъ № II безъ вѣдома коменданта крѣпости; когда генералъ-лейтенантъ Смирновъ узналъ объ этомъ, то онъ вызвалъ къ себѣ генерала Фока и въ очень рѣзкой формѣ сдѣлалъ ему замѣчаніе; оправдываясь, генералъ лейтенантъ Фокъ ссылался на генерала Стесселя, который, будто бы, отдалъ ему подобное приказаніе. Въ дѣйствительности же, генералъ Стессель только утвердилъ распоряженіе генерала Фока, отданное имъ ранѣе совершенно самостоятельно. По показанію этого свидѣтеля, дѣло было такъ: вскорѣ послѣ взрыва непріятельскаго горна подъ бруствероиъ форта № II, генералъ-лейтенантъ Фокъ поѣхалъ къ форту и съ одной изъ ближайшихъ вершинъ наблюдалъ за происходившемъ на немъ: фортъ сильно обстрѣливался и снарядами, и минами, но японцы на штурмъ не лѣзли. Только отдѣльные храбрецы были видны на брустверѣ около воронки. Генералъ Фокъ послалъ солдата или матроса (точно свидѣтель не помнитъ) на фортъ узнать, что тамъ дѣлается. Вернувшись, посланный доложилъ генералу Фоку, что японцы сильно стрѣляютъ по форту и что наши не могутъ держаться. Тогда генералъ-лейтенантъ Фокъ вторично посылаетъ его на фортъ и передаетъ на словахъ приказаніе: держаться, пока заложатъ мины для взрыва форта и вынесутъ раненыхъ и имущество, а затѣмъ отступить и взорвать фортъ. Послѣ этого генералъ Фокъ поѣхалъ съ до-

кладомъ къ генералу Стесселю, который и утвердилъ распоряженія генерала Фока. Тогда по телефону генералъ Фокъ передалъ генералу Горбатовскому о своемъ распоряженіи. Такъ какъ послѣдній сталъ доказывать генералу Фоку, что фортъ можно еще держать и что оставленіе его дурно повліяетъ на духъ гарнизоновъ другихъ фортовъ, то генералъ Фокъ предоставилъ генералу Горбатовскому, если онъ найдетъ возможнымъ, удержать фортъ № II и не очищать его. Генералъ Горбатовскій сейчасъ же поскакалъ къ форту № II но засталъ уже безпорядочное отступленіе съ форта; орудія и много имущества было брошено на форту, взрывы были сдѣланы спѣшно и очень мало повредили фортъ. Послѣ сдачи форта № II, генералъ-лейтенантъ Фокъ доказывалъ всѣмъ, что это очищеніе подниметъ духъ защитниковъ другихъ фортовъ, ибо они будутъ знать, что въ тяжелую минуту начальство ихъ не забудетъ и выведетъ изъ форта. Между тѣмъ, генералъ Кондратенко все время внушалъ войскамъ мысль, что гарнизонъ гибнетъ вмѣстѣ съ фортомъ, но никогда не оставляетъ его.

Бывшій начальникъ обороны Восточнаго фронта, генералъ-маіоръ *Горбатовскій* также удостовѣрилъ, что, получивъ по телефону сообщеніе генерала Фока о необходимости очистить и взорвать фортъ № II, онъ выговорилъ согласіе очистить фортъ только ночью, надѣясь, что можно еще будетъ захватить передній фасъ; вскорѣ онъ получилъ извѣстіе, что японцы съ гласиса обстрѣливаютъ ретраншаментъ особыми воздушными минами и уже почти весь его разрушили, что убыль въ людяхъ громадная; тогда онъ, свидѣтель, съ капитаномъ генеральнаго штаба Степановымъ составилъ записку съ послѣдовательнымъ изложеніемъ въ ней дѣйствій при очищеніи форта, послѣ чего отправился къ форту, но по дорогѣ встрѣтилъ коменданта форта, штабсъ-капитана Кватца, который доложилъ ему, что фортъ уже очищенъ и взорванъ. Съ паденіемъ форта № II опредѣлился упадокъ энергіи и вѣры въ спасеніе Артура. Къ работамъ по подготовкѣ этого форта къ взрыву приступили въ послѣднихъ числахъ Ноября.

На другой день, 6-го Декабря, свидѣтель съ Китайской стѣнки или съ Малаго Орлинаго Гнѣзда разсматривалъ фортъ № II и не замѣтилъ въ немъ существенныхъ наружныхъ поврежденій отъ взрыва. Видно было только, что казарма нѣсколько перекосилась, горжа же осталась сравнительно исправной. Въ этотъ же день японцы повели крытый ходъ черезъ фортъ къ горжѣ.

Мичманъ *Витгефтъ 2-й* удостовѣрилъ слѣдующее: 5-го Декабря, около полудня, японцы начали энергическую подготовку штурма, осыпая фортъ № II, Куропаткинскій люнетъ и ходы сообщенія къ

нимъ массою снарядовъ. Съ люнета онъ, свидѣтель, со своею ротою, въ 30 человѣкъ, былъ двинутъ для поддержки гарнизона форта № II. Пришлось двигаться открыто, мостъ на фортъ держался на одной балкѣ, на самомъ форту были страшныя разрушенія: брустверъ былъ уничтоженъ совершенно, гарнизонъ отражалъ атаки японцевъ изъ-за ретраншамента; около 3-хъ часовъ дня японцы открыли по форту огонь метательными минами, которыя страшно разрушали фортъ и выводили изъ строя массу людей. Часа черезъ полтора онъ, свидѣтель, получилъ приказаніе выбить японцевъ съ бруствера; взявъ съ собою всѣхъ своихъ людей, человѣкъ 30, онъ повелъ атаку, но попавшей миной атакующіе были уничтожены, осталось 3 человѣка, съ которыми онъ отступилъ; съ наступленіемъ темноты онъ, свидѣтель, повторилъ атаку, будучи подкрѣпленъ 10-ю ротою 25-го полка, въ составѣ около 30 человѣкъ, но и эту атаку постигла та же участь. Къ 9 часамъ вечера ретраншаментъ былъ превращенъ въ кучу земли, всѣ орудія, за исключеніемъ одного 75 мм. китайскаго и одного пулемета, были разбиты; убитыхъ и раненыхъ на форту было около 300 человѣкъ, въ живыхъ не болѣе 30—40 человѣкъ. Комендантъ форта послалъ за подкрѣпленіемъ, но ему отвѣтили, что резервовъ нѣтъ; на вторичное донесеніе о трудномъ положеніи форта было получено приказаніе вынести раненыхъ, пулеметы и замки отъ орудій, заложить фугасы и отступить, послѣ чего взорвать фортъ. За неимѣніемъ людей, все выполнялось медленно. Около 10½ часовъ вечера на фортъ прибылъ прапорщикъ Семеновъ и привелъ 60 человѣкъ матросовъ; менѣе чѣмъ черезъ полчаса резервъ этотъ былъ уничтоженъ; вскорѣ прибылъ штабсъ-капитанъ минной роты Адо и приготовилъ все къ взрыву. Когда были вынесены раненые, а также пулеметъ, замки отъ орудій, снаряды, патроны и провизія, подожгли бикфордовы шнуры; гарнизонъ, всего въ числѣ 18 человѣкъ, былъ выведенъ имъ, свидѣтелемъ, по приказанію коменданта форта; фугасы начали взрываться, когда гарнизонъ отошелъ шаговъ 150; онъ, свидѣтель, лично видѣлъ нѣсколько взрывовъ. Къ изложенному мичманъ Витгефтъ добавилъ, что за 2-е—5-е Декабря потери наши на форту № II опредѣляются въ 570 человѣкъ, при чемъ на 5-е число приходится около 400 человѣкъ.

Наконецъ, по показаніямъ генералъ-маіора *Мехмандарова* и штабсъ-капитана 25-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка *Акимова*—удерживать фортъ № II было трудно, но возможно еще въ теченіе нѣсколькихъ дней, паденіе же его произвело на войска тяжелое впечатлѣніе; они поняли, что вслѣдъ за фортомъ падетъ и вся крѣпость.

Военный совѣтъ 16-го Декабря.

Въ ночь съ 15-го на 16-е Декабря палъ фортъ № III. Вечеромъ 16-го Декабря, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Стесселя, состоялся военный совѣтъ, на которомъ присутствовали: комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ, начальникъ 4-й Восточно-Сибирской дивизіи генералъ-лейтенантъ Фокъ, начальникъ артилеріи 3-го Сибирскаго армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Никитинъ, командующій 7-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіей генералъ-маіоръ Надѣинъ, командиръ Квантунской крѣпостной артилеріи генералъ-маіоръ Бѣлый, командиръ 1-й бригады 7-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи генералъ-маіоръ Горбатовскій, командующій отрядомъ броненосцевъ и крейсеровъ контръ-адмиралъ Виренъ, начальникъ береговой обороны контръ-адмиралъ Лащинскій, начальникъ штаба 3-го Сибирскаго армейскаго корпуса полковникъ Рейсъ, командиръ 4-й Восточно-Сибирской стрѣлковой артилерійской бригады полковникъ Ирманъ, начальникъ инженеровъ крѣпости полковникъ Григоренко, командиръ 7-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго артилерійскаго дивизіона полковникъ Мехмандаровъ, начальникъ штаба крѣпости подполковникъ Хвостовъ, командиры полковъ: 13-го—подполковникъ Гандуринъ, 14-го—полковникъ Савицкій, 15-го—полковникъ Грязновъ, 25-го—подполковникъ Покладъ, 26-го—полковникъ Семеновъ, 27-го—полковникъ Петруша, начальникъ штаба 4-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи подполковникъ Дмитревскій и и. д. начальника штаба 7-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи капитанъ Головань.

Открывая засѣданіе совѣта, генералъ-адъютантъ Стессель обратился къ присутствующимъ съ предложеніемъ высказать свое мнѣніе о возможности и способахъ дальнѣйшей обороны крѣпости въ зависимости отъ измѣнившейся съ паденіемъ форта № III обстановки и дѣйствительнаго состоянія крѣпости. По этому поводу высказали слѣдующее: капитанъ *Головань* — « . . . . *держаться еще можно»;* подполковникъ *Дмитревскій*—«пѣхоты на позиціи остается не болѣе 12 тысячъ . . . , санитарное состояніе гарнизона весьма плохое . . . , японцы ведутъ правильную осаду, бороться съ которой можно только при помощи артилеріи большихъ калибровъ, а снарядовъ такихъ калибровъ у насъ мало . . , орудія износились . . . . , крѣпость долго держалась, но теперь она по частямъ отмираетъ. *Обороняться можно еще*, но сколько времени неизвѣстно, а зависитъ отъ японцевъ... Средствъ для отбитія штурмовъ у насъ почти нѣтъ»; подполковникъ *Покладъ*— « . . . . нравственный духъ расшатанъ даже среди гарнизона, но *держаться необходимо* на 1-й позиціи, такъ какъ на 2-й линіи дер-

жаться невозможно, ибо на ней нѣтъ ни окоповъ, ни мѣстъ для жилья, а на устройство ихъ нѣтъ людей»; подполковникъ *Хвостовъ*—«согласенъ съ картиной положенія крѣпости, нарисованной подполковникомъ Дмитревскимъ, *держаться же нужно до послѣдней крайности*...»; подполковникъ *Гандуринъ*—«согласенъ съ высказаннымъ подполковниками Дмитревскимъ и Хвостовымъ. У насъ силъ не хватаетъ для занятія линіи обороны... Всѣ люди готовы умереть, но едва ли это принесетъ пользу. Это можетъ только ожесточить врага и вызвать рѣзню»; полковникъ *Григоренко*—«къ активнымъ дѣйствіямъ мы уже не способны.... *слѣдуетъ обороняться,* постепенно отходя сначала на 2-ю, а затѣмъ на 3-ю линію»; полковникъ *Петруша*—«положеніе тяжело, но только относительно... *Безусловно отказаться отъ дальнѣйшей обороны еще несвоевременно*»: полковникъ *Савицкій*—«.... цынга можетъ заставить насъ прекратить оборону»; полковникъ *Мехмандаровъ*—средствъ состязаться съ артилеріей противника у насъ нѣтъ, орудій большого калибра тоже почти нѣтъ, но *обороняться возможно*.... Мы еще можемъ защищаться противоштурмовыми орудіями»; полковникъ *Грязновъ*—«настроеніе людей хорошее, но составъ слабый. Никому неизвѣстно, сколько крѣпости придется держаться... Солдатъ сумѣетъ умереть, если будетъ какая-нибудь надежда на выручку»; полковникъ *Семеновъ*—«*слѣдуетъ продолжать оборону.* Мы растянуты, но сократить линію обороны не можемъ. Безусловно продолжать оборону, стараясь вернуть въ строй цынготныхъ»; полковникъ *Ирманъ*—«мы имѣемъ 10 тысячъ штыковъ и, *слѣдовательно, нужно обороняться*....»; полковникъ *Рейсъ*—«основное назначеніе крѣпости Портъ-Артура—служить убѣжищемъ и базой для Тихоокеанскаго флота. Роль эту, насколько зависѣло отъ гарнизона, Артуръ выполнялъ, пока существовалъ флотъ; теперь по разнымъ причинамъ флота болѣе нѣтъ, и, слѣдовательно, значеніе Артура, какъ убѣжища, падаетъ само собою. Значеніе Артура, какъ сухопутной крѣпости, совершенно ничтожно, такъ какъ лежитъ далеко отъ всѣхъ операціонныхъ направленій, но, благодаря своему значенію убѣжища флота, онъ блистательно выполнилъ и назначеніе сухопутной крѣпости, притянувъ къ себѣ въ то время, когда сѣверная армія наша сосредоточивалась, до 150 тысячъ японцевъ, изъ коихъ выведено изъ строя не менѣе 100 тысячъ. Теперь сосредоточеніе арміи, конечно, уже закончено, да и Артуръ не можетъ уже отвлекать на себя значительныхъ силъ, такъ какъ для борьбы съ остатками, японцамъ достаточно держать лишь небольшой отрядъ. Такимъ образомъ, павшій Артуръ въ настоящее время на общее положеніе дѣлъ на театрѣ войны никакого вліянія оказать не можетъ и является вопросомъ самолюбія, какъ національ-

наго, такъ, въ частности, Артурскаго гарнизона. Положеніе крѣпости таково: изъ 35 тысячъ пѣхоты осталось около 11 тысячъ, изъ коихъ значительный процентъ переутомленныхъ и недомогающихъ; большое число орудій подбито, снарядовъ крупныхъ и среднихъ калибровъ осталось мало.... Вторая линія представляетъ изъ себя въ сущности тыловую артиллерійскую позицію, для упорной же обороны пѣхотой не пригодна, такъ какъ состоитъ изъ системы отдѣльныхъ горокъ, не имѣющихъ никакихъ приспособленій какъ для жилья, такъ и для боя.... За 2-й линіей у насъ уже нѣтъ ничего, за что можно было бы уцѣпиться, а, между тѣмъ, очень важно не допустить непріятеля послѣ штурма ворваться въ городъ и перенести бой на улицы, такъ какъ это можетъ повести къ рѣзнѣ, жертвами которой сдѣлаются, кромѣ мирнаго населенія, еще 15 тысячъ больныхъ и раненыхъ, которые своей прежней геройской службой и сверхчеловѣческой выносливостью заслужили вниманіе къ своей участи. Если бы было какое нибудь основаніе надѣяться, что крѣпость будетъ въ состояніи продержаться до прибытія выручки, то, конечно, слѣдовало бы стоять до послѣдней возможности, но, къ сожалѣнію, на близость выручки нѣтъ никакихъ указаній, скорѣе есть признаки, что она еще очень далека. Такимъ признакомъ является то, что мы уже 2 мѣсяца не имѣли никакихъ извѣстій изъ армій..... При такихъ условіяхъ вопросъ состоитъ лишь въ томъ, что лучше: оттянуть ли сдачу крѣпости на нѣсколько дней или даже часовъ, или спасти жизнь двухъ десятковъ тысячъ безоружныхъ людей. То или другое рѣшеніе вопроса, конечно, есть дѣло личнаго взгляда, но казалось бы, что послѣднее важнѣе, и потому разъ второй линіи будетъ угрожать серьезная опасность, этой линіей слѣдуетъ воспользоваться, какъ средствомъ для возможности начать переговоры о капитуляціи на возможно почетныхъ и выгодныхъ условіяхъ»; генералъ-маіоръ *Горбатовскій* — «.... мы очень слабы, резервовъ нѣтъ, *держаться необходимо* и притомъ на передовой линіи.... Защищать 2-ю линію съ даннымъ числомъ войскъ трудно, такъ какъ она слишкомъ длинна и не имѣетъ закрытій»; генералъ-маіоръ *Надѣинъ* — «*держаться на первой линіи возможно дольше.* На 2-й линіи, не имѣя резервовъ, держаться нельзя»; генералъ-маіоръ *Бѣлый* — «..... орудій крѣпостныхъ осталось мало, и они износились, снарядовъ еще хватаетъ для обороны. Придавать особаго значенія паденію форта № III нельзя, пока тамъ не поставлены орудія; при имѣющихся средствахъ *держаться еще можно на 1-й линіи*»; генералъ-маіоръ *Никитинъ*— «преждевременно заключать, что крѣпость отмираетъ..... Снаряды еще есть.... Личный составъ качествомъ не слабъ и, вѣроятно, не слабѣе японцевъ. Надо обратить вниманіе не на больныхъ, а на здоровыхъ,

улучшивъ ихъ питаніе. Переходить на 2-ю линію преждевременно, и до послѣдней возможности слѣдуетъ держаться на 1-й линіи. *Мы должны бороться* потому что, по принципу, по идеѣ, выручка будетъ.....»; контръ-адмиралъ *Виренъ*—«..... *можно и должно продолжать защиту*»; контръ-адмиралъ *Лащинскій*—то же; генералъ-лейтенантъ *Фокъ* — «..... весь вопросъ въ томъ, удастся ли помѣшать японцамъ поставить орудія на форту № III, и для этого нужно употребить всѣ усилія. Существенно важно держаться Китайской стѣнки, остальныя позиціи ничего не стоятъ, съ потерей ея — сопротивленіе можно считать только часами... Оборонять форты пѣхотой собственно нельзя»; генералъ-лейтенантъ *Смирновъ* — «... если число защитниковъ уменьшилось втрое и число орудій на половину, а продовольствіе — съ года на мѣсяцъ, то это нужно считать положеніемъ нормальнымъ для крѣпости малой. Сейчасъ, относя больныхъ и раненыхъ къ населенію, численность послѣдняго достигаетъ до 20 тысячъ, а продовольствія осталось на $1^1/_2$ мѣсяца, полигонъ остается прежній. Гарнизонъ не отвѣчаетъ протяженію линіи фортовъ, хотя есть еще двѣ запасныя полевыя позиціи, которыя, въ крайности, можно очистить: это Ляотешань и Сигнальная горка. Если защитниковъ останется еще меньше, то слѣдуетъ перейти къ внутреннимъ линіямъ. Китайская стѣнка очень важна.... поэтому ее лучше держать до послѣдней возможности, ослабивъ оборону остальныхъ участковъ... На 2-й линіи мы можемъ держаться еще недѣлю. Затѣмъ мы можемъ держаться на 3-й линіи, которую составляютъ: внутренняя ограда, позиціи Хоменки, Большая и Опасная горы; наконецъ, если гарнизонъ сократится хотя до 3-хъ тысячъ, то съ ними можно оборонять внутренность Стараго города.... *Сдача можетъ быть вызвана только истощеніемъ продовольствія*»; генералъ-лейтенантъ *Фокъ* — «практически этого выполнить нельзя. Ставъ на 3-ю линію, мы отдаемъ госпитали и городъ на полное истребленіе. Тогда уже лучше сдать городъ, и тѣмъ, кто не желаетъ сдаваться, съ охотниками идти на Ляотешань и тамъ обороняться»; генералъ-адъютантъ *Стессель*— «держаться нужно на 1-й линіи, пока это будетъ возможно. Жить на 2-й линіи, гдѣ нѣтъ помѣщеній, въ теперешнее морозное время нельзя: люди не выдержатъ и начнутъ уходить въ казармы и повѣрить это очень трудно. Если сумѣемъ удержать Китайскую стѣнку, укрѣпленіе № 3 и Курганную батарею, то держаться можно, если же собьютъ съ этой линіи, то слѣдуетъ переходить прямо на линію позиціи Хоменки, гдѣ есть по близости помѣщенія для жилья, держа наверху только часовыхъ. Если отъ первой линіи японцы пойдутъ сапой, то, конечно, можно продержаться долго. Оборудованіе нѣсколькихъ линій теперь совершенно невозможно. Артилерія должна упо-

требить всѣ усилія, чтобы помѣшать поставить орудія на форту № III, иначе на Китайской стѣнкѣ держаться нельзя. На 2-й линіи нужно держаться пока возможно, отнюдь не допуская непріятеля въ городъ и не перенося борьбы на улицы, чтобы не вызвать рѣзни раненыхъ, которые заслужили вниманіе къ своей участи».

Журналъ совѣта никѣмъ изъ участниковъ засѣданія не подписанъ, а завѣренъ лишь генералъ-маіоромъ Рейсомъ.

Не отрицая въ общемъ правильности изложеннаго въ журналѣ, допрошенные, въ качествѣ свидѣтелей, участники совѣта показали:

Инженеръ-полковникъ *Григоренко*—по поводу мнѣнія полковника Рейса, что онъ, свидѣтель, лично не вѣрилъ и не вѣритъ въ то, чтобы японцы способны были устроить рѣзню въ городѣ раненыхъ и мирныхъ жителей, и что полковникъ Рейсъ не отмѣтилъ въ своей рѣчи того обстоятельства, что освобожденная отъ осады Артура армія японцевъ усилитъ арміи, оперирующія противъ Куропаткина. По показанію этого свидѣтеля, генералъ Стессель поблагодарилъ всѣхъ за высказанное почти единогласно мнѣніе о возможности дальнѣйшаго сопротивленія и прибавилъ, что другихъ мнѣній онъ и не ожидалъ услышать.

Полковникъ *Хвостовъ*—что генералъ Стессель, открывая засѣданіе совѣта, изложилъ въ краткихъ словахъ положеніе крѣпости, указавъ на число больныхъ и раненыхъ въ госпиталяхъ, на число цынготныхъ, на недостатокъ боевыхъ припасовъ, малочисленность гарнизона и его страшное утомленіе; при этомъ было рѣзко замѣтно стремленіе сгустить краски и показать отчаянное положеніе крѣпости; въ концѣ засѣданія генералъ Стессель поблагодарилъ всѣхъ за высказанное ими мужественное мнѣніе.

Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ *Семеновъ*—что прибылъ на совѣтъ, полагая, что хотятъ ознакомиться съ общимъ положеніемъ дѣлъ, и потому указалъ, какъ коситъ цынга людей, что отъ 1-го баталіона осталась одна только сборная рота, но что, когда свидѣтелю задали вопросъ—можно ли держаться, онъ высказалъ, что держаться должно, и въ крайности цынготные будутъ посажены на позицію съ винтовками и патронами. Громче всѣхъ на совѣтѣ высказался противъ сдачи генералъ Никитинъ, но это не значитъ, чтобы другіе менѣе отвергали сдачу, но такова манера говорить генерала Никитина. Генералъ Бѣлый сказалъ, что неправда, будто снарядовъ нѣтъ: «снарядовъ еще есть и много, ихъ на цѣлыхъ два большихъ штурма хватитъ, поэтому я ихъ берегу». Генералъ Рейсъ самымъ убѣдительнымъ образомъ настаивалъ на сдачѣ, указывая, что роль Артура сдѣлана, а дальше уже будетъ рѣзня. Генералъ Фокъ категорически не высказался, а генералъ Стессель, мявшій въ

рукахъ какую-то бумагу, какъ говорятъ, докладъ Фока о сдачѣ, закончилъ собраніе, поблагодаривши всѣхъ за доблестное желаніе отстаивать крѣпость и дальше.

Генералъ-маіоръ *Мехмандаровъ*—что генералъ Стессель на совѣтѣ 16-го Декабря своего мнѣнія не высказалъ, а лишь поблагодарилъ за единодушное желаніе продолжать оборону; генералъ Рейсъ говорилъ долго и въ своемъ резюме ясно и категорически высказалъ, что Портъ-Артуръ выполнилъ свою задачу, какъ по отношенію къ флоту, такъ и по отношенію къ сѣверной арміи, и дальнѣйшую оборону считалъ безполезною; генералъ Фокъ, обращаясь къ генералу Стесселю, высказался въ томъ смыслѣ, что продолженіе обороны возможно лишь при условіи, если непріятель не установитъ орудія на форту № III. Такъ какъ совѣтъ происходилъ вечеромъ 16-го Декабря, то изъ сказаннаго генераломъ Фокомъ, по мнѣнію свидѣтеля, ясно видно, что къ 17-му Декабря на форту № III не было непріятельскихъ орудій. Къ этому свидѣтель добавляетъ, что 17-го Декабря было сравнительное затишье; 18-го Декабря непріятель съ форта № III артилерійскаго огня не открывалъ, слѣдовательно, тамъ не было непріятельскихъ орудій, а 19-го Декабря, около 2-хъ или 3-хъ часовъ дня, былъ посланъ парламентеръ.

Генералъ-маіоръ *Ирманъ*—что высказался за оборону до послѣдняго человѣка, до послѣдняго дома въ городѣ.—«Пусть у насъ теперь 8 тысячъ, будетъ 4 тысячи, 2 тысячи, наконецъ, 500 штыковъ—все продолжать оборону». Восемьдесять процентовъ членовъ совѣта высказалось за оборону, и оборона была рѣшена безповоротно до конца. Генералъ Стессель, повидимому, горячо благодарилъ за это рѣшеніе, за доблестный духъ и, казалось, былъ доволенъ рѣшеніемъ совѣта продолжать оборону. Генералъ Рейсъ сказалъ гладкую рѣчь о необходимости сдачи. Генералъ Фокъ, видя, что большинство за оборону, говорилъ неопредѣленно, уклонялся отъ прямого отвѣта, но очевидно было, что онъ за сдачу, и, повидимому, у него объ этомъ была написана записка, которую онъ держалъ передъ собою на столѣ и которую онъ спряталъ, когда совѣтъ рѣшилъ обороняться.

Генералъ-маіоръ *Горбатовскій*—что иниціатива созыва военнаго совѣта исходила, повидимому, отъ генерала Стесселя, можетъ быть, и отъ генерала Фока, но не отъ коменданта; цѣль его была выяснить положеніе крѣпости; по крайней мѣрѣ, генералъ Стессель, обращаясь къ собравшимся, сказалъ: «пусть каждый скажетъ свое мнѣніе о положеніи крѣпости»,—слова же «сдача» онъ не произносилъ. Всѣ рѣчи сводились къ одному, что «плохо и очень плохо, но держаться нужно». Выдѣлилась, между прочимъ, рѣчь полковника Рейса,

указавшаго на то, что крѣпость потеряла свое значеніе, и роль ея кончена. Послѣ Рейса говорилъ свидѣтель о томъ, что слѣдуетъ держаться до крайности. Его перебилъ полковникъ Рейсъ, сказавъ: «значитъ, вы хотите рѣзни въ городѣ?» Свидѣтель на это отвѣтилъ, что рѣзни не хочетъ, но на позиціяхъ держаться нужно, въ особенности—на первой. Отъ рѣчи генерала Фока объ укрѣпленіи какой-то позиціи у свидѣтеля осталось впечатлѣніе, что онъ собирался сказать что-то другое. Въ заключеніе генералъ Стессель поблагодарилъ за готовность держаться и при этомъ сказалъ, что переходить съ 1-й позиціи на 2-ю не слѣдуетъ, а сразу на 3-ю, такъ какъ на 2-й, въ виду зимы, негдѣ будетъ размѣстить людей. Этимъ совѣтъ и окончился. На совѣтъ 16-го Декабря свидѣтель не смотрѣлъ, какъ на окончательный, и полагаетъ, что такъ же смотрѣли на него и другіе, тѣмъ болѣе, что подобный же вопросъ о дальнѣйшей оборонѣ крѣпости былъ предложенъ еще въ Ноябрѣ.

Генералъ-лейтенантъ *Надѣинъ*—что генералъ-адъютантъ Стессель вполнѣ одобрилъ общее мнѣніе совѣта сражаться.

Генералъ-лейтенантъ *Никитинъ*—что былъ противъ сдачи, указывая на то, что намъ нѣтъ никакого дѣла до того, выполнилъ или нѣтъ Артуръ свое назначеніе: «его мы должны защищать потому, что онъ намъ порученъ». Генералъ Фокъ не прочиталъ того заявленія, которое было имъ принесено въ засѣданіе, и когда генералъ Стессель спросилъ:—«Александръ Викторовичъ, я прочитаю замѣтку?—«Нѣтъ». Свидѣтель полагалъ, что совѣтъ собранъ для того, чтобы обсудить, какъ усилить оборону, но изъ характера засѣданія понялъ, что «насъ собрали для другого».

Контръ-адмиралъ *Виренъ*—что полковникъ Рейсъ въ своемъ докладѣ о состояніи крѣпости, обрисовавъ все въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, высказался въ томъ смыслѣ, что не пора-ли въ видахъ гуманности прекратить дальнѣйшее кровопролитіе. Въ такомъ же духѣ говорилъ полковникъ Дмитревскій и еще одинъ офицеръ, фамиліи котораго свидѣтель не помнитъ, всѣ же остальные генералы и начальники частей высказались за продолженіе защиты крѣпости, которая находится еще въ такомъ положеніи, что можетъ и должна защищаться, надо только рѣшить, какъ лучше вести оборону; генералы Бѣлый и Никитинъ высказали даже, что вопросъ о сдачѣ крѣпости не долженъ быть обсуждаемъ.

Контръ-адмиралъ *Лащинскій*—что совѣтъ былъ собранъ для обсужденія положенія крѣпости и какъ вести дальнѣйшую оборону; генералъ Фокъ, по открытіи засѣданія, хотѣлъ прочитать записку, составленную имъ по этому поводу, но генералъ Стессель сказалъ, что сначала пусть всѣ собравшіеся выскажутъ совершенно откровенно

свои взгляды на положеніе дѣла. Генералъ Бѣлый указалъ, что крѣпость имѣетъ до 8 тысячъ крупныхъ снарядовъ (по 100 на орудіе) и до 70 тысячъ мелкихъ, противоштурмовыхъ; самимъ генераломъ Стесселемъ было заявлено, что провизіи есть еще на мѣсяцъ слишкомъ (60 тысячъ пудовъ муки, кромѣ сухарей, и около 3000 лошадей), а число штыковъ — 11 тысячъ.

Всѣми сознавалось трудное и серьезное положеніе крѣпости, все же громаднымъ большинствомъ голосовъ (19 противъ 3—одинъ ничего не высказалъ, это генералъ Фокъ) была высказана необходимость держаться и защищать крѣпость до конца, пока хватитъ снарядовъ. Только подполковники Гандуринъ и Дмитревскій и полковникъ Рейсъ высказались за необходимость капитуляціи; главное, что ихъ пугало—возможность рѣзни. Генералъ Фокъ не прочелъ своей записки, такъ какъ генералъ Стессель сказалъ ему, что всѣ высказались, и теперь уже поздно (было 8 часовъ вечера). Закрывая засѣданіе, генералъ Стессель, поблагодаривъ всѣхъ за откровенное мнѣніе, сказалъ, что будетъ защищаться на 1-й линіи, а затѣмъ перейдетъ на слѣдующія.

Генералъ-лейтенантъ *Фокъ*—что въ журналѣ совѣта мнѣніе его изложено вѣрно. Насколько понималъ онъ тогда, на совѣтѣ не былъ поставленъ вопросъ о сдачѣ, а только спрашивалось мнѣніе о положеніи крѣпости; голосованія и подсчета голосовъ не было. Отъ совѣта онъ вынесъ впечатлѣніе, что «строевые начальники были пессимисты или скромные оптимисты, причемъ степень оптимизма увеличивалась по мѣрѣ удаленія отъ восточнаго фронта и на Ляотешанѣ достигала своего кульминаціоннаго развитія. Составляли исключеніе только генералъ Никитинъ и полковникъ Ирманъ. Всѣ же нестроевые проявили большой оптимизмъ, особенно—адмиралы».

Генералъ-лейтенантъ *Смирновъ*—что генералъ-адъютантъ Стессель, открывая засѣданіе совѣта, предложилъ каждому высказать совершенно откровенно свое мнѣніе касательно настоящаго положенія крѣпости и мѣръ, которыя надлежало-бы принять въ будущемъ; затѣмъ генералъ Стессель заявилъ, что въ концѣ засѣданія онъ ознакомитъ насъ съ запиской, которую держалъ въ рукахъ. При изложеніи мнѣній, подполковники Дмитревскій и Гандуринъ высказались въ смыслѣ невозможности и безцѣльности продолженія борьбы; полковникъ Рейсъ указалъ, что миссія Портъ-Артура, въ смыслѣ защиты флота, кончилась, что для арміи, которая собралась давно уже, Артуръ вовсе не нуженъ, что дальнѣйшая защита его можетъ привести только къ рѣзнѣ на улицахъ, чего не должно допускать. Подполковникъ Покладъ, полковники Савицкій и Грязновъ высказались неопредѣленно. Капитанъ Головань, подполковникъ Хвостовъ,

полковники Петруша, Семеновъ, Мехмандаровъ, Григоренко, Ирманъ, адмиралы Виренъ и Лащинскій, генералы Горбатовскій, Надѣинъ, Никитинъ и Бѣлый были за дальнѣйшую оборону, причемъ послѣдній указалъ, что снарядовъ хватитъ еще на два большихъ штурма. Генералъ Фокъ уклонился отъ отвѣта на разсматриваемый вопросъ, говорилъ о выносливости нижнихъ чиновъ. Генералъ Стессель, выслушавъ мнѣнія, объявилъ, что вторая позиція не представляетъ никакой силы и поблагодарилъ всѣхъ за почти единодушное рѣшеніе вести дальнѣйшую защиту крѣпости, какъ это подобаетъ русскимъ войскамъ. Записку же, которую онъ обѣщалъ прочесть въ концѣ засѣданія, спряталъ въ карманъ. На этомъ засѣданіе совѣта и окончилось.

Въ приложенной къ дѣлу, въ качествѣ вещественнаго доказательства, тетради донесеній Командующему Маньчжурской арміею и Намѣстнику ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнемъ Востокѣ за 1904 годъ имѣется черновой отпускъ всеподданнѣйшей телеграммы генералъ-адъютанта Стесселя на имя ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, писанный собственною генерала Стесселя рукою. Изъ обоврѣнія этого документа видно, что составленъ 15-го Декабря, въ 11-мъ часу ночи, и начинается словами: «сегодня, въ 10-мъ часу утра японцы произвели взрывъ бруствера форта № III.....» и оканчивается словами: «по занятіи этого форта японцы дѣлаются хозяевами всего сѣверо-восточнаго фронта, и крѣпость продержится лишь нѣсколько дней. У насъ снарядовъ почти нѣтъ. Приму мѣры, чтобы не допустить рѣзни на улицахъ. Цынга очень валитъ гарнизонъ. У меня подъ ружьемъ теперь 10—11 тысячъ, и они нездоровые....» Рукою генералъ-адъютанта Стесселя, синимъ карандашомъ, слова «15-го Декабря» и «сегодня» зачеркнуты и надписано: «16-го Декабря» и «вчера». Затѣмъ наверху листа, рукою генерала Стесселя же, чернымъ карандашомъ, написано: «изъ этого же покороче и Главнокомандующему, прибавивъ, что положеніе совершенно критическое».

Отправка знаменъ въ Чифу.

17-го Декабря 1904 года и. д. начальника штаба 7-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи капитанъ Головань, зайдя въ штабъ раіона между двумя и тремя часами дня, узналъ отъ и. д. начальника штаба раіона полковника Рейса, что по распоряженію генерала Стесселя въ этотъ день отправляются въ Чифу на миноносцѣ полковыя знамена. Тогда капитанъ Головань обратился къ полковнику Рейсу съ вопросомъ, не будетъ ли распоряженій отправить на этомъ

же миноносцѣ и документы, представляющіе историческую цѣнность, на что получилъ отвѣтъ, что отправить можно, но надо имѣть въ виду, что миноносецъ можетъ быть потопленъ или взятъ въ плѣнъ, и тогда пропадутъ документы, которые никакъ не могутъ быть впослѣдствіи возстановлены. Послѣ этого полковникъ Рейсъ приказалъ свидѣтелю, капитану Голованю, подписать въ качествѣ и. д. начальника штаба 7-й дивизіи протоколъ объ отправкѣ знаменъ. Въ это время знамена, копья и скобы были уже сняты съ древковъ и укладывались полковыми адъютантами. Видя знамя 25-го полка на квартирѣ начальника штаба раіона, свидѣтель ни на минуту не усомнился въ законности его нахожденія здѣсь, хотя распоряженій о передачѣ знамени этого полка въ штабъ раіона въ штабѣ дивизіи не было получено. Вернувшись въ свой штабъ, свидѣтель немедленно занялся разборомъ документовъ, подлежащихъ отправкѣ. Отобранные документы были упакованы въ особый ящикъ, который адъютантомъ штаба дивизіи былъ отвезенъ въ гавань на отправлявшійся миноносецъ и сданъ тамъ штабсъ-капитану Бабушкину, назначенному для сопровожденія знаменъ и сдачи ихъ нашему военному агенту въ Китаѣ.

Спрошенный въ качествѣ свидѣтеля, бывшій начальникъ штаба укрѣпленнаго раіона, генералъ-маіоръ *Рейсъ* показалъ, что знамена были отправлены изъ Портъ-Артура не 17-го Декабря, а 19-го. По словамъ этого свидѣтеля, распоряженіе о доставленіи знаменъ было сдѣлано черезъ штабъ 4-й дивизіи послѣ отправленія парламентера 19-го Декабря. Знамена были перенесены командами при офицерахъ, въ темнотѣ и безъ церемоній. Затѣмъ были сняты полотна и металлическія части и упакованы, а древки сожжены. Въ 9 часовъ вечера знамена и бумаги на миноносцѣ вышли изъ Портъ-Артура въ Чифу.

Показаніе генералъ-маіора Рейса подтверждается показаніями:

Контръ-адмирала *Лащинскаго*—что 19-го Декабря, около полудня, имъ было получено письмо отъ начальника штаба укрѣпленнаго раіона, № 2544, объ отправкѣ миноносца въ Чифу со знаменами и секретными документами. Свидѣтель отвѣтилъ на это, что миноносецъ готовъ во всякое время,—и въ 5 часовъ вечера получилъ отъ полковника Рейса телеграмму съ указаніемъ необходимости отправить «сегодня то, о чемъ писалъ», т. е. миноносецъ; и

бывшаго командира порта «Артуръ» контръ-адмирала *Григоровича*, что вечеромъ 19-го Декабря 1904 года имъ были отправлены изъ Портъ-Артура на миноносцѣ, данномъ контръ-адмираломъ Лащинскимъ, полковыя знамена и часть секретной переписки штабовъ раіоновъ и крѣпости, порта, адмираловъ и бывшаго штаба Намѣстника. Отъ флота отправлены были знамя Квантунскаго экипажа и Георгіевскіе рожки канонерскихъ лодокъ «Бобръ» и «Гилякъ».

По показанію бывшаго командира 1-й бригады 7-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи генералъ-маіора *Горбатовскаго,* изъ полковъ этой дивизіи только одинъ 25-й имѣлъ знамя, которое хранилось сперва при 1-й ротѣ, на форту № 1-й, а затѣмъ, кажется, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ оно было перенесено въ штабъ полка. Когда оно было отправлено въ Чифу, свидѣтель не знаетъ, и о фактѣ отправки его онъ узналъ при прочтеніи капитуляціи.

Равнымъ образомъ не знаетъ, какимъ порядкомъ знамена были собраны и отправлены въ Чифу и бывшій начальникъ штаба крѣпости полковникъ *Хвостовъ.*

Наконецъ, изъ показанія бывшаго командира 5-го Восточно-Сибирскаго полка генералъ-маіора *Третьякова* видно, что за нѣсколько дней до 19-го Декабря получено было приказаніе генерала Фока прислать полковое знамя съ адъютантомъ въ штабъ дивизіи.

19-е Декабря 1904 года. — Взятіе японцами Большого Орлинаго Гнѣзда и очищеніе нами Малаго Орлинаго Гнѣзда, Куропаткинскаго люнета и батареи Б.

Еще 17-го Декабря, къ вечеру, японцы, засѣвъ у подножія Скалистаго кряжа, начали бить во флангъ Китайскую стѣну.

18-го Декабря утромъ погибло отъ взрывовъ укрѣпленіе № 3, — и въ 3½ часа этого дня генералъ Фокъ, согласно распоряженія генерала Стесселя, но вопреки категорическаго приказанія коменданта, приказалъ начальнику обороны восточнаго фронта, генералъ-маіору Горбатовскому, очистить Китайскую стѣну со Скалистымъ кряжемъ. Войска начали отходить съ наступленіемъ темноты и въ 5 часовъ утра 19-го Декабря заняли линію: Курганная батарея—Владимірская и Митрофаньевская горы—Большое Орлиное Гнѣздо—участокъ Китайской стѣны за фортомъ № II и Куропаткинскій люнетъ.

Вскорѣ послѣ этого начались атаки японцевъ на Большое Орлиное Гнѣздо. Обстоятельства боя на этомъ пунктѣ и связанныхъ съ нимъ событій—очищенія нами Малаго Орлинаго Гнѣзда, Куропаткинскаго люнета и батареи лит. Б видны изъ показаній слѣдующихъ свидѣтелей:

Бывшаго начальника обороны восточнаго фронта, генералъ-маіора *Горбатовскаго*:—19-го Декабря, еще до разсвѣта, японцы подвели свои штурмовыя колонны и съ 7-ми часовъ утра открыли сильную бомбардировку Большого Орлинаго Гнѣзда, осыпая эту позицію одновременно съ трехъ сторонъ 11-ти дюймовыми бомбами и шрапнелью. Огонь ихъ утихалъ только передъ атаками. Такихъ атакъ произве-

дено было шесть, но всѣ онѣ были отбиты, главнымъ образомъ. огнемъ скорострѣльной батареи, поставленной на Митрофаньевской горѣ, и ручными гранатами. *Около 5-ти часовъ вечера Большое Орлиное Гнѣздо было занято японцами.* Пока шелъ бой на немъ, начальникъ 2-го участка подполковникъ Лебединскій нѣсколько разъ доносилъ свидѣтелю, что на Маломъ Орлиномъ Гнѣздѣ и Куропаткинскомъ люнетѣ стоять невозможно, что японцы обстрѣливаютъ ихъ не только вдоль, но и въ тылъ. Несмотря на это, свидѣтель все же приказывалъ держаться на этихъ позиціяхъ хотя бы рѣдкою цѣпью или даже часовыми. Тѣмъ не менѣе *около 6-ти часовъ вечера* онъ узналъ отъ подполковника Лебединскаго, что *Малое Орлиное Гнѣздо и Куропаткинскій люнетъ нами очищены* и что генералъ Фокъ приказалъ также очистить и батарею Б., Свидѣтель, однако, категорически приказалъ подполковнику Лебединскому держаться на этой батареѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ такое приказаніе отъ него лично. Около 8-ми часовъ вечера свидѣтель получилъ отъ генерала Фока записку, въ которой предписывалось немедленно, подъ угрозой побудительныхъ къ тому мѣръ, очистить батарею Б. Послѣ этого свидѣтель принужденъ былъ приказать Лебединскому исполнить требованіе генерала Фока. Но лишь только успѣли очистить батарею Б., какъ получено было донесеніе отъ коменданта укрѣпленія № 2 о невозможности долѣе на немъ держаться, такъ какъ оно стало обстрѣливаться японцами, занявшими лит. Б. съ тыла и съ фланга. Получивъ это донесеніе, свидѣтель приказалъ перемѣстить оставшійся у него резервъ въ Новый Китайскій городъ (что за укрѣпленіемъ № 2), о чемъ и донесъ генералу Фоку, но послѣдній выразилъ на это свидѣтелю свое неудовольствіе въ томъ смыслѣ, что онъ напрасно тревожитъ людей безцѣльными передвиженіями. Въ ночь съ 19-го Декабря на 20-е войска восточнаго фронта занимали позиціи: отъ р. Луньхэ на Курганную батарею, на горы Лаперовскую, Владимірскую, Митрофаньевскую, Безымянную, Морской кряжъ, Отрожную и Опасную горы, батарею А, открытый капониръ № 1, фортъ № 1, редутъ Тахэ и Сигнальную гору, что у самой бухты Тахэ. Батарея № 2 вечеромъ 19-го Декабря была еще въ нашихъ рукахъ, но ночью была очищена.

Исполнявшаго должность начальника штаба обороны восточнаго фронта, генеральнаго штаба капитана *Степанова:*—съ 7 часовъ утра 19-го Декабря японцы начали обстрѣливать восточный фронтъ и пять разъ атаковали Большое Орлиное Гнѣздо. Генералъ Горбатовскій поддерживалъ его, пока въ резервѣ не осталось двѣ роты. Какъ разъ въ это время пришло извѣстіе, что японцы уже заняли Большое Орлиное Гнѣздо. Считая, что съ постановкою японцами на

Большомъ Орлиномъ Гнѣздѣ хотя бы одного орудія, положеніе отряда влѣво отъ горы сдѣлается критическимъ, генералъ Горбатовскій приказалъ свидѣтелю переговорить по телефону съ начальникомъ штаба генерала Фока, подполковникомъ Дмитревскимъ, о мѣрахъ на случай отхода на 2-ю линію обороны. Изъ словъ подполковника Дмитревскаго свидѣтель ничего опредѣленнаго понять не могъ и потому просилъ прислать ему отвѣтъ письменно. Приблизительно черезъ полчаса охотникъ привезъ отъ подполковника Дмитревскаго письмо съ извѣщеніемъ, что посланъ парламентеръ. Затѣмъ получено было приказаніе генерала Фока: Курганную батарею, Лаперовскую и Митрофаньевскую горы держать, а Куропаткинскій люнетъ и батарею Б очистить. Не понимая идеи такого очищенія, начали переговоры со штабомъ сухопутной обороны, которыя окончились тѣмъ, что генералъ Фокъ прислалъ генералу Горбатовскому записку съ указаніемъ, что относительно его будутъ приняты мѣры, если онъ не исполнитъ этого приказанія. *Куропаткинскій люнетъ и батарея Б были ночью очищены.* Къ вечеру 19-го Декабря въ штабѣ восточнаго отряда не оставалось сомнѣнія, что Большое Орлиное Гнѣздо не въ нашихъ рукахъ.

Бывшаго коменданта Большого Орлинаго Гнѣзда, подполковника *Галицынскаго:*—Свидѣтель жилъ на Большомъ Орлиномъ Гнѣздѣ съ 18-го Августа по 19-е Декабря включительно. 18-го декабря онъ былъ назначенъ комендантомъ этого пункта; никакого укрѣпленія тамъ не было. Стрѣлки сами рыли для себя окопы и ходы сообщенія и строили блиндажи. Вооружено было Большое Орлиное Гнѣздо первоначально двумя 6-ти дюймовыми пушками Канэ, но оба орудія были подбиты японцами еще 6—7 августа, и болѣе изъ нихъ не стрѣляли. За нѣсколько дней до паденія крѣпости была поставлена 47 м./м. скорострѣльная пушка, но 19-го Декабря она была разбита первыми же выстрѣлами японскихъ батарей и къ дѣйствію стала негодной. Гарнизонъ Большого Орлинаго Гнѣзда составляли 67 человѣкъ. 19-го Декабря свидѣтель находился на вершинѣ Большого Орлинаго Гнѣзда, какъ комендантъ его. Около 3-хъ часовъ дня онъ былъ контуженъ японскимъ снарядомъ и оглушенъ взрывомъ нашихъ бомбочекъ. Японцы бросились въ это время на шестой съ утра штурмъ. На этотъ разъ японцамъ удалось занять вершину. Стрѣлки и матросы оставили гору одновременно съ тѣмъ, какъ унесли свидѣтеля. *Это было въ началѣ 4-го часа дня.*

Подпоручика *Гринцевича:*—18-го Декабря свидѣтелю было приказано въ ночь на 19-е число, съ 67 охотниками, занять Большое Орлиное Гнѣздо. Съ этими людьми и малымъ добавленіемъ къ нимъ отъ ротъ 14-го полка (5—10 человѣкъ), 28-го полка (15—20 чело-

вѣкъ) и моряковъ (15 — 20 человѣкъ) свидѣтель отбилъ шесть атакъ, начавшихся съ разсвѣтомъ 19-го Декабря и *окончившихся около 3 часовъ 40 минутъ дня.* Послѣ шестой атаки оставшіеся цѣлыми пять человѣкъ, подъ натискомъ японцевъ, отошли по ходу сообщенія внизъ и заняли окопы вправо отъ Митрофаньевской горы.

По показанію инженеръ-капитана *фонъ-Шварца*—батарея лит. Б. къ моменту взятія Большого Орлинаго Гнѣзда, была сильно разрушена, но окопы впереди, по распоряженію генерала Фока, были усилены, и въ нихъ можно было держаться.

Изложенное подтверждается слѣдующими находящимися въ дѣлѣ документами:

Запискою генералъ-лейтенанта Фока генералу Горбатовскому, отъ 7 час. вечера 19-го Декабря:—«Предписываю Вашему Превосходительству немедленно отдать распоряженіе объ очищеніи лит. Б. Не заставьте меня принять мѣры. Равно держать во что бы то ни стало Курганную батарею, горки Лаперовскую, Владимірскую и Митрофаньевскую»; и телефонограммами:

1) генералъ-лейтенанта Фока генералу Горбатовскому, въ 10 час. 30 мин. утра:—«Большое Орлиное Гнѣздо сегодня удержать во что бы то ни стало»;

2) наблюдателя, лейтенанта Ромашева въ штабъ крѣпости съ Большой горы, въ 2 час. 55 мин. дня 19-го Декабря: — «Японцы влѣзли на Большое Орлиное Гнѣздо, ихъ оттуда сбили, теперь на Орлиномъ никого не видно»;

3) поручика Князева въ штабъ крѣпости:—«Въ 3 часа дня лейтенантъ Ромашевъ сообщилъ, что японцы влѣзли на Орлиное, нашихъ тамъ не видно. На Орлиномъ произошелъ взрывъ, загорѣлась платформа»;

4) генералъ-лейтенанта Фока полковнику Лебединскому въ 5 час. 15 мин. дня 19-го Декабря: — «Сегодня ночью отвести весь гарнизонъ съ лит. Б къ Опасной горѣ, гдѣ имъ поступить въ распоряженіе полковника Поклада. А роту, занимающую Китайскую стѣнку между лит. Б и укрѣпленіемъ № 2, отвести въ укрѣпленіе № 2 для усиленія его гарнизона...»;

5) капитана Степанова — изъ штаба генерала Горбатовскаго въ штабъ сухопутной обороны, въ 6 час. 50 мин. вчера 19-го Декабря:—«Капитанъ Андреевъ съ Митрофаньевской горы доноситъ, что на Большомъ Орлиномъ Гнѣздѣ японцы ставятъ орудія...»;

6) генералъ-лейтенанта Фока генералу Горбатовскому, въ 7 час. 30 мин. вечера: — «Гарнизону лит. Б отойти на Опасную гору, гдѣ поступить въ распоряженіе полковника Поклада, которому мною дано лично указаніе, какъ ихъ употребить. Ротѣ, расположенной на

Китайской стѣнкѣ, между лит. Б и укрѣпленіемъ № 2, отойти на укрѣпленіе № 2, на усиленіе его гарнизона»;

и 7) генералъ-лейтенанта Фока подполковнику Лебединскому, въ 11 час. 45 мин. вечера 19-го Декабря—«Войскамъ съ Куропаткинскаго люнета и Малаго Орлинаго Гнѣзда отходить въ Новый Китайскій городъ, гдѣ стать по фанзамъ. Часть должна быть въ ружьѣ, чтобы не дать прорваться въ городъ. Снаряды можно оставить. Замки съ орудій взять. Взорвать большія орудія, когда всѣ уйдутъ».

Данными предварительнаго слѣдствія устанавливается, что заблаговременно, еще до окончательнаго выясненія вопроса о томъ, взято ли японцами Большое Орлиное Гнѣздо, было заготовлено въ штабѣ укрѣпленнаго раіона письмо къ генералу Ноги съ предложеніемъ начать переговоры о сдачѣ крѣпости, каковое и было послано съ прапорщикомъ Малченко между 3 и 4 часами дня 19-го Декабря.

Изложенное подтверждается показаніями свидѣтелей: бывшаго начальника штаба крѣпости, полковника *Хвостова*—что около 4-хъ часовъ дня свидѣтелю доложили, что видѣли, какъ проскакалъ прапорщикъ Малченко, а за нимъ казакъ съ большимъ бѣлымъ флагомъ. Догадавшись, зачѣмъ поѣхалъ Малченко, свидѣтель доложилъ о томъ коменданту крѣпости. Послѣднимъ офиціальное увѣдомленіе о вступленіи съ японцами въ переговоры относительно сдачи крѣпости было получено въ 7 час. вечера того же дня. Свидѣтель слышалъ, или отъ самого полковника Рейса, или отъ прапорщика Малченко,—точно не помнитъ,—что письмо къ генералу Ноги съ предложеніемъ сдачи крѣпости было заготовлено полковникомъ Рейсомъ заблаговременно и подано генералу Стесселю на подпись 19-го Декабря;

Генералъ-лейтенанта *Фока*, который изъ разговоровъ съ полковникомъ Рейсомъ 19-го Декабря узналъ, что у генерала Стесселя есть письмо къ генералу Ноги съ просьбою прислать парламентера для переговоровъ о сдачѣ крѣпости. На вопросъ, когда это письмо будетъ отправлено, полковникъ Рейсъ отвѣтилъ: «завтра». — «Но ужъ это будетъ поздно», возразилъ генералъ Фокъ и послѣ того, отправившись къ генералу Стесселю, доложилъ послѣднему о положеніи дѣлъ, сказавъ, что восточный фронтъ держаться не можетъ. Послѣ этого доклада и былъ посланъ парламентеръ;

Инженеръ-полковника *Григоренко* — что около 3-хъ часовъ дня 19-го Декабря генералъ Стессель, безъ предварительнаго соглашенія съ комендантомъ крѣпости, послалъ парламентера съ предложеніемъ сдать крѣпость;

Бывшаго командира порта «Артуръ», контръ-адмирала *Григоровича*—что около 4-хъ часовъ дня 19-го Декабря, въ помѣщеніе, занимаемое имъ, свидѣтелемъ, совмѣстно съ контръ-адмираломъ Лащинскимъ, «влетѣлъ» контръ-адмиралъ Виренъ и сообщилъ имъ содержаніе только что полученнаго имъ письма полковника Рейса о посылкѣ парламентера къ генералу Ноги для переговоровъ о капитуляціи. Пораженный этимъ извѣстіемъ, особенно послѣ рѣшенія военнаго совѣта 16-го Декабря, онъ, свидѣтель, вмѣстѣ съ контръ-адмираломъ Лащинскимъ сталъ просить контръ-адмирала Вирена, какъ младшаго, съѣздить къ коменданту крѣпости и, узнавъ, въ чемъ дѣло, какъ можно скорѣе сообщить имъ, ибо ни онъ, свидѣтель, ни контръ-адмиралъ Лащинскій никакихъ извѣщеній отъ полковника Рейса не получали. По возвращеніи своемъ, контръ-адмиралъ Виренъ передалъ ему, свидѣтелю, и контръ-адмиралу Лащинскому, что онъ былъ у коменданта крѣпости, который ничего не зналъ о случившемся, затѣмъ былъ у генерала Бѣлаго, который только при немъ, адмиралѣ Виренѣ, получилъ аналогичное извѣщеніе, а затѣмъ отправился къ генералу Стесселю. Послѣдній казался сконфуженнымъ и подтвердилъ о посылкѣ парламентера. Тогда адмиралъ Виренъ отправился къ полковнику Рейсу, съ которымъ имѣлъ крупный разговоръ, причемъ назвалъ его «измѣнникомъ».

Во время отсутствія контръ-адмирала Вирена, имъ, свидѣтелемъ, и контръ-адмираломъ Лащинскимъ было получено отъ полковника Рейса извѣщеніе, чтобы непремѣнно сегодня же, 19-го Декабря, отправить миноносецъ въ Чифу съ полковыми знаменами. Съ этого момента онъ, свидѣтель, сталъ дѣлать распоряженія къ отправкѣ на томъ же миноносцѣ знаменнаго флага Квантунскаго экипажа, серебряныхъ Георгіевскихъ рожковъ нѣкоторыхъ судовъ и секретной переписки штаба Намѣстника и порта. Онъ сдѣлалъ также подготовительныя распоряженія ко взрыву мастерскихъ, потопленію портовыхъ судовъ, крановъ и т. п.

Въ 6-мъ часу прибылъ на его, свидѣтеля, квартиру комендантъ крѣпости и изложилъ положеніе дѣлъ. Выяснилось, что, вопреки его, генерала Смирнова, распоряженіямъ, очищены укрѣпленія: Куропаткинскій люнетъ, Малое Орлиное Гнѣздо и батарея Б; — что о посылкѣ парламентера генералъ Смирновъ узналъ впервые отъ адмирала Вирена и что теперь положеніе дѣлъ таково, что ничего нельзя уже предпринять для спасенія крѣпости. Собрать войска, которыя можно было взять только съ лѣваго фланга, а именно отъ форта № VI и на Ляотешанѣ, генералъ Смирновъ не находилъ уже возможнымъ.

Изложенныя обстоятельства побудили свидѣтеля принять мѣры для скорѣйшаго уничтоженія судовъ и прочаго казеннаго имущества, а также послать совмѣстно съ контръ-адмиралами Лащинскимъ и Виреномъ протестующую противъ сдачи телеграмму Главнокомандующему арміями и Генералъ-Адмиралу; телеграмма эта была отправлена на миноносцѣ вмѣстѣ съ знаменами. Поздно вечеромъ 19-го же Декабря была получена изъ штаба раіона телеграмма съ требованіемъ назначить делегата отъ флота для участія въ переговорахъ о капитуляціи крѣпости. Такъ какъ въ распоряженіи его, свидѣтеля, подходящаго для этого лица не было, то онъ отказался дать делегата изъ чиновъ порта, почему съ общаго ихъ, адмираловъ, согласія, былъ посланъ капитанъ I-го ранга Щенсновичъ, какъ делегатъ отъ флота. Въ виду того, что флотъ уже не существовалъ, а оставалась только часть личнаго состава, и то почти вся находившаяся въ распоряженіи сухопутнаго начальства, никакихъ особыхъ инструкцій Щенсновичу дано не было, а указывалось ему, какъ человѣку твердому и самостоятельному, вообще отстаивать интересы флота. Къ вечеру 20-го Декабря капитанъ I-го ранга Щенсновичъ вернулся изъ Шуйшуина, и изъ его доклада онъ, свидѣтель, вынесъ впечатлѣніе, что во время переговоровъ онъ, Щенсновичъ, былъ совершенно обезличенъ полковникомъ Рейсомъ;

Командовавшаго въ Портъ-Артурѣ отдѣльнымъ отрядомъ броненосцевъ и крейсеровъ контръ-адмирала *Вирена*,—что для него, свидѣтеля, было совершенною неожиданностью полученіе 19-го Декабря, между 3-мя и 4-мя часами дня, письма отъ полковника Рейса съ извѣщеніемъ, что «уже посланъ офицеръ съ письмомъ къ генералу Ноги, чтобы начать переговоры о капитуляціи, а потому Вы имѣете только одну ночь, чтобы сдѣлать съ судами, что Вы находите нужнымъ». «Ошеломленный, не вѣря «тому письму», онъ, свидѣтель, отправился къ контръ-адмираламъ Григоровичу и Лащинскому узнать, не имѣютъ ли они такихъ же писемъ, но и для нихъ это было также неожиданностью. Оттуда онъ, свидѣтель, поѣхалъ къ генералу Бѣлому, который, оказалось, также ничего не зналъ; новостью было письмо полковника Рейса и для коменданта крѣпости, генерала Смирнова, къ которому онъ затѣмъ поѣхалъ. Тогда онъ, контръ-адмиралъ Виренъ, поспѣшилъ къ генералу Стесселю, гдѣ засталъ уже генерала Бѣлаго, и на вопросъ: «неужели это правда, и развѣ можно сдать крѣпость безъ обсужденія этого вопроса на совѣтѣ?» — получилъ отъ генерала Стесселя отвѣтъ, что это уже совершившійся фактъ, и офицеръ долженъ сейчасъ вернуться. Для него, свидѣтеля, стало тогда ясно, что фактъ сдачи крѣпости, дѣйствительно, совершился; что независимо отъ того, будетъ ли она происходить при междоусоб-

ной войнѣ желающихъ и не желающихъ сдаваться, будетъ ли арестованъ генералъ Стессель или нѣтъ, все равно, крѣпость доживаетъ свои послѣдніе часы;

Бывшаго коменданта крѣпости Портъ-Артуръ, генералъ-лейтенанта *Смирнова* — что около 7-ми часовъ вечера 19-го Декабря къ нему прибылъ контръ-адмиралъ Виренъ и показалъ предписаніе взрывать суда. Только въ 11 часовъ вечера того же дня свидѣтель получилъ при рапортѣ полковника Рейса копію письма генерала Стесселя къ генералу Ноги, составленнаго въ слѣдующихъ выраженіяхъ:—Его Превосходительству, Командующему арміей, осаждающей Портъ-Артуръ. Милостивый Государь. Соображаясь съ общимъ положеніемъ дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, я признаю дальнѣйшее сопротивленіе Портъ-Артура безцѣльнымъ и, во избѣжаніе напрасныхъ потерь, желалъ бы войти въ переговоры относительно капитуляціи. Если Ваше Превосходительство на это согласны, то прошу назначить лицъ, уполномоченныхъ для переговоровъ объ условіи и порядкѣ сдачи, и указать мѣсто, гдѣ ихъ могутъ встрѣтить назначенныя мною лица. Пользуюсь случаемъ и т. д. Генералъ-Адъютантъ Стессель. 1/I 1905». (19-го Декабря 1904 г.).

Бывшій начальникъ штаба укрѣпленнаго раіона генералъ-маіоръ *Рейсъ*, въ свою очередь, показалъ, что ко времени посылки парламентера штурмы на Большое Орлиное Гнѣздо были окончены и что парламентеръ былъ посланъ въ 4½ часа дня. Письмо къ генералу Ноги было составлено при слѣдующей обстановкѣ: около 3-хъ часовъ дня, генералъ-лейтенантъ Фокъ, возвратившись съ позиціи, отправился съ докладомъ къ генералу Стесселю. Пробывъ у него минутъ пятнадцать, генералъ Фокъ зашелъ къ свидѣтелю и передалъ ему, что генералъ-адъютантъ Стессель проситъ его тотчасъ же придти къ нему. Когда свидѣтель пришелъ, генералъ Стессель сообщилъ ему о докладѣ генерала Фока и продиктовалъ письмо по-русски, которое затѣмъ свидѣтель, вмѣстѣ съ прапорщикомъ Малченко, перевелъ на англійскій языкъ.

Въ тотъ же день, 19-го Декабря, генералъ-адъютантъ Стессель отправилъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ телеграмму слѣдующаго содержанія, имъ собственноручно написанную: «Вчера утромъ японцы произвели громадный взрывъ подъ укрѣпленіемъ № 3-й и, еще не успѣлъ опуститься столбъ пламени, открыли адскую бомбардировку по всей линіи; небольшой гарнизонъ укрѣпленія частью погибъ внутри его, частью успѣлъ выйти. Послѣ 2-хъ часовой бомбардировки японцы повели штурмъ на Китайскую стѣнку, что восточнѣе форта № III, до Орлинаго Гнѣзда. Два штурма были отбиты, наша полевая артилерія нанесла во время штурма много вреда. Держаться на Ки-

тайской стѣнкѣ по громадной убыли вовсе нельзя и сдѣлалъ распоряженіе ночью отойти на горы, лежащія за Китайской стѣнкой, уперевъ правый флангъ въ Большую гору (карандашемъ вписано между строкъ рукою полковника Рейса: «теперь большая часть восточнаго фронта въ рукахъ японцевъ»), на этой (карандашемъ, рукою полковника Рейса исправлено: «новой») позиціи можно будетъ просидѣть (рукою полковника Рейса карандашемъ исправлено: «держаться») очень немного (рукою полковника Рейса исправлено карандашемъ: «недолго»), а затѣмъ крѣпость должна будетъ капитулировать. Но все въ руцѣ Бога. Можетъ, и подойдетъ подкрѣпленіе. У насъ потери значительны: два командира полка: 13-го—подполковникъ Гандуринъ и 26-го п.—фл.-ад. полковникъ Семеновъ ранены, причемъ герой Гандуринъ очень тяжело. Комендантъ временного укрѣпленія № 3-й 25-го полка штабсъ-капитанъ Спредовъ погибъ при взрывѣ. Великій Государь, Ты прости насъ. Мы сдѣлали все, что было въ силахъ человѣческихъ. Суди насъ, но суди милостиво. Почти 11 мѣсяцевъ непрерывной борьбы истощили всѣ силы сопротивленія и лишь 1/4 часть защитниковъ (карандашемъ, рукою генерала Стесселя, приписано между строкъ: «изъ коихъ 1/2 больныхъ») занимаетъ 27 верстъ крѣпости безъ помощи и даже смѣны для малаго хоть отдыха. Люди стали тѣнями».

По поводу этой телеграммы, генералъ-маіоръ *Рейсъ* показалъ, что по его предложенію, первая часть телеграммы до словъ «Великій Государь . . . » написана утромъ 19-го Декабря, а окончаніе уже послѣ отправки парламентера.

Уничтоженіе судовъ, запасовъ и средствъ обороны.

Получивъ отъ генерала Стесселя лично подтвержденіе факта посылки письма къ генералу Ноги, командовавшій отдѣльнымъ отрядомъ броненосцевъ и крейсеровъ въ Портъ-Артурѣ, контръ-адмиралъ *Виренъ* сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія по уничтоженію судовъ, секретныхъ книгъ и документовъ. Подготовительныя къ взрыву судовъ работы были выполнены еще вскорѣ послѣ того, какъ, со взятіемъ японцами горы Высокой, 23-го Ноября, суда отряда были потоплены и разстрѣляны 11-ти дюймовыми непріятельскими снарядами. Совѣтомъ всѣхъ командировъ судовъ, флагъ-инженеръ-механика, корабельнаго инженера и минныхъ офицеровъ, подъ предсѣдательствомъ свидѣтеля, контръ-адмирала Вирена, рѣшено было употребить для этого отъ 6 до 8 зарядныхъ отдѣленій минъ Уайтхеда на каждый корабль, размѣстивъ ихъ по двѣ мины подъ кормой у дейдвудныхъ валовъ, по возможности подъ башнями большихъ орудій и въ машинномъ и котельномъ отдѣленіяхъ. Для дополнительныхъ взрывовъ имѣлись наготовѣ два минныхъ катера съ минами Уайтхеда. Вся подготовительная работа

была поручена миннымъ офицерамъ подъ общимъ наблюденіемъ командира броненосца «Полтава», капитана 1-го ранга Успенскаго; на отвѣтственности каждаго командира лежало провѣрить, чтобы работа эта была выполнена.

Отдавъ приказъ взрывать суда, контръ-адмиралъ Виренъ приказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ портить и орудія, подрывая ихъ небольшими зарядами или наливая въ каналъ ихъ кислоты. Всю ночь на 20-е Декабря, до восхода солнца, слышались взрывы; нѣкоторыя суда горѣли, а на береговыхъ укрѣпленіяхъ многіе офицеры и нижніе чины, несмотря на приказаніе начальника укрѣпленнаго раіона ничего не портить, все таки, какъ могли, портили орудія, сжигали заряды, бросали въ воду и зарывали снаряды.

Командиромъ порта «Артуръ», контръ-адмираломъ *Григоровичемъ* отданы были распоряженія потопить портовыя суда, плавучія средства и уничтожать склады миннаго городка, мастерскія, орудія, флаги и документы.

Броненосецъ «Севастополь», утромъ 20-го Декабря, оттянулся отъ берега на глубину 25 саженей, открылъ кингстоны и, опрокинувшись на правую сторону, затонулъ на глубинѣ.

Бывшій интендантъ крѣпости, подполковникъ *Достоваловъ* свидѣтельствуетъ, что о сдачѣ крѣпости узналъ въ ночь съ 19-го на 20-е Декабря, но приказанія уничтожать припасы и вещи не получалъ.

Равнымъ образомъ, не получалъ распоряженія о порчѣ орудій, снарядовъ и всего, что не должно было достаться врагу, и начальникъ обороны восточнаго фронта, генералъ-маіоръ *Горбатовскій*, получившій офиціальное увѣдомленіе о сдачѣ крѣпости въ 7—7½ часовъ вечера 19-го Декабря въ письмѣ подполковника Дмитревскаго капитану Степанову.

Бывшій начальникъ штаба укрѣпленнаго раіона генералъ-маіоръ *Рейсъ* отозвался запамятованіемъ, было ли отдано распоряженіе объ уничтоженіи складовъ имущества, но вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, что большая часть ручного оружія сдана въ испорченномъ видѣ, такъ какъ нижніе чины, складывая ружья, ломали ихъ о землю;—что крѣпостныя орудія были испорчены взрывами пироксилиновыхъ шашекъ;—что часть снарядовъ была брошена въ воду или закопана въ землю, и, наконецъ, что полевыя орудія были испорчены сбитіемъ прицѣловъ, мушекъ и т. п. настолько, что не могли быть употреблены въ дѣло ранѣе исправленія въ арсеналахъ.

Фактъ неотдачи распоряженія о порчѣ фортовъ, орудій и имущества подтверждается показаніями:

контръ-адмирала *Лащинскаго*, который отъ генерала Бѣлаго узналъ, что до окончанія переговоровъ о сдачѣ ничего не приказано портить;

генералъ-маіора *Ирмана,* что хотя приказано было свыше ничего не портить, тѣмъ не менѣе войска западнаго фронта портили свои полевыя орудія, убивали цѣнныхъ лошадей, рубили сѣдла, выбрасывали револьверы и т. д.

генералъ-маіоровъ *Семенова* и *Мехмандарова,* изъ которыхъ послѣдній показалъ, что, узнавъ о сдачѣ крѣпости, распорядился, чтобы въ батареяхъ ввѣреннаго ему 7-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго артиллерійскаго дивизіона портилось и уничтожалось все, что возможно, но вскорѣ получилъ приказаніе ничего не портить;

генералъ-лейтенанта *Никитина,* что никакихъ приказаній о порчѣ орудій онъ отъ начальника укрѣпленнаго раіона не получалъ, но отдалъ такое распоряженіе самостоятельно, вслѣдствіе чего часть полевыхъ пушекъ и снарядовъ была сброшена въ море, трубки отвинчивались, нарѣзы орудій сбивались зубилами, канаты травились кислотами, лошади убивались, сѣдла ломались, хомуты рѣзались и аммуниція жглась, и

и. д. начальника штаба 7-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи капитана *Голованя,* что распоряженій генерала Стесселя объ уничтоженіи всякаго имущества въ періодъ отъ рѣшенія сдать крѣпость до подписанія капитуляціи,—въ штабѣ 7-й дивизіи получено не было.

Бывшій комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ *Смирновъ,* между прочимъ, показалъ, что когда начальникъ артиллеріи крѣпости, генералъ-маіоръ Бѣлый, получивъ отъ полковника Рейса увѣдомленіе о приказаніи генерала Стесселя испортить 10-ти дюймовыя орудія, обратился къ послѣднему за подтвержденіемъ таковаго, то генералъ Стессель отмѣнилъ это свое распоряженіе.

Генералъ-лейтенантъ *Фокъ,* въ свою очередь, показалъ, что онъ никакихъ распоряженій относительно порчи орудій не дѣлалъ, но ихъ портили, а снаряды бросали въ море. О посылкѣ парламентера онъ приказалъ увѣдомить генерала Горбатовскаго для объявленія о томъ войскамъ, а утромъ 20-го Декабря отдалъ распоряженіе—не открывать огня.

Гарнизонъ: По даннымъ вѣдомости наличности нижнихъ чиновъ въ укрѣпленномъ раіонѣ Цзиньчжоу—Портъ-Артуръ съ 15-го Февраля по 18-е Декабря 1904 года включительно, составленной сводкою данныхъ изъ частныхъ вѣдомостей наличнаго состава, видно, что 18-го Декабря 1904 года состояло въ Портъ-Артурѣ нижнихъ чиновъ—стрѣлковъ, артилеристовъ, инженерныхъ и другихъ сухопутныхъ войскъ—больныхъ: 6,281 человѣкъ; нестроевыхъ—3,645 человѣкъ; строевыхъ—22,434 человѣка. О наличности изъ этого числа штыковъ на позиціяхъ и въ резервѣ крѣпости представляется возможнымъ судить по вѣдомости о семъ, обнимающей періодъ вре-

мени съ 29-го Августа по 13 Декабря 1904 года и составленной на основаніи веденныхъ въ штабѣ сухопутной обороны перечней частей и наличной численности ихъ. Изъ этой вѣдомости видно, что 13-го Декабря на позиціяхъ и въ резервѣ было 12,180 человѣкъ, въ томъ числѣ 2,098 человѣкъ моряковъ.

Изъ приложенныхъ къ показаніямъ генералъ-маіора Горбатовскаго и полковника Хвостова вѣдомостей видно, что съ 23-го по 25-е Декабря 1904 года сдано японцамъ военно-плѣнными: 747 офицеровъ, чиновниковъ и заурядъ-прапорщиковъ и 23,131 нижнихъ чиновъ. Въ томъ числѣ было: стрѣлковъ—12,035, артилеристовъ—4,410, матросовъ—5,818, саперъ—626, казаковъ—177 и разныхъ штабовъ—65 человѣкъ.

Въ частности, свидѣтельскими показаніями устанавливается, что послѣ взятія Большого Орлинаго Гнѣзда на всемъ восточномъ фронтѣ было вмѣстѣ съ моряками до 3,500—4,000 человѣкъ, а на всѣхъ позиціяхъ—стрѣлковъ и моряковъ—12½ тысячъ, артилеристовъ (крѣпостныхъ и полевыхъ)—до 5 тысячъ, инженерныхъ войскъ болѣе тысячи человѣкъ.

Ко дню капитуляціи крѣпости Портъ-Артуръ, т. е. 20 Декабря 1904 года, находилось больныхъ и раненыхъ во всѣхъ врачебныхъ учрежденіяхъ крѣпости—8,336 человѣкъ, въ околодкахъ и слабосильныхъ командахъ—5,313 человѣкъ, всего 13,649 человѣкъ. Если къ этому числу присоединить цифру больныхъ и раненыхъ, поступившихъ въ команды и околодки послѣ сдачи крѣпости, до 29-го Декабря, число которыхъ равняется 1,468 человѣкъ, то общее число больныхъ и раненыхъ, оставленныхъ въ Портъ-Артурѣ, равно 15,117 человѣкъ.

Запасы продовольствія: По показанію бывшаго коменданта крѣпости генералъ-лейтенанта *Смирнова* ко дню сдачи ея оставалось запасовъ: муки—на 40 дней, крупы—на 22 дня, сухарей—на 15 дней, соли и чаю на нѣсколько мѣсяцевъ, сухихъ овощей—на 3 мѣсяца, сахару на 15 дней, лошадей до 2½ тысячъ головъ.

По свѣдѣнію крѣпостного интенданта, подполковника *Достовалова*, сдано японцамъ продуктовъ: муки пшеничной—6957 пудовъ (на 23 дня); муки крупчатки—31050 пудовъ; крупы и рису—4458 пудовъ (на 18 дней); чаю 2351 пудъ (на 140 дней); сахару—981 пудъ (на 15 дней); сушеныхъ овощей—3016 пудовъ (на 45 дней); соли—16301 пудъ (на 176 дней); консервовъ мясныхъ—1767 пудовъ, консервовъ «Корнбефъ»—61 пудъ; овса—68 пудовъ; бобовъ—25118 пудовъ (на 30 дней).

Портомъ сдано японцамъ запасовъ: сушоной капусты—17 пудовъ; крупы овсяной—105 пудовъ; муки ржаной—16500 пудовъ;

мяса соленаго—16 пудовъ, мяса въ консервахъ—5 пудовъ; масла коровьяго—116 пудовъ; сухарей ржаныхъ—15980 пудовъ; сухарей бѣлыхъ—31312 пудовъ; сахару—2811 пудовъ; соли—2890 пудовъ: уксусу—598 ведеръ; чаю байховаго—169 пудовъ; чаю кирпичнаго—171 пудъ; муки пшеничной—7385 кульковъ (кулекъ имѣетъ чистой муки 1 пудъ 15 фунтовъ).

По показанію бывшаго гражданскаго комиссара Квантунской области и предсѣдателя городского Портъ-Артурскаго совѣта, подполковника *Вершинина*, мирное населеніе было обезпечено продовольствіемъ до Марта мѣсяца 1905 года. 23-го Декабря, согласно условіямъ капитуляціи, городская продовольственная комисія передала японцамъ изъ складовъ Китайской Восточной желѣзной дороги городскихъ продовольственныхъ запасовъ: муки бѣлой, американской—420 кульковъ; муки ржаной 3,300 пудовъ; муки пшеничной—600 пудовъ; сухарей ржаныхъ—55 пудовъ; макаронъ—17 ящиковъ: сахару 600 пудовъ; рису I сорта—375 пудовъ; рису II сорта (китайскаго)—850 пудовъ; чумизы (родъ проса)—750 пудовъ; пшена—630 пуд.; соли молотой—700 пуд.; крупы перловой—1 мѣшокъ. Кромѣ того имѣлся еще весьма значительный запасъ бобовъ и въ другихъ городскихъ складахъ и значительные запасы для китайцевъ рису, гаоляна и чумизы.

Артилерійскія средства. Изъ «Артилерійскаго дѣла» штаба укрѣпленнаго Квантунскаго раіона видно, что къ 18 Декабря 1904 года въ Квантунской крѣпостной артилеріи было: орудій—312 (въ томъ числѣ—пулеметовъ 55 и китайскихъ пушекъ—29), снарядовъ къ нимъ 31.845 и патроновъ къ пулеметамъ—1,255,935.

По справкѣ, составленной начальникомъ артилеріи крѣпости, генералъ-маіоромъ Бѣлымъ, 28-го Декабря 1904 года въ Портъ-Артурѣ, къ 20-му Декабря оставалось: орудій годныхъ къ дѣйствію,—295 (въ томъ числѣ: пулеметовъ—20 и китайскихъ пушекъ—29); снарядовъ къ 10-ти дюймовымъ пушкамъ—130, на всѣ орудія; къ 9-ти дюймовымъ—270, на всѣ орудія; 6-ти дюймовыхъ крѣпостныхъ бомбъ — 450; шрапнелей — 1.400; 42-хъ линейныхъ крѣпостныхъ бомбъ—270, шрапнелей—970; къ 6-ти дюймовымъ пушкамъ Канэ бомбъ—900, шрапнелей—1.400; къ легкимъ пушкамъ: гранатъ—1.400, шрапнелей—3.900, картечей—400; 11-ти дюймовыхъ мортирныхъ бомбъ—130 (только японскія); 9-ти дюймовыхъ мортирныхъ бомбъ—230; къ 6-ти дюймовымъ полевымъ мортирамъ: бомбъ—300; къ 57 м./м. береговымъ пушкамъ: гранатъ—4.000, шрапнелей—4.000, картечей—500; къ 57 м./м. капонирнымъ пушкамъ: картечей—2.000; къ 20-75 м./м. морскимъ пушкамъ: въ среднемъ—по 200 гранатъ на

каждую; къ 68-ми 37 м./м. и къ 39-ти 47 м./м. пушкамъ имѣлся большой запасъ бронебойныхъ гранатъ.

Орудійныя деревянныя основанія на батареяхъ №№ 4, 5, 17 и 20 непрерывною стрѣльбою были совершенно разстроены, почему 12—9-ти дюймовыхъ пушекъ и 10—9-ти дюймовыхъ мортиръ почти не могли вовсе стрѣлять; всѣ орудія получили сильный разстрѣлъ каналовъ и другія мелкія поврежденія, не позволявшія использовать вполнѣ всѣ свойства этихъ орудій.

Перечисленные выше комплекты снарядовъ имѣли слѣдующіе недостатки: 10-ти дюймовые снаряды почти всѣ оставались только бронебойные, не снаряженные, небольшое число чугунныхъ бомбъ (русскихъ) для 11-ти дюймовыхъ мортиръ «рвались при собственномъ выстрѣлѣ»; третья часть бомбъ къ 9-ти дюймовымъ пушкамъ и мортирамъ также были стальныя; бобмы для орудій Канэ были морскія и при паденіи не разрывались; шрапнели почти всѣ были безъ трубокъ и передѣлывались въ бомбы; то же относительно 42-хъ линейныхъ пушекъ, 6-ти дюймовыя полевыя мортиры также стрѣляли морскими снарядами для пушекъ Канэ. Заряды были долго лежалые, съ разнообразными свойствами пороха. Для зарядовъ не хватало пороха. Въ полевой скорострѣльной артиллеріи оставалось на орудіе не болѣе 30 патроновъ. Вытяжныя скорострѣльныя трубки, за израсходованіемъ своихъ, употреблялись морскія, перовыя и китайскія, плохого качества. Къ морскимъ 75 м./м. и 47 м./м. пушкамъ употреблялись китайскія обточенныя гранаты, часто рвавшіяся у дула орудія; шрапнелей для нихъ не было. Для 42-хъ линейныхъ пушекъ употреблялись снаряды 9-ти фунт. морскихъ пушекъ.

По показанію генералъ-лейтенанта *Смирнова,* ко дню сдачи крѣпости оставалось около 200 тысячъ снарядовъ, причемъ крупнаго калибра было 9 тысячъ, средняго—около 30 тысячъ, и малаго калибра (для 57, 47 и 37 м./м. орудій)—болѣе 150 тысячъ; кромѣ того около 10 тысячъ снарядовъ оставалось для китайскихъ пушекъ; ружейныхъ патроновъ было около 7 милліоновъ.

Указанное выше генералъ-лейтенантомъ Смирновымъ общее число оставшихся ко дню сдачи снарядовъ—200 тысячъ подтверждается, со словъ генерала Бѣлаго, и генералъ-маіоромъ *Мехмандаровымъ.*

Въ частности, состояніе артилерійскихъ средствъ обороны на атакованныхъ фронтахъ крѣпости устанавливается показаніями свидѣтелей:

генералъ-маіора *Ирмана,*—что на западномъ фронтѣ къ 19-му Декабря крѣпостныхъ и полевыхъ орудій было около 30; снарядовъ къ нимъ для орудій большого калибра не было вовсе, для 37 и 47 м./м.

пушекъ было порядочно; полевыхъ трехдюймовыхъ пушечныхъ патроновъ почти не было;

генералъ-маіора въ отставкѣ *Стольникова*—что на 3-мъ участкѣ восточнаго фронта 19-го Декабря было около 80 годныхъ орудій; снаряды къ нимъ были; болѣе всего къ орудіямъ мелкаго калибра,—въ среднемъ—около 30 снарядовъ на орудіе; къ полевымъ орудіямъ—около 10 на орудіе, и около 10-ти же на каждое орудіе 6-ти дюймоваго калибра. Сдано свидѣтелемъ японцамъ на своемъ участкѣ годныхъ для стрѣльбы: 6-ти дюймовыхъ орудій и болѣе крупнаго калибра—17, полевыхъ—11 и малаго калибра, скорострѣльныхъ—37. Кромѣ того сдано морскихъ орудій около 15.

Генералъ-лейтенантъ *Никитинъ* подтверждаетъ, что на восточномъ фронтѣ были артилерійскіе взводы, въ которыхъ не оставалось ни одного снаряда, и «если бы не сдались, то, по уравненіи ихъ, пришлось бы по 10 или 12 снарядовъ на орудіе (полевое)».

Инженерныя средства обороны, съ паденіемъ Большого Орлинаго Гнѣзда, опредѣлялись главнымъ образомъ состояніемъ 2-й и 3-й оборонительныхъ линій и Центральной ограды.

Въ дополненіе къ приведеннымъ выше отзывамъ о состояніи этихъ позицій и возможности держаться на нихъ, высказанныхъ старшими войсковыми начальниками на военномъ совѣтѣ 16-го Декабря, надлежитъ имѣть въ виду показанія слѣдующихъ свидѣтелей:

начальника инженеровъ крѣпости, полковника *Григоренко*—что 2-я линія обороны отъ Курганской батареи черезъ Митрофаньевскую гору на Большое Орлиное Гнѣздо спроектирована была по естественному ряду возвышенностей. Надъ этою позиціею командовало лишь Большое Орлиное Гнѣздо. Къ недостаткамъ позиціи относилось: неустройство бойницъ и блиндажей (по недостатку рабочихъ рукъ), слабость фронтальнаго огня; обстрѣлъ былъ, главнымъ образомъ, съ боковъ. На Митрофаньевской горѣ стояло 6—8 орудій, да столько же на Лаперовской. Позицію эту свидѣтель считаетъ въ общемъ удовлетворительною, хотя съ паденіемъ Большого Орлинаго Гнѣзда держаться на ней было трудно. Третью оборонительную линію составляли: часть Центральной ограды до Сапернаго редута, Каменоломный кряжъ, а затѣмъ, съ занятіемъ Большого Орлинаго Гнѣзда японцами, линію обороны можно было направить или на батарею лит. Б., или черезъ Большую гору и укрѣпленіе № 1 на батарею лит. А, или фортъ № 1, или можно было примкнуть ее къ укрѣпленію № 2. Первыя орудія на Каменоломномъ кряжѣ начали ставить въ половинѣ Августа, а затѣмъ приступили и къ устройству окоповъ. Работа подвигалась медленно, такъ какъ рабочихъ назначалось не болѣе 100—150 человѣкъ. Глубина траншей была боль-

[illegible] Часть 00[illegible] [illegible] [illegible] на позиции [illegible] наступающих х[illegible] [illegible] находящ[illegible] [illegible] батар[illegible] № 2 см[illegible] [illegible] [illegible] [

главный недостатокъ ея—низкое положеніе относительно ближайшихъ высотъ.

Санитарное состояніе и духъ войскъ. Согласно показанію завѣдывавшаго медицинскою частью Квантунскаго раіона, бывшаго корпуснаго врача 3-го Сибирскаго армейскаго корпуса, дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Рябинина*, санитарное состояніе гарнизона крѣпости до Сентября мѣсяца было вполнѣ благопріятнымъ. Но уже въ Августѣ начали появляться заболѣванія дизентеріей, а въ Сентябрѣ брюшнымъ тифомъ. Обѣ эти болѣзни въ Октябрѣ и Ноябрѣ достигли наибольшаго развитія и съ конца Ноября стали слабѣть. Параллельно съ ними развивалась цынга, которая въ Ноябрѣ и Декабрѣ охватила почти всѣхъ нижнихъ чиновъ. Всѣ раненые и больные въ госпиталяхъ и въ частяхъ войскъ были вмѣстѣ съ тѣмъ и цынготные. Причинами развитія цынги были: изнурительный трудъ по укрѣпленію позицій, продолжительное житье въ землянкахъ и блиндажахъ, недостатокъ въ нѣкоторыхъ пищевыхъ продуктахъ—свѣжемъ мясѣ, овощахъ и кислотахъ и угнетенное состояніе духа, особенно рѣзко сказавшееся, по мнѣнію свидѣтеля, послѣ паденія Высокой горы.

Въ свою очередь войсковые начальники показали:

генералъ-маіоръ *Горбатовскій*,—что «здоровье войскъ, если относиться строго, было плохое; вполнѣ здоровыхъ было мало; всѣ почти были подвержены или предрасположены къ цынгѣ». Выраженіе, что люди походятъ на тѣней, свидѣтель считаетъ вѣрнымъ только относительно тѣхъ, которые дрались изо дня въ день на позиціяхъ; но стоило только людямъ одну, другую ночь поспать, и они оживали. Въ послѣднее время на восточномъ фронтѣ спать приходилось рѣдко. Вѣсть о сдачѣ войска приняли равнодушно, что свидѣтель объясняетъ страшнымъ утомленіемъ людей;

генералъ-лейтенантъ *Никитинъ*—что больныхъ цынгою было очень много, зачатками ея поражены были уже всѣ; но вѣсть о сдачѣ, по показанію этого свидѣтеля, произвела удручающее впечатлѣніе;

генералъ-маіоръ *Мехмандаровъ*—что люди выглядѣли утомленными, но чтобы они пали духомъ,—этого свидѣтель сказать не можетъ;

генералъ-маіоры *Ирманъ* и *Семеновъ*—что состояніе духа войскъ западнаго фронта было хорошее; готовы были еще долго драться, о сдачѣ и не говорили, хотя каждый чувствовалъ, что наступаетъ начало конца съ паденіемъ верковъ на восточномъ фронтѣ;

генералъ-лейтенантъ *Фокъ*—что на восточномъ фронтѣ цынга съ каждымъ днемъ принимала все болѣе острую форму; на западномъ фронтѣ, особенно въ 27-мъ полку, цынги почти не было. Распростра-

неніе цынги свидѣтель объясняетъ непосильной службой, а не отсутствіемъ надлежащаго питанія;

генералъ-лейтенантъ *Смирновъ* — одною изъ причинъ быстраго распространенія цынги считаетъ неутвержденіе генераломъ Стесселемъ постановленія совѣта обороны 25-го Ноября о выдачѣ конины ежедневно по ¼ фунта каждому здоровому и ½ фунта каждому больному.

Изъ госпитальныхъ больныхъ, по показанію свидѣтеля, около половины было цынготныхъ; изъ 7-ми тысячъ больныхъ, находившихся въ околодкахъ, около 5-ти тысячъ могло быть поставлено на верки. Свидѣтель заключаетъ это изъ того, что чрезъ регистраціонный пунктъ японцы пропустили около 24-хъ тысячъ человѣкъ, которые могли совершить походное движеніе въ 19 верстъ до ст. Чилиндзы, затѣмъ слѣдовать въ Дальній, а оттуда на пароходахъ въ Японію.— «Эти люди, безъ сомнѣнія, могли лежать у бойницъ и стрѣлять, когда въ этомъ явилась бы надобность».

По показанію генералъ-маіора *Горбатовскаго* — въ день сдачи выписалось изъ госпиталей и околодковъ отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ.

Въ частности, о состояніи боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ, здоровьѣ и духѣ чиновъ флота свидѣтельствуютъ:

контръ-адмиралъ *Виренъ*—что вслѣдствіе сообщеннаго ему генераломъ Бѣлымъ приказанія генерала Стесселя ничего не портить, на фортахъ остались неиспользованными около 6000 морскихъ снарядовъ большого калибра (6-ти дюймовыхъ и 10-ти дюймовыхъ) и около 60000 малаго — 75 м/м., и Барановскаго, хотя частнымъ образомъ свидѣтелю извѣстно, что на многихъ фортахъ незамѣтно портились орудія и топились снаряды. Послѣ повѣрки морскихъ командъ, оказалось здоровыми, ушедшими въ плѣнъ—115 офицеровъ и 2537 нижнихъ чиновъ;

контръ-адмиралъ *Лащинскій* — что продовольственныхъ запасовъ было вполнѣ достаточно, такъ что портъ удѣлилъ для сухопутныхъ войскъ 6 тысячъ пудовъ масла, 3½ тыс. пудовъ сахару; особенно много было муки и сухарей, которыхъ не ѣли, потому что былъ хлѣбъ. Духъ морскихъ войскъ былъ очень хорошъ, а судя потому, что какъ на нихъ, такъ и на сухопутныя войска сдача произвела удручающее впечатлѣніе, свидѣтельствуетъ, что возможность дальнѣйшей обороны была. Всѣми, правда, сознавалось тяжелое положеніе крѣпости, но мысль о капитуляціи не возникала. Имѣя въ виду, что противникъ, утомленный и обезсиленный веденными имъ штурмами, пошелъ бы вѣроятно ко 2-й линіи тихой сапой, Артуръ, по мнѣнію

свидѣтеля могъ продержаться еще 1½ мѣсяца. Цынготныхъ моряковъ было около 1000 человѣкъ; и

контръ-адмиралъ *Григоровичъ* — что припасовъ хватило бы еще мѣсяца на полтора, а снарядовъ—для двухъ штурмовъ. Достаточно было и защитниковъ. Еще 19-го Декабря свидѣтель послалъ на форты совершенно бодрыхъ людей.

VI. Капитуляція.

Утромъ 20-го Декабря 1904 года (2-го Января 1905 г. н. с.) генералъ-адъютантъ Стессель получилъ отъ генерала Ноги письмо на англійскомъ языкѣ, съ увѣдомленіемъ, что предложенія его о переговорахъ для сдачи крѣпости приняты, что делегаты обѣихъ сторонъ должны встрѣтиться въ дер. Суй-ши-іей (Шуйшуинъ) въ полдень того же 20-го Декабря (2-го Января по н. с.) и должны быть снабжены полномочіями для подписанія капитуляціи, которая должна состояться вслѣдъ за подписаніемъ, безъ всякаго промедленія для дальнѣйшаго одобренія. Вслѣдствіе сего генералъ-адъютантъ Стессель поручилъ начальнику штаба укрѣпленнаго раіона полковнику Рейсу, въ сопровожденіи представителя отъ флота и другихъ назначенныхъ имъ лицъ, отправиться въ дер. Шуйшуинъ для веденія переговоровъ съ японскими уполномоченными о капитуляціи крѣпости. Въ тотъ же день условія капитуляціи были подписаны полковникомъ Рейсомъ и капитаномъ 1-го ранга Щенсновичемъ, и 23-го Декабря, по сдачѣ крѣпости, оружія и запасовъ японскимъ войскамъ, гарнизонъ ея выведенъ былъ изъ Портъ-Артура военно-плѣннымъ.

Обстоятельства, при которыхъ послѣдовало назначеніе генераломъ Стесселемъ уполномоченныхъ съ нашей стороны для веденія переговоровъ о сдачѣ и при которыхъ переговоры эти велись, по даннымъ предварительнаго слѣдствія, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

20-го Декабря утромъ и. д. начальника штаба крѣпости подполковникъ *Хвостовъ* получилъ приказаніе явиться въ штабъ укрѣпленнаго раіона для сопровожденія полковника Рейса, назначеннаго вести переговоры съ японцами. Доложивъ о полученномъ приказаніи коменданту крѣпости, подполковникъ Хвостовъ отправился въ штабъ раіона, но оказалось, что полковникъ Рейсъ и всѣ лица, назначенныя его сопровождать, находятся у генерала Фока, гдѣ былъ и генералъ Стессель. Послѣдній при свидѣтелѣ подписалъ полномочіе полковнику Рейсу, на заключеніе капитуляціи и, передавая его Рейсу, сказалъ, чтобы онъ добивался выпуска гарнизона съ оружіемъ, а если японцы на это не будутъ согласны, то хотя безъ оружія. Остальнымъ собравшимся генералъ Стессель объявилъ, что онъ далъ полковнику Рейсу

полную довѣренность на заключеніе капитуляціи и подробную (словесную) инструкцію на сей предметъ, они же должны сопровождать полковника Рейса.

Въ дер. Шуйшуинъ, гдѣ было назначено мѣсто для переговоровъ, съ полковникомъ Рейсомъ, кромѣ подполковника Хвостова, отправились еще начальникъ штаба 4-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи подполковникъ Дмитревскій, и. д. начальника штаба 7-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи капитанъ Головань, капитанъ 1-го ранга Щенсновичъ, прапорщикъ Малченко и студентъ Восточнаго Института Лебедевъ.

Капитанъ 1-го ранга Щенсновичъ прибылъ, когда уже садились на коней. По дорогѣ къ указаннымъ выше лицамъ присоединился Главноуполномоченный Россійскаго Общества Краснаго Креста на Квантунѣ Егермейстеръ Балашевъ.

Въ Шуйшуинѣ японскій уполномоченный генералъ Идити передалъ полковнику Рейсу уже заготовленныя ранѣе условія капитуляціи, написанныя на англійскомъ языкѣ, и заявилъ, что черезъ $^3/_4$ часа или черезъ часъ онъ явится за отвѣтомъ.

Свидѣтель, полковникъ Хвостовъ, находитъ, что, въ виду обширности письменныхъ условій капитуляціи, времени на обсужденіе ихъ было дано совершенно недостаточно.—«Мы только кое-какъ успѣли ознакомиться съ капитуляціей и выработали слѣдующія поправки: выпускъ гарнизона, хотя бы безъ оружія, разрѣшеніе офицерамъ взять съ собою вѣстовыхъ, исключеніе нѣкоторыхъ невыполнимыхъ статей, какъ, напримѣръ, сдача знаменъ (уже отправленныхъ въ Чифу) и кораблей (уже затопленныхъ) и еще нѣсколько мелкихъ поправокъ. Всѣ эти условія были написаны очень спѣшно и переданы полковникомъ Рейсомъ генералу Идити. При обсужденіи условій капитуляціи, всѣ лица, сопровождавшія полковника Рейса, высказывали свои мнѣнія, при чемъ капитанъ Головань очень энергично доказывалъ, что нельзя соглашаться на капитуляцію, если японцы не выпустятъ весь гарнизонъ, и что на этомъ нужно очень энергично настаивать. Генералъ Идити однако заявилъ, что генералъ Ноги, соглашаясь на нѣкоторыя другія наши условія, на выпускъ гарнизона согласиться не можетъ. Вслѣдъ за этимъ генералъ Идити спросилъ полковника Рейса, согласенъ ли онъ подписать капитуляцію на такихъ условіяхъ. Полковникъ Рейсъ отвѣтилъ, что согласенъ. Пока условія капитуляціи переписывались начисто въ двухъ экземплярахъ, что продолжалось очень долго, полковникъ Рейсъ послалъ съ казакомъ письмо генералу Стесселю, въ которомъ сообщалъ ему о главнѣйшихъ условіяхъ капитуляціи и просилъ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы войска наши ничего не портили и не истребляли. Генералъ

Стессель отвѣтилъ ему, что всѣ распоряженія сдѣланы, и прислалъ телеграмму на Имя ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, которую просилъ немедленно отправить при посредствѣ японцевъ. Въ этой телеграммѣ Стессель доносилъ ГОСУДАРЮ о капитуляціи и просилъ разрѣшенія для офицеровъ дать подписку о неучастіи въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Японіи. Телеграмма была немедленно отправлена японцами. Около 11-ти часовъ вечера капитуляція была изготовлена и подписана съ нашей стороны полковникомъ Рейсомъ и капитаномъ 1-го ранга Щенсновичемъ.

У послѣдняго не было никакой довѣренности на подписаніе капитуляціи, но такъ какъ японцы требовали, чтобы капитуляція была подписана и представителемъ флота, то капитанъ 1-го ранга Щенсновичъ, подписывая ее, обязался впослѣдствіи доставить требуемую довѣренность.

Въ Портъ-Артуръ наши уполномоченные вернулись очень поздно, и свидѣтель сейчасъ же явился къ коменданту съ докладомъ о всемъ происшедшемъ.

Спрошенные при слѣдствіи генеральнаго штаба капитанъ (нынѣ подполковникъ) *Головань* и контръ-адмиралъ *Щенсновичъ* дополняютъ все вышеизложенное слѣдующими подробностями:

Онъ, капитанъ Головань, получилъ увѣдомленіе, что генералъ Стессель назначилъ его ѣхать вмѣстѣ съ полковникомъ Рейсомъ и др. для переговоровъ съ японцами въ 10 час. утра 20-го Декабря. При отъѣздѣ его, свидѣтеля, изъ штаба дивизіи инструкцій ему дано не было. Когда назначенныя лица собрались, генералъ-адъютантъ Стессель объявилъ, что онъ уполномочилъ вести переговоры о сдачѣ полковника Рейса и приказалъ иослѣднему прочитать выданное ему въ томъ удостовѣреніе. Свидѣтель тѣмъ не менѣе обратился съ вопросомъ относительно инструкціи, но генералъ Стессель сказалъ, что онъ обо всемъ сговорился съ полковникомъ Рейсомъ. Изъ этого отвѣта онъ, свидѣтель, заключилъ, что уполномоченнымъ является одинъ полковникъ Рейсъ, остальные же посылаются лишь для сопровожденія его. Съ заключеніемъ свидѣтеля согласился и подполковникъ Хвостовъ. Такъ какъ условія, которыхъ надо было домогаться, не были указаны, то свидѣтель возбудилъ также вопросъ, можетъ ли быть отпущенъ гарнизонъ крѣпости на честное слово. На это присутствовавшій тутъ генералъ Фокъ сказалъ, что гарнизонъ можетъ дать честное слово лишь съ разрѣшенія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Первымъ вопросомъ, предложеннымъ японцами, былъ,—кто уполномоченъ вести переговоры. На это полковникъ Рейсъ заявилъ, что онъ, а отъ морского вѣдомства — капитанъ 1-го ранга Щенсновичъ.

Затѣмъ японцы заявили, что, вслѣдствіе полученнаго ими приказанія, переговоры, несмотря на ихъ исходъ, должны быть окончательными и вступить въ полную силу; поэтому они могутъ начать переговоры только въ томъ случаѣ, если уполномоченные съ нашей стороны согласятся на такой ихъ характеръ. Полковникъ Рейсъ на это заявилъ, что онъ уполномоченъ принять окончательное рѣшеніе. На разсмотрѣніе условій было дано 45 минутъ, при чемъ, на замѣчаніе полковника Рейса, что, можетъ быть, этого времени окажется недостаточно, японцы заявили, что нѣсколько минутъ не имѣютъ значенія.

Переводили условія капитуляціи съ англійскаго языка на русскій полковникъ Рейсъ и прапорщикъ Малченко. Остальные присутствовали въ той же комнатѣ. Каждая переведенная статья прочитывалась вслухъ, но мнѣній присутствовавшихъ не спрашивалось. По окончаніи перевода свидѣтель заявилъ, что не только офицеры, но весь гарнизонъ долженъ быть отпущенъ. Къ этому мнѣнію присоединились и другіе. Относительно другихъ условій высказано было, что необходимо точно выяснить, какія именно укрѣпленія требуютъ себѣ японцы въ обезпеченіе, такъ какъ ихъ и наши названія различны;— что слѣдуетъ точно опредѣлить предѣльный вѣсъ багажа и что срокъ выступленія назначенъ слишкомъ рано. Въ разговорѣ принимали участіе всѣ присутствовавшіе, но какихъ-либо особыхъ заявленій никѣмъ сдѣлано не было. Во время перевода условій японскіе уполномоченные входили въ помѣщеніе, занятое нашими уполномоченными, одинъ разъ и, сообщивъ, что на одномъ изъ фланговъ была перестрѣлка, а въ городѣ слышны взрывы, заявили, что во время переговоровъ не должно быть никакой умышленной порчи имущества и что въ такомъ случаѣ они имѣютъ право прервать переговоры. На это полковникъ Рейсъ заявилъ, что взрывъ, вѣроятно, былъ случайный, относительно же перестрѣлки сказалъ, что отдано распоряженіе прекратить стрѣльбу со времени выѣзда уполномоченныхъ до ихъ возвращенія. По истеченіи назначеннаго срока японскіе уполномоченные, справившись, разсмотрѣны ли ихъ условія, вернулись, и полковникъ Рейсъ заявилъ, что съ нашей стороны считаютъ необходимымъ и болѣе справедливымъ, чтобы весь гарнизонъ крѣпости былъ отпущенъ, а не одни офицеры, а также передалъ имъ тѣ замѣчанія, которыя были вызваны другими статьями, а именно— о необходимости отсрочить время выступленія изъ крѣпости, объ опредѣленіи въ цифрахъ вѣса багажа, предоставляемаго офицерамъ, о неимѣніи всѣхъ картъ минныхъ загражденій, о потопленіи судовъ, о ненахожденіи въ настоящее время въ Портъ-Артурѣ знаменъ и о

различіи въ наименованіи указанныхъ въ условіяхъ капитуляціи укрѣпленій.

Получивъ эти заявленія, японскіе уполномоченные удалились и по возвращеніи заявили, что находятъ возможнымъ отпустить изъ состава гарнизона только офицеровъ, дружинниковъ, добровольцевъ и вообще лицъ, не состоящихъ на военной службѣ, а также вѣстовыхъ, по одному на каждаго офицера, всѣ же остальные нижніе чины должны быть военно-плѣнными. Время выступленія изъ крѣпости было отсрочено еще на сутки, а вѣсъ багажа—точно опредѣленъ. Предъявивъ эти условія, японскіе уполномоченные вновь удалились. Тогда свидѣтель, подойдя къ полковнику Рейсу, сказалъ, что надо добиваться, чтобы весь гарнизонъ былъ отпущенъ, но полковникъ Рейсъ отвѣтилъ на это свидѣтелю въ томъ смыслѣ, что «тутъ ничего не подѣлаешь, вѣдь они побѣдители».

Когда японцы возвратились, то полковникъ Рейсъ заявилъ имъ о согласіи принять новыя условія, но что офицеры не имѣютъ права, безъ разрѣшенія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, дать подписку не принимать участія въ войнѣ противъ Японіи и что поэтому необходимо предварительно испросить по телеграфу это разрѣшеніе. Японцы изъявили на это согласіе съ условіемъ, чтобы содержаніе телеграммы было имъ извѣстно. Кромѣ того, полковникомъ Рейсомъ было указано, что много тяжело больныхъ и раненыхъ находится не только въ госпиталяхъ, но и въ околодкахъ, въ слабосильныхъ командахъ и даже въ строю, а такъ какъ всѣ калѣки и трудно-больные отпускаются на родину, то слѣдовало бы осмотрѣть всѣхъ больныхъ и раненыхъ. Японцы согласились съ этимъ заявленіемъ. Относительно указанія полковника Рейса, что вѣсъ багажа малъ, японцы сказали, что особая подкомиссія, вѣроятно, впослѣдствіи его увеличитъ, что же касается имѣющихъ историческую цѣнность документовъ, то взять таковые съ собою не было разрѣшено.

Послѣ этого было приступлено къ написанію условій капитуляціи въ окончательной ихъ редакціи. Желая узнать, кто собственно долженъ подписывать условія капитуляціи, свидѣтель обратился съ этимъ вопросомъ къ подполковникамъ Хвостову и Дмитревскому, но получилъ отъ нихъ неопредѣленный отвѣтъ. Тогда свидѣтель заявилъ, что не считаетъ себя въ правѣ подписывать капитуляцію, такъ какъ никѣмъ на это не уполномоченъ. Предъ подписаніемъ капитуляціи японцы предложили нашимъ уполномоченнымъ предъявить письменныя удостовѣренія ихъ полномочій. Полковникъ Рейсъ такое удостовѣреніе показалъ, а у капитана 1-го ранга Щенсновича его не было, и онъ заявилъ, что можетъ представить его на слѣдующій день. Послѣ нѣкотораго совѣщанія японцы на это согласились.

Контръ-адмиралъ *Щеноновичъ* показалъ, что 20-го Декабря, утромъ, онъ совершенно случайно зашелъ на квартиру контръ-адмирала Григоровича, гдѣ засталъ контръ-адмираловъ Лащинскаго и Вирена. Здѣсь адмиралами ему, свидѣтелю, было предложено отправиться уполномоченнымъ отъ флота для заключенія капитуляціи. При этомъ ему было заявлено, что черезъ четверть часа онъ долженъ быть уже въ штабѣ раіона, откуда въ 10 часовъ утра выѣзжаютъ уполномоченные. По прибытіи въ штабъ раіона онъ хотѣлъ представиться генералу Стесселю, но послѣдняго не видалъ, полковникъ же Рейсъ не говорилъ ему, свидѣтелю, что онъ уполномоченный съ такимъ же правомъ голоса, какъ и онъ самъ, полковникъ Рейсъ, а лишь сказалъ, что японцы, очевидно, не согласятся теперь на тѣ условія, которыя предлагали въ Августѣ (вывести войска изъ крѣпости съ оружіемъ). По дорогѣ въ Шуйшуинъ полковникъ Рейсъ также ничего ему, свидѣтелю, объ условіяхъ капитуляціи не говорилъ, кромѣ того, что сказалъ ранѣе. Сказалъ только, что положеніе крѣпости критическое, что не сегодня—завтра въ нее войдутъ японцы и будетъ рѣзня. Въ Шуйшуинѣ японскіе уполномоченные предъявили имъ написанныя уже условія и просили обсудить ихъ, насколько помнитъ свидѣтель, въ теченіе 55 минутъ, чтобы затѣмъ обсуждать ихъ совмѣстно. Японскій представитель флота сказалъ ему, свидѣтелю, что должны быть переданы эксцентрики кораблей. На это онъ, свидѣтель, отвѣтилъ, что таковыхъ уже нѣтъ: корабли или потоплены, или ушли изъ Артура. Времени было немного, разговоровъ было мало. Онъ, свидѣтель, полагалъ, что съ нашей стороны была комиссія подъ предсѣдательствомъ генерала Рейса и членовъ: его, свидѣтеля, полковника Хвостова и капитана Голованя. Такой характеръ имѣло обсужденіе условій. Всѣ говорили и многіе очень горячо. Полковникъ Рейсъ былъ очень воздержанъ. Онъ, свидѣтель, настаивалъ, чтобы весь гарнизонъ съ оружіемъ возвратился въ Россію. Относительно кораблей возраженій не могло быть. Ихъ уже не существовало. Онъ, свидѣтель, возражалъ также противъ признанія мастеровыхъ военноплѣнными. Имъ разрѣшили вернуться въ Россію. Относительно признанія кондукторовъ флота пользующимися офицерскими правами возраженія его, свидѣтеля, успѣха не имѣли. Ихъ признали нижними чинами. По установленіи редакцій статей капитуляціи и перепискѣ ея, полковникъ Рейсъ предложилъ ему, свидѣтелю, подписать ее, какъ представителю отъ флота, и онъ подписалъ.

Наконецъ, присутствовавшій при переговорахъ въ Шуйшуинѣ, бывшій главноуполномоченный Россійскаго Общества Краснаго Креста на Квантунѣ, нынѣ оберъ-егермейстеръ *Балашевъ* показалъ, что отправился въ Шуйшуинъ по предложенію полковника Рейса на тотъ слу-

чай, если условія капитуляціи будутъ касаться и Краснаго Креста. По дорогѣ свидѣтель не слышалъ никакихъ разговоровъ, ни по поводу предстоящихъ переговоровъ, ни о предшествующихъ событіяхъ.— «Ѣхали въ болѣе чѣмъ грустномъ настроеніи».

Равнымъ образомъ, свидѣтель не замѣтилъ никакихъ споровъ, когда японцы предъявили свои условія. Незамѣтно было, чтобы пытались какъ-нибудь затянуть переговоры или сообщить о ходѣ ихъ генералу Стесселю. Наоборотъ, свидѣтелю казалось, что съ нашей стороны, какъ будто, думали только о томъ, чтобы какъ-нибудь скорѣе покончить дѣло и сдаться во что бы то ни стало».

Согласно заключенной капитуляціи, русскіе армія и флотъ, добровольцы и чиновники въ крѣпости и на веркахъ Портъ-Артура становятся военно-плѣнными (ст. 1); всѣ форты и батареи, военные корабли, пароходы и шлюпки, оружіе, склады, лошади и всѣ прочіе военные матеріалы, равно какъ деньги и другіе предметы, принадлежащіе русскому правительству, подлежатъ сдачѣ въ настоящемъ ихъ видѣ японской арміи (ст. 2); гарантируя точное исполненіе порвыхъ двухъ статей, русскіе армія и флотъ должны вывести гарнизонъ изъ всѣхъ фортовъ на Шу-занѣ, Шо-ан-щи-занѣ, Тай-ан-ши-занѣ и на всемъ хребтѣ холмовъ, расположенныхъ къ югу-востоку отъ послѣднихъ, и передать эти форты и батареи японской арміи до наступленія полудня $\frac{\text{21-го Декабря 1904 г.}}{\text{3-го Января 1905 г.}}$ (ст. 3); если русскіе армія и флотъ станутъ разрушать или измѣнять въ какомъ-либо отношеніи современное состояніе предметовъ, указанныхъ въ ст. 2, и существующее въ моментъ подписанія капитуляціи, японская армія прекратитъ всякіе переговоры и получитъ свободу дѣйствій (ст. 4); русскія военныя и морскія власти Портъ-Артура должны собрать и передать японской арміи планъ укрѣпленія Портъ-Артура, карту, указывающую мѣста, въ которыхъ положены подземныя и подводныя мины и другіе опасные предметы, вѣдомость организаціи арміи и флота, расположенныхъ въ Портъ-Артурѣ, списокъ военныхъ и морскихъ офицеровъ съ указаніемъ ихъ чиновъ и должностей, такой же списокъ военныхъ и гражданскихъ судовъ, пароходовъ и шлюпокъ съ поименнымъ спискомъ ихъ экипажей и вѣдомость, указывающую число, полъ, національность и профессію жителей обыкновеннаго населенія (ст. 5); все оружіе (включая и носимое отдѣльными лицами), боевые припасы, военные матеріалы, зданія, деньги и другіе предметы, принадлежащіе правительству, лошади, военныя суда, пароходы, шлюпки вмѣстѣ съ предметами, находящимися внутри этихъ судовъ (за исключеніемъ предметовъ частной собственности) должны быть сохранены въ порядкѣ на мѣстахъ, на которыхъ они находятся въ настоящее время. Способъ ихъ пере-

дачи долженъ быть опредѣленъ русскими и японскими комиссіями (ст. 6); чтобы почтить мужественную защиту Портъ-Артура, русскимъ военнымъ и морскимъ офицерамъ и чиновникамъ позволяется сохранить холодное оружіе и взять съ собою предметы ихъ частной собственности, необходимые для жизни, при чемъ тѣмъ изъ офицеровъ добровольцевъ и чиновниковъ, которые подпишутъ письменную присягу не поднимать болѣе оружія или дѣйствовать какимъ-либо образомъ противъ интересовъ Японіи въ теченіе настоящей войны, будетъ разрѣшено вернуться на родину. Каждому офицеру будетъ разрѣшено взять съ собою одного вѣстового, который будетъ освобожденъ отдѣльно по снятіи присяги (ст. 7); вооруженные унтеръ-офицеры, солдаты и матросы русскихъ арміи и флота, равно какъ и добровольцы, отправятся отрядами подъ командою своихъ офицеровъ, къ мѣсту сбора, указанному японскою арміею, въ своемъ форменномъ одѣяніи, имѣя съ собою переносныя палатки и необходимѣйшіе предметы ихъ частнаго имущества. Подробности этой процедуры будутъ опредѣлены японской комиссіей (ст. 8): для ухода за больными и ранеными, а также для нуждъ военноплѣнныхъ, санитарный и комиссаріатскій составъ русской арміи и флота въ Портъ-Артурѣ должны оставаться до тѣхъ поръ, пока это будетъ признано необходимымъ японской арміей и исполнять свои функціи подъ руководствомъ японскихъ санитарныхъ и комиссаріатскихъ офицеровъ (ст. 9); размѣщеніе гражданскаго населенія, перевозка административныхъ дѣлъ и финансовъ, принадлежащихъ городу, вмѣстѣ съ документами, къ нимъ относящимися, равно какъ и другія дѣла, относящіяся къ исполненію настоящей капитуляціи, будутъ указаны въ дополненіи, имѣющемъ ту же самую обязательную силу, какъ и настоящая капитуляція (ст. 10), и настоящая капитуляція должна быть подписана уполномоченными обѣихъ сторонъ и вступить въ дѣйствіе непосредственно послѣ подписанія (ст. 11). Подлинная капитуляція подписана 2-го Января 1905 года (20 Декабря 1904 года) въ Суй-ши-іей полковникомъ Рейсомъ, начальникомъ штаба укрѣпленнаго раіона Квантунской области: капитаномъ Щенсновичемъ; генералъ-маіоромъ Коске Идити и командиромъ Даніиро Повакура.

Для приведенія въ исполненіе капитуляціи, тогда и тамъ же было составлено и подписано тѣми же лицами «Дополненіе къ капитуляціи Портъ-Артура, подписанной 2-го Января 1905 года», состоящее изъ 12 статей.

Въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ къ дѣлу приложены слѣдующія письма полковника Рейса на имя генерала Стесселя:

1) «Капитуляція сейчасъ будетъ подписана, почему необходимо прекратить теперь-же всякую стрѣльбу. О томъ же отдается прика-

заніе и по японскимъ войскамъ. Офицеры сохраняютъ оружіе. Офицеры, заурядъ-прапорщики, чиновники, доктора и фельдшера, священники и по 1 денщику на офицера (и всѣ калѣки) могутъ выѣхать въ Россію, давъ письменное обязательство не принимать участія въ войнѣ съ Японіей.

«Телеграмму ГОСУДАРЮ о разрѣшеніи дать слово они берутся сейчасъ же отправить.

«Проектъ телеграммы прилагаю.

«Пришлите телеграмму, подписанную Вами, обратно, я сейчасъ же передамъ ее для отправленія.

«Полковникъ Рейсъ.

«Завтра до 8 час. утра должны быть выведены гарнизоны всѣхъ фортовъ между Лунхэ и укрѣпленіемъ № 5».

2) «Пожалуйста прикажите прекратить взрывы въ городѣ и фортахъ и пожары и вообще разрушеніе. Условія менѣе, чѣмъ предположено Вами, но вполнѣ почетныя. Убѣдительно прошу о прекращеніи взрывовъ.

«20 Декабря «Полковникъ Рейсъ.

«Шуйшуинъ».

На первомъ письмѣ, поперекъ его, сверху, крупнымъ почеркомъ, синимъ карандашемъ, написано: «Сейчасъ же исполнить о прекращеніи стрѣльбы, а это сейчасъ назадъ».

А также:—черновая записка, писанная карандашомъ на имя полковника Рейса: «Уполномачиваю Васъ войти въ переговоры съ делегатами, назначенными командующимъ Японскою арміею, осаждающею Портъ-Артуръ, относительно порядка и условія капитуляціи, которая послѣ подписи будетъ считаться вошедшею въ силу. Подп.».

22-го Декабря смѣшанная русско-японская комиссія выработала порядокъ передачи войскъ, а 23-го числа, съ 8½ часовъ утра началась и самая передача. Въ теченіе 23-го, 24-го и 25-го Декабря сдано было японцамъ 23,131 нижнихъ чина и 747 офицеровъ, чиновниковъ и заурядъ-прапорщиковъ. Генералъ Стессель съ войсками не прощался.

По показанію бывшаго гражданскаго комиссара Квантунской области и предсѣдателя городского совѣта г. Портъ-Артура, подполковника *Вершинина*, начальникъ укрѣпленнаго раіона и его штабъ съ 22-го Декабря какъ бы исчезли: ни одного распоряженія, ни одного слова, и они нигдѣ не появлялись. Между тѣмъ участіе ихъ представлялось свидѣтелю особенно желательнымъ, ибо личныя и имущественныя права мирнаго населенія Портъ-Артура по капитуляціи совершенно не были ограждены. Въ особенно тяжеломъ поло-

женіи оказались семьи солдатъ и офицеровъ. Первыя не были обезпечены ни отпускомъ провіанта, ни выдачей имъ жалованья мужей или пособій, онѣ не были снабжены никакими документами, и за ними условіями капитуляціи не были обезпечены квартиры въ казенныхъ зданіяхъ, которыя онѣ занимали въ періодъ осады. Семьи офицеровъ оказались также въ очень тяжелыхъ условіяхъ, когда имъ предложено было слѣдовать къ мужьямъ, для чего онѣ должны были идти пѣшкомъ 19 верстъ до станціи желѣзной дороги. Просьбами въ японскомъ комитетѣ свидѣтелю удалось немного улучшить ихъ судьбу. Японцы обѣщали выдавать солдатскимъ женамъ провіантъ для продовольствія и сохранить за ними квартиры, но все это «по возможности». Для женъ офицеровъ свидѣтелю удалось черезъ тотъ же комитетъ добиться назначенія 18 китайскихъ арбъ, но изъ нихъ 10 были взяты для генерала Стесселя, о чемъ свидѣтелю, сожалѣя и извиняясь, сообщили въ тотъ же вечеръ японскіе офицеры изъ состава гражданскаго комитета.

Отсутствіе распоряженій со стороны генералъ-лейтенанта Стесселя въ періодъ, послѣдовавшій за подписаніемъ капитуляціи крѣпости, и безучастное отношеніе его къ интересамъ мирнаго населенія Портъ-Артура подтверждается также спрошеннымъ при слѣдствіи въ качествѣ свидѣтеля, исполнявшимъ военно-прокурорскія обязанности на Квантунскомъ полуостровѣ, помощникомъ военнаго прокурора Приамурскаго военно-окружного суда полковникомъ *Тыртовымъ*, который, между прочимъ, показалъ, что по прибытіи его на 19-ю версту, на станцію желѣзной дороги, онъ видѣлъ всю платформу заваленною ящиками и узлами, въ числѣ не менѣе 70 мѣстъ, задѣланныхъ такъ, что «они могли выдержать не одно кругосвѣтное плаваніе». Ему, свидѣтелю, объяснили, что это—багажъ генералъ-адъютанта Стесселя. Свидѣтель припоминаетъ также, что завѣдывавшій хозяйствомъ 14-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка капитанъ Протопоповъ еще дней за пять до сдачи говорилъ ему, что есть вѣрный признакъ, что крѣпость скоро будетъ сдана; жена генерала Стесселя прислала за слесарями и плотниками для укладки и упаковки своего имущества.

Свидѣтель, полковникъ *Хвостовъ* также слышалъ, что въ 14-мъ полку, которымъ командовалъ полковникъ Савицкій, еще за мѣсяцъ до сдачи крѣпости, изготовлялись ящики для вещей генерала Стесселя, и тогда же эти вещи укладывались. При слѣдованіи свидѣтеля изъ Портъ-Артура въ Россію свидѣтель лично видѣлъ въ Портъ-Саидѣ баржу, на которую грузились вещи генерала Стесселя; ихъ было не менѣе 50 мѣстъ, причемъ было не мало очень громоздкихъ.

Спрошенные при слѣдствіи по содержанію изложенныхъ выше событій въ качествѣ обвиняемыхъ генералъ-лейтенанты Стессель, Смирновъ и Фокъ и генералъ-маіоръ Рейсъ виновными себя не признали и объяснили:

Генералъ-лейтенантъ Стессель:

Въ журналѣ совѣта обороны 25-го Ноября дѣйствительно невѣрно записано то предложеніе, которое онъ, обвиняемый, приказалъ полковнику Рейсу внести на обсужденіе этого совѣта. Выраженіе «предѣлъ обороны» онъ, обвиняемый, понималъ въ смыслѣ предѣловъ мѣстности, т. е. гдѣ нужно было останавливаться послѣ выбитія насъ японцами съ тѣхъ или иныхъ позицій; послѣ паденія горы Высокой 23-го Ноября, это необходимо было точно выяснить.

Военный совѣтъ 16-го Декабря собранъ былъ имъ, обвиняемымъ, вовсе не для опредѣленія времени капитуляціи, а для выясненія личнымъ опросомъ начальниковъ о нравственномъ состояніи гарнизона. На этомъ совѣтѣ начальники фортовъ и батарей атакованнаго фронта отозвались, что нравственное состояніе людей сильно ухудшилось, во-первыхъ, вслѣдствіе болѣзней, особенно цынги, а во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что люди совершенно извѣрились въ выручку со стороны генералъ-адъютанта Куропаткина. Тѣ же начальники, которые не были на восточномъ фронтѣ, говорили, что войска еще сохраняютъ нравственный духъ. По опросѣ и обсужденіи, рѣшили драться на линіи фортовъ, т. е. на передовой линіи. Послѣднее слово принадлежало ему, обвиняемому, и онъ сказалъ, что приказываетъ драться во чтобы то ни стало на линіи фортовъ. Въ журналѣ военнаго совѣта мнѣніе его записано совершенно вѣрно. На указаніе адмирала Вирена, что ему необходимо время для взрыва машинъ затопленныхъ судовъ, онъ, обвиняемый, отвѣтилъ, что все должно быть для этого подготовлено, а затѣмъ своевременно дано будетъ знать, когда нужно взрывать. Генералъ Бѣлый говорилъ, что снаряды у него еще имѣются, но онъ, обвиняемый, довѣрять вполнѣ генералу Бѣлому не могъ, такъ какъ наканунѣ, т. е. 15 го Декабря, на приказаніе не жалѣть снарядовъ для стрѣльбы по занятому японцами форту № III, генералъ этотъ отвѣчалъ, что снарядовъ не имѣется. Хотя со взятіемъ Большого Орлинаго Гнѣзда, крѣпость, по глубокому убѣжденію обвиняемаго, и должна была пасть, но на совѣтѣ вопроса о капитуляціи онъ, обвиняемый, не возбуждалъ, потому во-первыхъ, что не хотѣлъ подрывать духа даже словомъ «капитуляція», и во-вторыхъ, все еще надѣялся, что вдругъ выручка будетъ; Орлиное Гнѣздо не было еще взято, какъ не было взорвано и укрѣпленіе № 3.

Если же слова эти («сдача» и «капитуляція») и произносились въ комнатѣ, гдѣ происходило засѣданіе совѣта, то онъ, обвиняемый, ихъ не слышалъ; но это вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, по мнѣнію обвиняемаго, что вопросъ о капитуляціи «копошился въ душѣ у многихъ». Полковникъ Рейсъ докладывалъ ему, обвиняемому, что журналъ засѣданія военнаго совѣта надо подписать, но онъ сказалъ, что сейчасъ, при разбросанности членовъ совѣта, это сдѣлать невозможно, что это успѣется, къ тому же совѣтъ собирался лишь для выясненія вопроса о состояніи духа гарнизона. Такъ какъ военный совѣтъ собирался не для рѣшенія вопроса о капитуляціи и о ней «и слова говорено не было», то по ходу событій обвиняемый считалъ себя въ правѣ донести ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, не упоминая о военномъ совѣтѣ, что продержится лишь нѣсколько дней; а такъ какъ докладу генерала Бѣлаго о достаточномъ количествѣ снарядовъ не довѣрялъ, то и добавилъ въ телеграммѣ, что «у насъ снарядовъ почти нѣтъ».

Когда была составлена телеграмма ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, 15-го или 16-го Декабря, онъ, обвиняемый, хорошо не помнитъ, но утверждаетъ, что во всякомъ случаѣ до военнаго совѣта, который окончился поздно и послѣ котораго онъ, обвиняемый, зайдя домой выпить стаканъ чая, поѣхалъ верхомъ на укрѣпленіе № 2, такъ какъ опасался, что японцы, взявъ фортъ № III, лощиною между укрѣпленіемъ № 2 и батареею А, проберутся партіями въ городъ.

Относительно отправки знаменъ въ Чифу обвиняемый объяснилъ, что такъ какъ «жизнь крѣпости висѣла на волоскѣ», то онъ не желалъ дать непріятелю такіе трофеи; къ тому же это не могло содѣйствовать упадку духа гарнизона, такъ какъ знамена были не на позиціяхъ и фортахъ, а въ крѣпости, у ставокъ командировъ частей.

Послѣ смерти генерала Кондратенко, онъ, обвиняемый, назначилъ начальникомъ сухопутной обороны генерала Фока потому, что вполнѣ расчитывалъ на его боевую опытность и умѣніе и считалъ вполнѣ достойнымъ для упорной обороны Портъ-Артура. Замѣтки генерала Фока о невозможности упорнаго сопротивленія крѣпости онъ обвиняемый, не читалъ, да и лицо, которое пишетъ о недостаткахъ крѣпости, еще не является лицомъ, не могущимъ защищать крѣпость до послѣдней крайности. На просьбу генерала Смирнова назначить его начальникомъ восточнаго фронта обороны, а генерала Фока—начальникомъ западнаго фронта, онъ, обвиняемый, отвѣчалъ, что онъ, генералъ Смирновъ, комендантъ, и ему подчиняются весь сухопутный и приморскій фронты; дѣля же сухопутный фронтъ на два, пришлось бы еще назначить надъ ними, генералами Смирновымъ и Фокомъ, объединяющее лицо и, наконецъ, что приказъ о назначеніи генерала Фока уже отданъ.

Событія, послѣдовавшія послѣ 16-го Декабря,—взрывъ укрѣпленія № 3—18-го Декабря, взятіе японцами Китайской стѣнки и, наконецъ, взятіе ими 19-го Декабря, въ 3 часа 40 минутъ дня, Большого Орлинаго Гнѣзда,—создали черезъ три дня послѣ военнаго совѣта такое критическое положеніе, котораго онъ, обвиняемый, такъ скоро не ожидалъ. Тогда, видя продолжающееся движеніе непріятеля по периметру крѣпости на востокъ и что нѣтъ болѣе возможности защищаться, зная, что нужно время для взрыва судовъ и надо пользоваться, пока японцы еще не осмотрѣлись, — онъ, обвиняемый, написалъ письмо генералу Ноги о томъ, что считаетъ дальнѣйшее кровопролитіе безцѣльнымъ, и послалъ это письмо къ полковнику Рейсу для перевода его на англійскій языкъ и отправки съ прапорщикомъ Малченко по назначенію. Письмо послано послѣ паденія Большого Орлинаго Гнѣзда, которое было взято японцами не въ 6 часовъ, а въ 3 часа 40 минутъ дня.

По объясненію обвиняемаго, въ моментъ отправки письма къ генералу Ноги въ нашихъ рукахъ еще находились: батареи берегового фронта, форты и укрѣпленія западнаго и частью сѣвернаго фронта, Курганная батарея, высоты Митрофаньевская, Лаперовская и Владимірская, Малое Орлиное Гнѣздо, батарея Б, укрѣпленія №№ 1 и 2, открытый капониръ, фортъ № I, позиція лейтенанта Хоменко и городъ съ внутренней оградой. Однако, разъ японцами было взято Большое Орлиное Гнѣздо, имъ не было надобности атаковывать горки Митрофаньевскую, Лаперовскую, Малое Орлиное Гнѣздо, Куропаткинскій люнетъ и т. д. Поставивъ корректора стрѣльбы на Большомъ Орлиномъ Гнѣздѣ, откуда взору его, какъ съ птичьяго полета, представлялась вся внутренность крѣпости и всѣ эти горки, они направили бы огонь всѣхъ своихъ орудій, какъ угодно, и уничтожили бы всю внутренность крѣпости, какъ уничтожили нашу эскадру послѣ взятія Высокой горы. Что касается того, можно ли было допустить рѣзню на улицахъ, то, по мнѣнію обвиняемаго, «физически это возможно при непремѣнномъ условіи, чтобы японцы, вмѣсто разгрома внутренности крѣпости снарядами, дали ворваться внутрь войскамъ, а тогда было бы то, что было въ войну 1894—95 годовъ; памятникъ же десяти тысячамъ китайцамъ, зарѣзаннымъ въ Артурѣ, всѣ мы видѣли и не одинъ разъ . . . . . И этотъ послѣдній актъ былъ бы произведенъ надъ моими боевыми товарищами, ранеными воинами, лежавшими по разнымъ госпиталямъ . . . . .» Этого онъ, обвиняемый, допустить не могъ— «и вмѣсто дешевыхъ бумажныхъ лавровъ рѣшилъ сдать остатки героевъ послѣ взятія той высоты, владѣніе которой отдавало въ руки того, кто ею владѣетъ, и крѣпость; крѣпости Портъ-Артуръ послѣ взятія Большого Орлинаго Гнѣзда не существовало».

Военнаго Совѣта, въ смыслѣ 62 ст. Положенія о крѣпостяхъ, онъ, обвиняемый, собрать 19-го Декабря, послѣ паденія Большого Орлинаго Гнѣзда, не могъ, такъ какъ было тогда уже некогда. Ранѣе же предполагалъ собрать такой совѣтъ, когда станетъ ясной невозможность держаться, но надѣялся продержаться еще нѣсколько дней.

Что Большое Орлиное Гнѣздо по шестому штурму было взято, онъ, обвиняемый, это видѣлъ изъ своего дома. Вскорѣ же пришелъ генералъ Фокъ и подтвердилъ это. Тогда онъ и рѣшилъ написать письмо къ генералу Ноги.

Малое Орлиное Гнѣздо, Куропаткинскій люнетъ и батарею Б, онъ, обвиняемый, приказалъ генералу Фоку очистить потому, что эти пункты не имѣли рѣшительно никакой возможности обороняться. Во время предшествовавшихъ боевъ на нихъ было уничточено все вооруженіе. Малое Орлиное Гнѣздо было рядомъ съ Куропаткинскимъ люнетомъ, ближе ¾ версты отъ Большого Орлинаго Гнѣзда, и тутъ же была батарея Б—и надъ всѣмъ этимъ командовало Большое Орлиное Гнѣздо. Очищая эти пункты, онъ, обвиняемый, только и исключительно освобождалъ людей отъ напрасной и безполезной гибели и вмѣстѣ съ тѣмъ ставилъ ихъ на другія позиціи, чтобы показать японцамъ, что мы еще способны оказать сопротивленіе. Самъ же онъ, обвиняемый, по его словамъ, «прекрасно зналъ, что на этихъ декоративныхъ позиціяхъ, отъ Курганной до 2-го укрѣпленія, которыя велѣлъ генералу Фоку держать, невозможно сопротивляться». Онъ, обвиняемый, расчитывалъ, что японцы не сразу осмотрятся и дадутъ время, какъ уничтожить ихъ будущіе трофеи, такъ и заключить съ нами капитуляцію на болѣе почетныхъ условіяхъ. Вслѣдствіе этого и во исполненіе даннаго обвиняемымъ адмиралу Вирену слова, онъ, по отправленіи парламентера, послалъ адмиралу сказать, что настала пора заняться окончательнымъ уничтоженіемъ судовъ. Это сообщеніе адмиралу Вирену было послано послѣ того, какъ Малченко, возвратившись, привезъ, согласіе Ноги на веденіе переговоровъ.

Для заключенія капитуляціи онъ, обвиняемый, назначилъ представителя отъ флота и начальниковъ штабовъ: крѣпости, 4 и 7 дивизій и полковника Рейса. Посылая этихъ лицъ, имъ этого лично не сказалъ, а поручилъ полковнику Рейсу, по пути слѣдованія, передать имъ это и разъяснить, чего онъ, обвиняемый, желаетъ. Онъ же хотѣлъ, чтобы весь гарнизонъ выпустили съ оружіемъ въ рукахъ. Полковника Рейса онъ, обвиняемый, послалъ уполномоченнымъ, какъ своего начальника штаба и человѣка, знающаго англійскій языкъ. Полковникъ Рейсъ на засѣданіи совѣта обороны 25-го Ноября ничѣмъ не проявилъ отсутствія мужества въ своихъ сужденіяхъ, а на военномъ совѣтѣ 16-го Декабря онъ, докладывая о состояніи крѣпости, высказывалъ

свое мнѣніе о значеніи Портъ-Артура и доказывалъ, что она исполнила свое назначеніе. Назначая полковника Рейса, онъ, обвиняемый, не имѣлъ въ виду ст. 60 Положенія о крѣпостяхъ, и полковникъ Рейсъ на нее ему не указывалъ, самъ же онъ считалъ его и мужественнымъ, и выдержаннымъ. Письменной инструкціи онъ, обвиняемый, полковнику Рейсу не давалъ, а далъ ему словесную, въ томъ смыслѣ, чтобы требовалъ выпуска всего гарнизона съ оружіемъ. Равнымъ образомъ, онъ, обвиняемый, не обязалъ полковника Рейса, предварительно подписанія условій, испросить у него, генерала Стесселя, согласіе на принятіе ихъ, но полковникъ Рейсъ, пользуясь случаемъ, прислалъ ему записку изъ Шуйшуина, въ которой сообщалъ, что японцы не принимаютъ желаемыхъ условій, что изъ Токіо имъ категорически указано сохранить оружіе офицерамъ и выпустить тѣхъ изъ нихъ, которые дадутъ слово не сражаться съ ними въ эту войну. Считая, что эти условія были слѣдующими по почетности послѣ предложенныхъ имъ, обвиняемымъ, онъ и изъявилъ полковнику Рейсу свое согласіе на принятіе ихъ. Но выразилъ ли онъ это желаніе въ запискѣ полковнику Рейсу или приказалъ передать ему это словесно, онъ этого теперь не помнитъ Всѣ остальныя условія полковникъ Рейсъ разработалъ на мѣстѣ и по возвращеніи доложилъ, что выговорить болѣе было нельзя. Въ моментъ капитуляціи онъ, обвиняемый, предполагалъ, что у японцевъ было отъ 45 до 50 тысячъ войскъ. Онъ, обвиняемый, не пошелъ съ войсками въ плѣнъ потому, что на свою всеподданнѣйшую телеграмму, имѣлъ счастье получить отвѣтъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ томъ смыслѣ, что каждому предоставляется воспользоваться выговореннымъ правомъ и вернуться на родину, полученная же вслѣдъ за симъ телеграмма ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ, разрѣшивъ всѣ сомнѣнія, позволила ему, генералъ-лейтенанту Стесселю, ѣхать въ Россію.

Никакихъ ящиковъ для упаковки имущества ему, обвиняемому, не дѣлали, а такъ какъ штабъ укрѣпленнаго раіона былъ разбитъ непріятельскими снарядами и перемѣстился въ домъ командира 25-го полка, близь казармъ 10-го полка, то туда переносили пустые ящики, что и было, вѣроятно, принято досужими людьми за приготовленіе для его, обвиняемаго, вещей новыхъ ящиковъ. Начальникъ штаба генерала Ноги сообщилъ ему, обвиняемому, что Микадо разрѣшилъ ему вывезти изъ Артура все свое имущество, но онъ, обвиняемый, сдѣлать этого не могъ по полному отсутствію подводъ; японцы дали ему всего лишь 14 подводъ, изъ коихъ на каждую, даже при ихъ упаковкѣ, можно было уложить не болѣе 10 пудовъ; была еще платформа, на которую можно было, при парѣ лошадей, уложить пудовъ тридцать. При этихъ перевозочныхъ средствахъ онъ, обвиняемый, и

перевезъ имущество свое, своей жены, семи дѣтей—сиротъ, прислуги, ковры генерала Кашталинскаго, бумаги, сундукъ штаба и часть имущества офицеровъ штаба раіона. Остальное все его, обвиняемаго, имущество осталось въ Портъ-Артурѣ. Никакихъ подводъ подъ свои вещи онъ, обвиняемый, не бралъ изъ числа назначенныхъ частнымъ лицамъ; ему лишь прислали 14 японскихъ двуколокъ, на которыхъ помѣщается не болѣе 10—12 пудовъ.

Съ нѣкоторыми войсковыми частями онъ, обвиняемый, лично простился, но со всѣми не могъ, такъ какъ по соглашенію съ генераломъ Ноги долженъ былъ быть къ условленному часу въ деревнѣ Шуйшуинъ для переговоровъ относительно оставляемыхъ въ Портъ-Артурѣ раненыхъ и при нихъ врачей, сестеръ милосердія и пр.

Главная обязанность по сохраненію имущества гражданскаго населенія Портъ-Артура и его эвакуаціи лежала на гражданскомъ комиссарѣ, который оставался еще нѣкоторое время въ крѣпости. По капитуляціи все частное имущество считалось неприкосновеннымъ, но для того, чтобы оно было дѣйствительно неприкосновенно, надо было поставить сторожей, что нѣкоторые и сдѣлали. До самаго отъѣзда его, обвиняемаго, изъ Портъ-Артура къ нему все время являлись частныя лица съ разнаго рода просьбами и жалобами, чаще всего на невыдачу пособій. Полагая, что это дѣло гражданскаго комиссара, онъ, обвиняемый, и направлялъ просителей къ подполковнику Вершинину.

Генералъ-маіоръ Рейсъ:

На совѣтѣ обороны 25-го ноября 1904 года онъ, обвиняемый, лишь буквально передалъ желаніе генерала Стесселя о томъ, чтобы совѣтъ обсудилъ способъ дальнѣйшей обороны и предѣлъ ея, въ томъ смыслѣ, какъ это изложено имъ въ особомъ мнѣніи, приложенномъ къ журналу засѣданія.

На совѣтѣ 16-го Декабря онъ, обвиняемый, не настаивалъ на необходимости тогда же войти въ переговоры о капитуляціи, но, на поставленный генералъ-адъютантомъ Стесселемъ вопросъ о состояніи крѣпости, счелъ своимъ долгомъ высказать откровенно свой взглядъ. Въ томъ, что крѣпость долго продержаться не можетъ, онъ 16-го Декабря 1904 года былъ вполнѣ убѣжденъ и теперь остается при томъ же убѣжденіи, равно какъ считаетъ, что пожертвованіе жизнью не только массы людей, но и одного человѣка на войнѣ обязательно для начальника тамъ, гдѣ этимъ можетъ быть достигнута опредѣленная цѣль; тамъ же, гдѣ достиженіе такой цѣли не представляетъ никакой возможности, пожертвованіе жизнью подчиненныхъ людей является не только не обязательнымъ, но даже пре-

ступнымъ. Исходя изъ этихъ взглядовъ, онъ, обвиняемый, и высказалъ мнѣніе, что разъ, съ развитіемъ успѣховъ непріятеля, успѣхъ дальнѣйшаго сопротивленія сдѣлается невѣроятнымъ, слѣдуетъ принять мѣры къ тому, чтобы рѣзня на улицахъ не могла имѣть мѣста.

Переписавъ журналъ засѣданія военнаго совѣта 16-го Декабря, онъ, обвиняемый, представилъ таковой генералу Стесселю и просилъ его, по возможности скорѣе, подписать и передать ему, генералу Рейсу, для посылки на подпись остальнымъ членамъ совѣта, причемъ указалъ на важность этого документа въ виду 62 ст. Положенія о крѣпостяхъ. На это генералъ Стессель отвѣтилъ, что посылать журналъ для подписи нѣтъ надобности, такъ какъ, собирая совѣтъ, онъ имѣлъ въ виду лишь выслушать мнѣнія отдѣльныхъ начальниковъ о положеніи крѣпости и способахъ дальнѣйшихъ дѣйствій, окончательное же рѣшеніе и отвѣтственность за него принимаетъ на себя. Послѣ этого онъ, обвиняемый, не считалъ себя въ правѣ настаивать на выполненіи 62 ст. Положенія о крѣпостяхъ. Кромѣ того, рѣшеніе генерала Стесселя вступить въ переговоры, насколько извѣстно обвиняемому, было принято послѣ доклада генерала Фока, т. е. не ранѣе 3 часовъ дня 19-го Декабря, когда до наступленія темноты (послѣ чего посылка парламентера дѣлалась невозможной) оставалось не болѣе 1½ часовъ, а въ это время собрать новый совѣтъ было невозможно. Наконецъ, онъ, обвиняемый, не находитъ, чтобы принятое генераломъ Стесселемъ рѣшеніе было противно мнѣнію военнаго совѣта: значительная часть участвовавшихъ въ совѣтѣ лицъ, и преимущественно бывшихъ на атакованномъ фронтѣ, мнѣніе которыхъ поэтому было особенно цѣнно, высказалась въ томъ смыслѣ, что сопротивляться можно и должно, пока мы владѣемъ линіей фортовъ, съ паденіемъ же послѣднихъ, на такъ называемой 2-й линіи обороны,—держаться нельзя. Это послѣднее положеніе и наступило 19-го Декабря.

Упорные штурмы на Большое Орлиное Гнѣздо ясно показали, по мнѣнію обвиняемаго, что на этотъ разъ японцы рѣшили вести дѣло до конца, а съ паденіемъ Орлинаго Гнѣзда пало послѣднее препятствіе ихъ движенію внутрь крѣпости, не говоря о томъ, что съ него вся внутренность крѣпости видна, какъ на планѣ, и любой ея пунктъ можетъ быть обстрѣлянъ прицѣльно изъ ружей и пулеметовъ.

Назначеніе уполномоченнымъ для переговоровъ о капитуляціи произошло не по его, обвиняемаго, желанію, но отказываться отъ него онъ не считалъ себя въ правѣ, такъ какъ твердо рѣшилъ добиваться возможно выгодныхъ условій; при этомъ онъ, обвиняемый, не

могъ не согласиться съ мнѣніемъ генерала Стесселя, что знаніе имъ англійскаго языка будетъ полезно при веденіи переговоровъ.

Отъ генералъ-адъютанта Стесселя, онъ, обвиняемый, получилъ устную инструкцію добиваться выпуска на честное слово всего гарнизона, если можно, то съ оружіемъ; при невозможности же добиться этого, согласиться и на менѣе выгодныя условія, если только въ нихъ не будетъ ничего унизительнаго. Письменной инструкціи онъ, обвиняемый, не считалъ нужнымъ и удобнымъ просить, разъ генералъ Стессель ее самъ ему не далъ, и такъ какъ твердо былъ увѣренъ, что генералъ Стессель не способенъ отказаться отъ данного имъ приказанія.

Отправляясь въ Шуйшуинъ для заключенія капитуляціи, онъ, обвиняемый, данной ему генераломъ Стесселемъ инструкціи сопровождавшимъ его лицамъ не сообщалъ, да никто изъ нихъ его и не спрашивалъ.

Проектъ условій капитуляціи былъ предложенъ японскими уполномоченными на 45 минутъ не для окончательнаго отвѣта, а лишь для ознакомленія и дополненія нашими контръ-предложеніями, для чего, въ виду краткости условій, назначенный срокъ казался ему, обвиняемому, достаточнымъ; вообще же переговоры велись съ 11 до 4—5 часовъ. На заявленное имъ, обвиняемымъ, желаніе о выпускѣ всего гарнизона, японскій уполномоченный заявилъ, что основныя положенія капитуляціи продиктованы изъ Токіо и отступать отъ нихъ онъ не имѣетъ права, такъ что предложенныя ими условія могутъ быть измѣнены лишь въ деталяхъ. Въ виду этого заявленія и полученной отъ генералъ-адъютанта Стесселя инструкціи, онъ, обвиняемый, не счелъ возможнымъ настаивать на своемъ заявленіи, что могло бы повлечь перерывъ переговоровъ. Задержать подписаніе капитуляціи до слѣдующаго дня было нельзя, вслѣдствіе предварительно поставленнаго условія, что переговоры должны быть завершены окончательно въ тотъ же день и на мѣстѣ. Случайное обстоятельство дало ему, обвиняемому, возможность, ранѣе подписанія условій, сообщить ихъ сущность генералу Стесселю и получить его согласіе.

Во время переговоровъ имъ, обвиняемымъ, было обращено вниманіе японскихъ уполномоченныхъ на слишкомъ ограниченный размѣръ багажа, разрѣшенный къ вывозу офицерамъ, но на это было отвѣчено, что такія нормы установлены для полевого багажа японскихъ офицеровъ. Относительно частной собственности въ текстѣ капитуляціи было сказано, что она остается неприкосновенной, а мѣры къ ея охраненію имѣютъ быть выработаны особой смѣшанной комисіей, почему онѣ при заключеніи капитуляціи и не обсуждались. Сравнительно съ первоначально предъявленными японцами

условіями обвиняемому удалось добиться слѣдующихъ уступокъ: перенесенія дня выхода гарнизона изъ крѣпоств съ 21-го Декабря на 23-е; разрѣшенія всѣмъ офицерамъ и ихъ семействамъ, возвращающимся въ Россію, взять съ собой казенную прислугу; разрѣшенія возвратиться въ Россію всему санитарному персоналу, раненымъ, и больнымъ, неспособнымъ къ службѣ въ настоящую кампанію. За неимѣніемъ въ нашемъ законодательствѣ какихъ-либо указаній относительно того, какія условія капитуляціи должны считаться почетными и какія унизительными, и имѣя единственнымъ критеріемъ примѣры военной исторіи, онъ, обвиняемый, не находилъ никакихъ основаній считать предложенныя ему японцами условія капитуляціи унизительными.

Въ частности, относительно своего разговора съ генераломъ Фокомъ 19-го Декабря о составленномъ заранѣе письмѣ къ генералу Ноги, обвиняемый объяснилъ, что такого разговора онъ не помнитъ. Помнитъ же, что генералъ Фокъ спрашивалъ его, обвиняемаго, много-ли времени нужно для составленія и отправки письма съ предложеніемъ начать переговоры, и онъ, обвиняемый, на это отвѣтилъ, что письмо можно написать и перевести въ нѣсколько минутъ.

Генералъ-лейтенантъ Фокъ:

Обвиняемый признаетъ, что онъ, дѣйствительно, не испрашивалъ разрѣшенія коменданта на очищеніе форта № II потому, что считалъ себя подчиненнымъ генералу Стесселю, съ которымъ всегда входилъ непосредственно въ сношеніе; такъ и на этотъ разъ: убѣдившись въ отчаянномъ положеніи форта, онъ доложилъ о томъ генералу Стесселю и отъ него получилъ разрѣшеніе вывести гарнизонъ и фортъ взорвать, послѣ чего онъ уже и не считалъ себя вправѣ обращаться по этому поводу къ коменданту. Очищеніе форта № II-й вовсе не отразилось дурно на духѣ войскъ, такъ какъ всѣ давно этого ждали; ко времени очищенія, фортъ почти уже не существовалъ.

Обвиняемый признаетъ также, что оставить Малое Орлиное Гнѣздо, Куропаткинскій люнетъ и бат. Б—приказалъ онъ, такъ какъ удерживать ихъ послѣ паденія Большого Орлинаго Гнѣзда, по мнѣнію его, было нельзя.

По плану можно видѣть, что Большое Орлиное Гнѣздо господствуетъ надъ Малымъ Орлинымъ Гнѣздомъ и Куропаткинскимъ люнетомъ и обстрѣливаетъ пулеметами не только дорогу, но весь скатъ, обращенный къ Артуру. Ложементы Малаго Орлинаго Гнѣзда фланкируются съ Большого Орлинаго Гнѣзда, а Куропаткинскій люнетъ

обстрѣливается съ тыла. Со взятіемъ Большого Орлинаго Гнѣзда вся Китайская стѣнка перешла въ руки японцевъ, и они въ упоръ подошли къ траншеѣ Малаго Орлинаго Гнѣзда, а Куропаткинскій люнетъ былъ окруженъ съ трехъ сторонъ. Съ паденіемъ Большого Орлинаго Гнѣзда было приказано очистить только то, что зависѣло отъ него, а потому забыли про батарю Б. Но когда пришлось очистить Куропаткинскій люнетъ, то вспомнили и о батареѣ Б. Онъ, обвиняемый, приказалъ и ее очистить. На бат. Б. въ это время орудія не дѣйствовали, все ея укрѣпленіе состояло изъ одной траншеи, обращенной къ японцамъ, но эта траншея доходила до Китайской стѣнки. Японскіе ложементы были расположены въ тридцати шагахъ, а средняя часть ихъ въ пятнадцати. Почти при всякомъ штурмѣ бат. Б переходила въ руки японцевъ; такъ было 13-го ноября, но тогда она была взята обратно моряками. Теперь тѣмъ болѣе, по мнѣнію обвиняемаго, нельзя было ее удерживать, и потому онъ счелъ нужнымъ ее очистить, остановившись на укрѣпленіи № 2. Въ то время такого же взгляда держались и генералъ Горбатовскій, и начальникъ участка подполковникъ Лебединскій, что видно изъ слѣдующаго мѣста телефонограммы послѣдняго отъ 10-ти час. 30-ти мин. утра 19-го Декабря на его, обвиняемаго, имя: «...Доносилъ о положеніи вещей Горбатовскому, получилъ приказаніе обороняться до вечера, а тамъ будетъ сообщено, въ какомъ порядкѣ и куда отойти. Держаться на занимаемой мною позиціи, отдавши Орлиное Гнѣздо, невозможно. Японцы съ Орлинаго Гнѣзда обстрѣливаютъ не только дорогу, что сзади горы, но и вдоль Китайской стѣнки, изъ пулеметовъ и приносятъ сильный уронъ. Жду распоряженія.....»

Изъ вышеизложеннаго, по мнѣнію обвиняемаго, видно, что Малое Орлиное Гнѣздо, Куропаткинскій люнетъ и бат. Б. не могли составлять оплотъ сѣверо-восточнаго фронта. О томъ, что, будто, генералъ Горбатовскій сообщилъ въ штабъ 4-й дивизіи, что имѣется приказаніе коменданта крѣпости не оставлять Малаго Орлинаго Гнѣзда, Куропаткинскаго люнета и бат. Б—онъ, обвиняемый, слышитъ въ первый разъ и сомнѣвается, что такое сообщеніе было. Онъ слышалъ отъ подполковника Лебединскаго,—точно не помнитъ, когда именно,—что комендантъ желаетъ удерживать бат. Б., но приказанія о томъ онъ, генералъ Фокъ, не получилъ, а удержаніе бат. Б. считалъ невозможнымъ, такъ какъ люди сами оттуда ушли бы, и тогда онъ не могъ бы удержать укрѣпленіе № 2.

Изъ предписанія, посланнаго имъ, обвиняемымъ, генералу Горбатовскому 19-го Декабря, въ 7-мъ часу вечера, видно, что объ оставленіи Малаго Орлинаго Гнѣзда и Куропаткинскаго люнета и рѣчи нѣтъ, говорится о бат. Б. Хотя по буквальному смыслу предписанія

угроза относилась къ очищенію бат. Б, но это просто неудачная, благодаря спѣшности, редакція, такъ какъ относительно бат. Б нечего было опасаться, что ее не очистятъ. Угроза, сдѣланная имъ, обвиняемымъ, была направлена на то, чтобы укоренить мысль объ удержаніи Митрофаньевской, Владимірской, Лаперовской и Безымянной горокъ.

Въ частности, относительно словъ, сказанныхъ полковникомъ Рейсомъ 19-го Декабря въ штабѣ раіона о томъ, что письмо генералу Ноги уже написано и будетъ отправлено завтра, онъ, обвиняемый, подтверждаетъ, что такой разговоръ дѣйствительно происходилъ между ними.

Генералъ-лейтенантъ Смирновъ:

Послѣ сдачи форта № II онъ, обвиняемый, сталъ подозрѣвать въ сильной степени о стремленіи генераловъ Стесселя и Фока привести крѣпость къ сдачѣ, явныхъ же къ тому доказательствъ не было; дабы воспрепятствовать этому, онъ, генералъ-лейтенантъ Смирновъ, послалъ Главнокомандующему депешу, въ которой просилъ или утвердить его въ полныхъ правахъ коменданта, или же, въ противномъ случаѣ, снять съ него отвѣтственность за дальнѣйшую оборону и сложить съ него обязанности коменданта; устранить генерала Фока своимъ приказомъ онъ не могъ, такъ какъ это явилось бы отмѣною приказа генерала Стесселя, его начальника. Самая сдача форта № II не могла имѣть рѣшающаго значенія въ смыслѣ тактическомъ, но въ моральномъ смыслѣ значеніе ея было громадно. Фактъ отправленія генералъ-лейтенантомъ Смирновымъ Главнокомандующему депеши за № 1282 подтверждается показаніемъ бывшаго начальника штаба крѣпости полковника *Хвостова*.

Затѣмъ онъ, обвиняемый, совершенно искренно полагалъ, что, согласившись съ мнѣніемъ совѣта 16-го Декабря, генералъ Стессель призналъ дальнѣйшую оборону обязательною, и когда въ 7 часовъ вечера 19-го Декабря изъ предписанія адмиралу Вирену подрывать корабли узналъ, что генералъ Стессель предпринимаетъ сдачу крѣпости, то у него не осталось никакого сомнѣнія, что генералъ Стессель его, генерала Смирнова, и всѣхъ дѣйствительныхъ защитниковъ крѣпости жестоко обманулъ. Поэтому онъ, обвиняемый, полагалъ всякіе доклады о неправильныхъ поступкахъ тому человѣку, который позволилъ себѣ такой обманъ, безцѣльными. Здѣсь могла имѣть мѣсто одна только мѣра—полное устраненіе его отъ власти насиліемъ. Для этого ему, обвиняемому, предстояло собрать всѣхъ старшихъ начальниковъ, объяснить имъ положеніе вещей, указать на позорное поло-

женіе, создаваемое сдачею, и затѣмъ сдѣлать распоряженія объ арестѣ генерала Стесселя, Фока и Рейса и высылкѣ ихъ на миноносцѣ въ Чифу, объ устраненіи отъ командованія полками полковниковъ Савицкаго, Грязнова и Гандурина, о снятіи части войскъ съ Ляотешаня и западнаго фронта и передвиженіи ихъ на Каменоломный кряжъ и объ организаціи всей обороны на новой линіи съ назначеніемъ новаго отвѣтственнаго персонала. Для всего этого дѣла оставалась одна ночь, въ теченіе которой сдѣлать все это было невозможно, тѣмъ болѣе, что всю эту ночь японцы на насъ насѣдали; отдача батареи Б, Малаго Орлинаго Гнѣзда и Куропаткинскаго люнета лишила всякихъ прикрытій для организаціи обороны на 3-й линіи. «Надо принять во вниманіе,—говоритъ обвиняемый,—что таковыя насильственныя перемѣны въ начальствующихъ лицахъ могли породить бунты въ частяхъ». Все это вмѣстѣ взятое убѣдило обвиняемаго въ томъ, что осуществить этого дѣла въ одну ночь онъ не въ состояніи: получится большой сумбуръ, японцы воспользуются случаемъ, чтобы ворваться въ городъ и истребить нѣсколько тысячъ человѣкъ. Въ результатѣ, въ этомъ паденіи крѣпости виновнымъ оказался бы онъ, генералъ Смирновъ, какъ не оцѣнившій дѣйствительнаго положенія вещей и изъ личнаго честолюбія учинившій преступленіе противъ дисциплины арестомъ начальниковъ, и второе преступленіе противъ гарнизона, какъ безцѣльно пожертвовавшій нѣсколькими тысячами жизней. Кромѣ того онъ, генералъ Смирновъ, обвинялся бы тогда еще и въ томъ, что крѣпость пала, вмѣсто того, чтобы капитулировать на самыхъ почетныхъ условіяхъ. Дѣло, по мнѣнію его, обвиняемаго, было уже настолько испорчено, что поправить его не было уже возможности. Тѣмъ не менѣе, не довѣряя окончательно своей оцѣнкѣ, онъ, обвиняемый, въ 8-мъ часу вечера отправился къ адмираламъ. Когда же онъ изложилъ имъ обстановку, то и они признали, что нѣтъ никакихъ шансовъ на успѣхъ предпріятія.

20-го Декабря 1904 года, онъ, обвиняемый, отправилъ Главнокомандующему арміею шифрованную телеграмму слѣдующаго содержанія: — «Генералъ-адъютантъ Стессель вступилъ въ переговоры о сдачѣ крѣпости безъ предупрежденія и вопреки моему и большинства начальниковъ заключенію. 20 Декабря, № 1300. Генералъ-лейтенантъ Смирновъ».

По письменнымъ свѣдѣніямъ на обвиняемыхъ значится:

Генералъ-лейтенантъ Анатолій *Стессель*—изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи, родился 28-го Іюня 1848 года, на службѣ съ 28-го Іюня 1864 года, офицеромъ съ 8-го Августа 1866 года, въ

настоящемъ чинѣ съ 24-го Апрѣля 1901 года, уволенъ отъ службы 30 Сентября 1906 года, былъ въ походахъ съ Болгарскимъ ополченіемъ въ войну съ турками 1877—1878 г г., въ походѣ въ Китай въ 1900—1901 г.г. и участвовалъ въ Русско-Японской войнѣ 1904—1905 г.г.; имѣетъ ордена: Св. Георгія 3 и 4 степеней, Св. Владиміра 3 и 4 степеней, Св. Анны 1. 2 и 3 степеней, Св. Станислава 1 степени съ мечами, 2 степени съ мечами и 3 степени, женатъ, подъ судомъ не былъ.

Генералъ-маіоръ Викторъ *Рейсъ*—изъ дворянъ Курляндской губерніи, родился 22-го Февраля 1864 года, на службѣ съ 1-го Сентября 1881 года, офицеромъ съ 12-го Августа 1883 года, въ настоящемъ чинѣ съ Октября 1904 года; участвовалъ въ Русско-Японской войнѣ 1904—1905 г.г.; имѣетъ ордена: Св. Георгія 4 степени, Св. Владиміра 3 степени съ мечами и 4 степени съ мечами и бантомъ, Св. Анны 2 и 3 степени, Св. Станислава 2 и 3 степеней, женатъ, подъ судомъ не былъ.

Генералъ-лейтенантъ Александръ *Фокъ*—изъ дворянъ Оренбургской губерніи, родился 25-го Августа 1843 года, на службѣ съ 23-го Августа 1863 года, офицеромъ съ 23-го Мая 1864 года, въ настоящемъ чинѣ съ 21-го Августа 1904 года; участвовалъ въ кампаніяхъ: Русско-Турецкой 1877 — 1878 г.г., Русско-Китайской въ 1900 г. и Русско-Японской 1904—1905 г.г.; имѣетъ ордена: Св. Георгія 3 и 4 степеней, Св. Владиміра 2 степени съ мечами, 3 и 4 степеней съ бантомъ, Св. Анны 2 и 3 степеней съ мечами и бантомъ, Св. Станислава 1, 2 и 3 степеней, золотое оружіе съ надписью «за храбрость», золотое оружіе съ бриллiантовыми украшеніями «за храбрость», холостъ, подъ судомъ не былъ.

Генералъ-лейтенантъ Константинъ *Смирновъ*—изъ дворянъ Минской губерніи, родился 19-го Мая 1854 года, на службѣ съ 5-го Августа 1870 года, офицеромъ съ 10-го Августа 1873 года, въ настоящемъ чинѣ со 2-го Февраля 1904 года, имѣетъ ордена: Св. Владиміра 2 степени съ мечами и 3 степени, Св. Анны 1 степени съ мечами, 2 и 3 степеней, участвовалъ въ Русско-Японской войнѣ 1904—1905 г.г., вдовъ, подъ судомъ не былъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго отставной генералъ-лейтенантъ *Стессель*, генералъ-маіоръ *Рейсъ* и генералъ-лейтенанты *Фокъ* и *Смирновъ* обвиняются.

Генералъ-лейтенантъ *Стессель* въ томъ, что:

1) получивъ 20-го Іюня 1904 года предписаніе Командовавшаго Маньчжурскою арміею сдать крѣпость Портъ-Артуръ ея коменданту,

генералъ-лейтенанту Смирнову, и выѣхать къ арміи, предписанія этого не исполнилъ и, оставшись въ крѣпости, удержалъ за собою командованіе, каковыя дѣянія предусмотрѣны 255 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3;

2) въ нарушеніе приказа Намѣстника ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнемъ Востокѣ, отъ 14-го Апрѣля 1904 года, № 339, вмѣшивался въ права и обязанности коменданта крѣпости Портъ-Артуръ, подрывая авторитетъ послѣдняго, вѣру въ него и тѣмъ понижая обороно-способность крѣпости, каковое вмѣшательство выразилось, между прочимъ: а) въ разрѣшеніи имъ, генераломъ Стесселемъ, вопреки распоряженіямъ коменданта, вывоза изъ крѣпости продуктовъ; б) въ назначеніи статскаго совѣтника Рябинина завѣдывающимъ медицинскою частью, безъ подчиненія его коменданту крѣпости; в) въ переводѣ Дальнинской больницы въ отмѣну распоряженія коменданта и въ ущербъ пользѣ дѣла, на выбранный имъ, генераломъ Стесселемъ, по своему личному усмотрѣнію, пунктъ; г) въ отрѣшеніи брантмейстера Вейканена отъ должности; д) въ удаленіи жандармовъ на Ляотешань; е) въ запрещеніи изданія газеты «Новый Край» и въ приказѣ объ арестованіи сотрудника ея, г. Ножина, и ж) въ отмѣнѣ работъ по укрѣпленію 2-й и 3-й оборонительныхъ линій; дѣянія эти предусмотрѣны 141 и 145 ст.ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3;

3) не принялъ своевременно надлежащихъ мѣръ къ увеличенію продовольственныхъ средствъ крѣпости Портъ-Артуръ, а именно: а) не пополнилъ запаса овощей, несмотря на то, что имѣлъ къ тому возможность, б) не принялъ мѣръ къ правильному производству реквизиціи лошадей, предусмотрѣнной мобилизаціоннымъ расписаніемъ, и къ увеличенію въ крѣпости числа головъ скота и в) оставилъ безъ распоряженія представленія коменданта крѣпости объ увеличеніи дачи конины, каковое увеличеніе было настоятельно необходимо для поддержанія силъ истомленнаго гарнизона; дѣянія эти предусмотрѣны 142 и 145 ст.ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3;

4) получая и читая во время осады Портъ-Артура «замѣтки» генералъ-лейтенанта Фока, написанныя въ насмѣшливомъ и рѣзкомъ тонѣ, подрывавшія авторитетъ нѣкоторыхъ начальниковъ, набрасывавшія тѣнь на доброе ихъ имя, расшатывавшія дисциплину и понижавшія духъ гарнизона,—не взирая на вредъ, приносившійся ими дѣлу обороны, не принялъ мѣръ къ прекращенію ихъ изданія и распространенія среди гирнизона, каковое дѣяніе предусмотрѣно 142 и 145 ст.ст. XXII кн. С. В П. 1869 г. изд. 3;

5) изъ личныхъ выгодъ представилъ командовавшему Маньчжурскою арміею 14-го и 18-го Мая и Намѣстнику ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнемъ Востокѣ 17-го Мая донесенія о боѣ при Цзиньчжоу, въ которыхъ, несогласно съ дѣйствительными обстоятельствами дѣла и дѣйствіями участвовавшихъ въ немъ лицъ, а равно и своими собственными, изложилъ, что «въ этомъ жаркомъ дѣлѣ—мы выпустили всѣ снаряды» и что «отступили въ отличномъ порядкѣ до Нангалина», причемъ придалъ всѣмъ этимъ донесеніямъ такую редакцію, которая не оставляла сомнѣнія, что онъ, генералъ Стессель, лично и при томъ съ большой энергіей руководилъ дѣйствіями войскъ, между тѣмъ какъ: а) во время боя при Цзиньчжоу онъ, генералъ Стессель, оставался въ Портъ-Артурѣ, и личнаго участія въ бою не принималъ; б) снарядовъ для скорострѣльной артиллеріи оставалось на ст. Нангалинъ большое количество, и объ этомъ артиллерійскимъ частямъ было извѣстно, и в) отступленіе къ Нангалину было безпорядочнымъ и поспѣшнымъ, причемъ нѣкоторыя части пробивались чрезъ проволочныя загражденія; дѣяніе это предусмотрѣно 362 ст. Улож. о наказ. угол. и исправ., изд. 1885 г.;

6) изъ личныхъ выгодъ и желая выставить дѣйствія своихъ подчиненныхъ въ болѣе благопріятномъ видѣ, представилъ 15-го Мая 1904 года донесеніе командовавшему Маньчжурскою арміею о томъ, что отрядъ генералъ-лейтенанта Фока «постепенно отходитъ къ Волчьимъ горамъ», между тѣмъ какъ это было несогласно съ обстоятельствами, имѣвшими мѣсто въ дѣйствительности, такъ какъ отступленіе этого отряда прямо къ Волчьимъ горамъ, т. е. къ послѣдней передовой позиціи было безпорядочное и настолько поспѣшное, насколько допускала горная дорога, запруженная обозами и бѣжавшими въ Портъ-Артуръ жителями города Дальняго; дѣяніе это предусмотрѣно 362 ст. улож. о наказ. угол. и испр., изд. 1885 г.;

7) изъ личныхъ выгодъ, имѣя цѣлью выставить себя передъ начальствомъ участникомъ несуществовавшихъ боевыхъ столкновеній, представилъ командовавшему Маньчжурскою арміею въ письмѣ отъ 1-го Іюня 1904 года донесеніе о собственной дѣятельности въ крѣпости Портъ-Артуръ, въ которомъ, несогласно съ дѣйствительными обстоятельствами, сообщалъ: «всегда бываю при всѣхъ возможныхъ столкновеніяхъ», между тѣмъ, какъ съ 26-го Января 1904 года по 1-е Іюня, т. е. по день письма его, генерала Стесселя, къ генералъ-адъютанту Куропаткину, не было ни одного столкновенія съ японскими войсками, кромѣ боя при Цзиньчжоу, въ которомъ онъ, генералъ Стессель не участвовалъ, и кромѣ бомбардировокъ, во время которыхъ подвергалось опасности все населеніе Портъ-Артура; дѣя-

ніе это предусмотрѣно 362 ст. Улож. о наказ. угол. и исправ., изд. 1885 года;

8) желая оправдать себя въ предумышленной сдачѣ крѣпости врагу, донесъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ телеграммою отъ 16-го Декабря 1904 года, что «по занятіи форта № III японцы дѣлаются хозяевами всего сѣверо-восточнаго фронта, и крѣпость продержится лишь нѣсколько дней. У насъ снарядовъ почти нѣтъ»..., каковое донесеніе не соотвѣтствовало дѣйствительному положенію крѣпости, такъ какъ на военномъ совѣтѣ, состоявшемся того же 16-го Декабря, огромное большинство членовъ котораго высказалось за оборону до послѣдней крайности, генералъ-маіорами Бѣлымъ и Никитинымъ было заявлено, что снаряды для обороны еще есть; дѣяніе это предусмотрѣно 362 ст. Улож. о наказ. угол. и исправ. изд. 1885 г.;

9) завѣдомо неправильно и ложно представилъ къ ордену Св. Георгія 3 степени генералъ-лейтенанта Фока—за проигранный имъ бой при Цзиньчжоу, въ которомъ названный генералъ проявилъ полную нераспорядительность и растерянность, и генералъ-маіора Надѣина—за тотъ же бой при Цзиньчжоу, въ которомъ генералъ этотъ не оказалъ никакого выдающагося подвига;—и къ ордену Св. Георгія 4 степени—генералъ-маіора Рейса, который самъ призналъ, что подвиговъ, дающихъ право на полученіе этой высокой награды, не совершилъ; дѣяніе это предусмотрѣно 362 ст. Улож. о наказ. угол. и исправ., изд. 1885 г.;

и 10) состоя начальникомъ укрѣпленнаго Квантунскаго раіона и старшимъ начальникомъ въ осажденной японскими войсками крѣпости Портъ-Артуръ, съ подчиненіемъ ему коменданта ея, онъ задумалъ сдать крѣпость японцамъ, для чего, вопреки мнѣнію военнаго совѣта, состоявшагося 16-го Декабря 1904 года, на которомъ громадное большинство членовъ его высказалось за продолженіе упорнаго сопротивленія, къ чему представлялась полная возможность, и не созвавъ, въ нарушеніе 62 ст. полож. объ управл. крѣп. (приказъ по военному вѣдомству 1901 г. № 358), новаго военнаго совѣта, между 3—4 часами пополудни 19-го Декабря 1904 года отправилъ къ командовавшему японскою осадною арміею, генералу Ноги, парламентера съ предложеніемъ вступить въ переговоры о сдачѣ крѣпости Портъ-Артуръ, не исчерпавъ всѣхъ средствъ обороны, такъ какъ численность наличнаго гарнизона и количество боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ обезпечивали возможность продолженія ея,—послѣ чего согласился на предложеніе начальника сухопутной обороны генерала Фока очистить безъ боя Малое Орлиное Гнѣздо, Куропаткинскій люнетъ и батарею лит. Б, что значительно ослабило силу обороны крѣпости, а на слѣдующій день, 20-го Декабря, упол-

номочилъ своего начальника штаба, полковника Рейса, окончательно заключить капитуляцію крѣпости, не давъ ему точныхъ инструкцій относительно пріемлемыхъ съ нашей стороны условій, вслѣдствіе чего полковникъ Рейсъ и подписалъ тогда же, въ дер. Шуйшуинъ, условія капитуляціи крѣпости Портъ-Артуръ, оказавшіяся невыгодными и унизительными для достоинства Россіи, и тѣмъ самымъ онъ, генералъ-лейтенантъ Стессель, не исполнилъ своей обязанности по долгу присяги и воинской чести; сдавъ же крѣпость врагу, онъ, генералъ-лейтенантъ Стессель, не раздѣлилъ участи гарнизона (63 ст. Полож. объ управл. крѣпостями,—приказъ по военному вѣдомству 1901 г. № 358) и не пошелъ съ нимъ въ плѣнъ; дѣянія эти предусмотрѣны 251 и 252 ст. ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3.

Генералъ-маіоръ *Рейсъ* — въ томъ, что, состоя начальникомъ штаба Квантунскаго укрѣпленнаго раіона, зная о намѣреніи генерала Стесселя сдать крѣпость Портъ-Артуръ японскимъ войскамъ въ то время, когда численность наличнаго гарнизона и количество боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ обезпечивали возможность продолженія обороны ея, и раздѣляя это намѣреніе, согласившись предварительно съ генераломъ Стесселемъ, содѣйствовалъ ему въ приведеніи этого намѣренія въ исполненіе, а именно, во первыхъ, на совѣтѣ обороны 25-го Ноября 1904 г. и на военномъ совѣтѣ 16-го Декабря того же 1904 г. преувеличивалъ тяжелое положеніе крѣпости и доказывалъ безцѣльность дальнѣйшаго сопротивленія и необходимость сдачи ея; во вторыхъ, по порученію генерала Стесселя, заблаговременно составилъ и 19-го Декабря 1904 г. отправилъ къ командующему осадною японскою арміею, генералу Ноги, письмо, съ предложеніемъ вступить въ переговоры о капитуляціи, и, въ третьихъ, на слѣдующій день, 20-го Декабря, не испросивъ у генерала Стесселя точныхъ инструкцій относительно пріемлемыхъ условій сдачи, хотя зналъ, что переговоры эти должны быть окончательными, отправился въ дер. Шуйшуинъ, мѣсто, назначенное для переговоровъ, и, не возражая противъ предъявленныхъ японскими уполномоченными требованій, подписалъ въ тотъ же день капитуляцію крѣпости Портъ-Артуръ на невыгодныхъ и унизительныхъ для достоинства Россіи условіяхъ, каковыми своими дѣйствіями онъ, генералъ-маіоръ Рейсъ, содѣйствовалъ генералу Стесселю сдать крѣпость японскимъ войскамъ; дѣянія эти предусмотрѣны 13 ст. Улож. о наказ. угол. и испр. и ст. ст. 251 и 252 XXII кн. С. В. П. 1869 года изд. 3.

Генералъ-лейтенантъ *Фокъ*—въ томъ, что:

1) получивъ 14-го Февраля и 6-го Мая 1904 г. категорическія приказанія генералъ-лейтенанта Стесселя упорно оборонять Цзиньчжоусскую позицію, и не только 5-мъ Восточно-Сибирскимъ стрѣл-

ковымъ полкомъ, но и находившимися вблизи позиціи 13-мъ и 14-мъ полками, доведя дѣло до штыковыхъ свалокъ, онъ, не обращая вниманія на эти указанія, а также и на то, что оборону бухты Инчензы въ тылу позиціи принялъ на себя генералъ Стессель самъ, а) когда бой уже начался, утромъ 13-го Мая вмѣсто того, чтобы руководить имъ, отправился къ бухтѣ Инчензы для выбора тамъ позиціи 15-му полку на случай высадки японцевъ и прибылъ на атакованную позицію только около 2-хъ часовъ дня, б) изъ четырехъ полковъ, сосредоточенныхъ къ Цзиньчжоу, ввелъ въ бой только одинъ и этимъ подвергъ его отдѣльно пораженію, в) во время боя не только не использовалъ резерва, но и остановилъ движеніе въ боевую линію двухъ баталіоновъ, посланныхъ генераломъ Надѣинымъ, г) не исчерпавъ всѣхъ средствъ обороны и не доводя дѣло до штыковъ, отправилъ генералу Стесселю въ Портъ-Артуръ телеграмму, въ которой, съ цѣлью получить отъ него приказаніе объ отступленіи, указывалъ на «критическое положеніе» и на полное отсутствіе снарядовъ, между тѣмъ какъ таковые имѣлись еще въ большомъ количествѣ на ст. Нангалинъ,—и д) получивъ вслѣдствіе сего разрѣшеніе генерала Стесселя отступить съ наступленіемъ темноты, началъ отступленіе засвѣтло, что подвергло отрядъ его большимъ потерямъ, и, такимъ образомъ, отдалъ японцамъ заблаговременно укрѣпленную Цзиньчжоусскую позицію, не употребивъ всѣхъ имѣвшихся въ его распоряженіи средствъ для упорной ея обороны; дѣяніе это предусмотрѣно 251 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3;

2) во время боя 8 Августа 1904 года, получивъ отъ своего непосредственнаго начальника—коменданта крѣпости приказаніе двинуть къ передовымъ фортамъ сѣверо-восточнаго фронта два баталіона 14-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, сразу не исполнилъ этого приказанія, и не пошелъ самъ съ этою послѣднею частью командуемаго имъ резерва, каковыя дѣянія предусмотрѣны 104 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3;

3) не неся во время осады съ 9-го Августа по 3-е Декабря 1904 года какихъ либо служебныхъ обязанностей и посѣщая по своей иниціативѣ позиціи, подъ предлогомъ желанія оказать помощь дѣлу обороны, а въ дѣйствительности изъ малодушнаго тщеславія выставить себя болѣе способнымъ, свѣдущимъ и мужественнымъ, чѣмъ другіе, руководившіе обороною начальники, позволялъ себѣ вести разговоры и издавать «замѣтки», въ которыхъ не только критически и иногда въ очень рѣзкой формѣ разбиралъ дѣйствія этихъ не подчиненыхъ ему лицъ, обвиняя ихъ въ неумѣніи и трусости, но также проводилъ мысль, что укрѣпленія и форты слѣдуетъ защищать безъ большихъ жертвъ, при чемъ дѣлалъ все это такъ, что разгово-

ры его
начал
чинам
и необ
дѣянія
изд. 3
4)
оборон
удержа
укрѣпл
посред
гласіе
мендав
взорва
С. В.
и
Артурт
скимъ
ны, та
выхъ
продол
варите
деніи
доложи
парлам
пости,
иниціа
оборон
боя, п
Малое
нія, во
но очи
Фокъ,
оборон
перего
валъ
невыго
это пр
XXII
Ге
послѣ
ствова

вести крѣпость въ такое состояніе, въ которомъ можно было бы оправдать ея сдачу, онъ, вопреки лежавшей на немъ въ силу ст. 57-й Положенія объ управленіи крѣпостями (приказъ по военному вѣдомству 1901 г. № 358) обязанности, не устранилъ тотчасъ же генералъ-лейтенанта Фока отъ командованія и, вообще, не принялъ энергичныхъ мѣръ къ воспрепятствованію имъ въ исполненіи ихъ плана, а ограничился лишь посылкою Главнокомандующему телеграммы, въ которой просилъ или утвердить его въ полныхъ правахъ коменданта, или сложить съ него обязанности послѣдняго и всякую отвѣтственность за дальнѣйшую оборону крѣпости; дѣяніе это предусмотрѣно 142 и 145 ст. ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3, и

2) узнавъ 19-го Декабря 1904 года о посылкѣ генералъ-адъютантомъ Стесселемъ письма генералу Ноги съ предложеніемъ войти въ переговоры относительно капитуляціи крѣпости, онъ, вопреки 69 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3, и 57 ст. Положенія объ управленіи крѣпостями (приказъ по военному вѣдомству 1901 г. № 358), не созвалъ совѣта обороны и не настаивалъ предъ генералъ-адютантомъ Стесселемъ на точномъ соблюденіи имъ статьи 62 вышеупомянутаго Положенія, а равно и на исполненіи рѣшенія военнаго совѣта 16 Декабря того же года продолжать упорную оборону крѣпости, каковыя дѣянія предусмотрѣны 69, 142 и 145 ст. ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3.

Обвинительный актъ составленъ въ г. С.-Петербургѣ Іюня 5-го дня 1907 г.

Подлинный подписалъ: Главный Военный Прокуроръ, генералъ-лейтенантъ *Рыльке.*

3 005 BR 4060

DS 517.3 .K12 1906 C.1
K Port-Arturskomu :
Stanford University Libraries
3 6105 034 324 447

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004